Митр. Нестор (Анисимов)

Моя Камчатка. Записки православного миссионера

В этой книге публикуются воспоминания митрополита Нестора (в миру Николай Александрович Анисимов, 1885–1962) — камчатского миссионера, основателя Камчатского православного братства, Камчатской духовной миссии и Петропавловской и Камчатской епархии.

Оглавление

"Врач душ и телес..."
От автора
Заря моей жизни
Юность
Три креста
Дорога в неведомое
Начало служения
На стойбище
Во власти духов
От Господа стопы человека устрояются
Контрасты
Богослужение. Церковные требы
Хищники всех мастей
Один на один с недугом
Лечение детей
Эпидемии
Необычные болезни
Черная оспа
В глуши камчатской
Чаепитие у прокаженного
Первые школы
Погребение умерших
Наводнение
Рождественская ночь
Пасха в лепрозории
Буран и другие происшествия
Создание благотворительного братства
Обер-прокурор непримирим
У Государя Императора
Отказ Синода
В Аничковом дворце
Камчатский негр
Устав утверждается
Цели и задачи Братства
Из истории миссионерства на Камчатке
В трудах и заботах
Христос посреди нас
На рубеже двух эпох
Епископская кафедра
После Поместного Собора
От редактора

"Врач душ и телес..."

Шедше убо научите вся языки,
крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Мф. 28,19.

9 ноября 1885 года, в день празднования иконы Божией Матери "Скоропослушница", в Вятке в семье военного чиновника Александра Анисимова родился второй сын, названный во Святом Крещении Николаем. Горячей религиозностью, проявившейся с детских лет, он был обязан своей матери Антонине Евлампиевне, женщине образованной и в то же время весьма набожной. Частое пребывание в храме, чистая детская молитва — все это еще в раннем детстве возбудило в нем желание, может быть, еще и не осознанное, послужить Господу в священном сане. В этом желании шестилетнего мальчика утвердил местный епископ, предсказавший, что пройдет время и он действительно станет архиереем.

Еще в юные годы в стенах Казанского реального училища произошло его знакомство с архимандритом Андреем (Ухтомским), решающим образом повлиявшим на дальнейшую судьбу Николая Анисимова. Сразу же по окончании училища он поступил на миссионерское монгольско-калмыцкое отделение при Казанской духовной академии. Молитва и усиленные занятия восточными языками под духовным руководством архимандрита Андрея — все это вольно или невольно приближало его к вступлению на предопределенный ему Господом путь.

Дело решил случай. Как-то сам Николай передал отцу Андрею письмо, содержавшее просьбу прислать на Камчатку миссионера, и тот совершенно неожиданно благословил свое духовное чадо на это служение. 17 апреля 1907 года 22-летний Николай Анисимов принял монашеский постриг с именем Нестор. Вскоре он был рукоположен во иеродиакона, а через несколько дней — во иеромонаха.

Получив благословение от отца Иоанна Кронштадтского в том же году отец Нестор выехал к месту своего будущего служения.

Номинально принадлежавшая России, Камчатка в ту пору фактически была оторвана от нее. Неграмотные, лишенные какой-либо поддержки со стороны государства и самой элементарной медицинской помощи, камчадалы не были просвещены и светом Христовой истины, исповедовали темные языческие верования, крайне осложнявшие и без того их нелегкую жизнь. Единственным "утешением" была водка, которую, несмотря на трудноодолимые препятствия, беспрерывно доставлял сюда "цивилизованный" мир. Американские, английские, японские, да и доморощенные авантюристы выменивали на нее у простодушных туземцев ценнейшую пушнину.

За несколько лет неустанной работы иеромонаху Нестору удалось сделать немало. Пред его даром любви и терпения открылись души многих камчадалов. Его проповедь слова Божия была успешна. Тысячи людей, пребывавших в языческой тьме, были им крещены.

И все-таки силы одного человека, даже такого деятельного, были ограниченны. Именно в связи с этим у отца Нестора и зародилась мысль о создании Камчатского православного братства со многими отделениями в крупных городах Российской Империи. Для осуществления этого замысла, с благословения местного архиерея, отец Нестор и выехал в Петербург. Все перипетии хлопот об учреждении Братства описаны в публикуемых воспоминаниях. Здесь скажем лишь, что успех миссии отца Нестора, несмотря на противодействие Святейшего Синода и особое упорство его тогдашнего обер-прокурора С.М. Лукьянова, стал возможен исключительно благодаря личной поддержке Государя Николая Александровича и Императрицы-матери Марии Феодоровны.

С удвоенной энергией отец Нестор принимается за работу на Камчатке по строительству церквей, школ, интернатов, больниц.

Прожив долгие годы среди камчадалов, иеромонах Нестор изучил корякский и тунгусский языки, перевел на корякский Божественную литургию, частично Евангелие, а на тунгусский — молитву "Отче наш", заповеди Моисея и Заповеди Блаженства, молитву на лов рыбы, на освящение рыбы, рыбных снастей и мрежей, утвержденную Святейшим Синодом в 1910 году. За эти труды отец Нестор в 1913 году был возведен в сан игумена.

Во время Первой мировой войны отец Нестор два года провел на фронте. Организовав санитарный отряд "Первая помощь под огнем", он сам выносил раненых с поля боя, перевязывал, напутствовал, направлял пострадавших в госпитали и лазареты, за что был удостоен высшей духовной награды — наперсного креста на Георгиевской ленте, а также орденов Святой Анны 2-й и 3-й степеней.

После фронта отец Нестор возвратился на Камчатку, а 16 октября 1916 года архимандрит Нестор был хиротонисан во епископа Камчатского и Петропавловского и стал вторым викарием Владивостокской епархии.

Дальнейшие обстоятельства жизни Владыки Нестора не нашли отражения в его воспоминаниях. Постараемся, насколько возможно, восполнить этот пробел, используя архивные документы, воспоминания современников и материалы периодической печати.

В 1917-1918 годах епископ Нестор участвовал в работе Всероссийского Церковного Собора и выборах Патриарха. С приходом к власти большевиков и началом братоубийства в Москве Собор заседал ежедневно. 31 октября 1917 года по почину архиепископа Таврического Димитрия (Абашидзе) и епископа Нестора было решено отправить "к воюющим гражданам" посольство, чтобы водворить в Москве мир и спокойствие. Кроме того, решением Собора 8 ноября 1917 года была создана особая комиссия для описания и фотосъемки расстрела большевиками московских святынь.

"Вы хотите знать, что сделали "завоеватели" с Москвой... — свидетельствует в частном письме от 23 ноября 1917 года художник М.Н. Нестеров. — О! Они ее сильно покалечили. Тягостное зрелище являет собой Кремль. Успенский собор поврежден двумя снарядами — отверстие в куполе в диаметре 3 1/2 аршина. Чудов мон[астырь], Ивановская колокольня и особенно в ней помещающаяся Патриаршая ризница. Там на полу груда стекол от икон, шкапов, наличников, витрин — все это смешалось с алмазами, рубинами, всякими драгоценностями. Облачения царей, святителей порваны, эмали на Евангелии — разбиты и так далее. Снаружи разбита Беклемишева башня, Спасские и Никольские ворота, на последних сильно пострадал образ. Весь изрешечен Окружной суд, стены Кремля,

Николаевский дворец и многое другое. Там же теперь, около Кремлевской стены, как народ говорит, "под забором" похоронены "жертвы третьей великой революции", те бедняги, которых втянули в злое, братоубийственное дело. Крестов на могилах нет, со стен болтаются красные тряпки — "символы и эмблемы" великой революции. Из улиц пострадали Остоженка, Пречистенка, Арбат с переулками. Особенно Поварская, Никитская и страшное зрелище дают Никитские ворота. Там разрушено три дома, под ними погребено много народа. Наш район тоже был обстрелян. День и ночь мы жили под выстрелами. В мою квартиру попало две пули, едва не убив прислугу. Военные, бывшие на фронте, говорят, что в Москве было тяжелей по одному тому, что стрельба шла со всех сторон. Снаряды и пули летели беспорядочно. На людей охотились, как на зайцев, это мы наблюдали из окон".

"В чем же сказалась наша самая большая беда? — записал 21 февраля 1918 года в своем дневнике писатель М.М. Пришвин. — Конечно, в поругании святынь народных: не важно, что снаряд сделал дыру в Успенском соборе — это легко заделать. А беда в том духе, который направил пушку на Успенский собор. Раз он посягнул на это, ему ничего не стоит посягнуть и на личность человеческую".

11 ноября 1917 года Собор обратился ко всем чадам Православной Российской Церкви: "В течение ряда дней русские пушки обстреливали величайшую святыню России — наш священный Московский Кремль с древними его соборами, хранящими святые

чудотворные иконы, мощи святых угодников и древности российские. Пушечным снарядом пробита кровля дома Богоматери, нашего Успенского собора, поврежден образ Святителя Николая, сохранившийся на Никольских воротах и во время войны 1812 г., произведено разрушение в Чудовом монастыре, хранящем святые мощи митрополита Алексия. С ужасом взирает православный народ на совершившееся, с гневом и отвращением будут клеймить это злое дело потомки наши, стыд покрывает нас пред всем миром, не можем поднять головы от посрамления и горя. Поистине исполняется и над нами слово Иеремиина плача: "Сором и мерзостью Ты сделал нас среди народов... Ужас и яма, опустошение и разорение — доля наша" (Плач. 3, 45-47). Но чьими же руками совершено это ужасное деяние? Увы! Нашего русского воинства, частью того воинства, которое мы молитвенно чтим именованием христолюбивого, которое еще недавно являло подвиги храбрости, смирения, благочестия. А к нему присоединялись и некоторые слои московского населения. Совершители этого дела живут теперь среди нас. С грехом страшного кощунства на совести, быть может, упоенные кровавою своею победой, они и не думают о сделанном. Но есть Божий суд и Божия правда, — Бог поругаем не бывает. Вместо обещанного лжеучителями нового общественного строения — кровавая распря строителей, вместо мира и братства народов — смешение языков и ожесточенная ненависть братьев. Люди, забывшие Бога, как голодные волки, бросаются друг на друга. Происходит всеобщее затемнение совести и разума. [...] Но не может никакое земное царство держаться на безбожии, оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров, от всего этого беснующегося безбожия. На наших глазах совершается праведный суд Божий над народом, утратившим святыню. Вместе с кремлевскими храмами начинает рушиться все мирское строение державы Российской. Еще недавно великая, могучая, славная, она ныне распадается на части. Покинутая благодатию Божиею, она разлагается, как тело, от которого отлетел дух, и совершается реченное пророком: И в народе один будет угнетаем другим, и каждый — ближним своим; юноша будет нагло превозноситься над старшем, и простолюдин — над вельможею" (Ис. 3, 5).

Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует родины и ее святыни. Они ставятся изменниками родины, которые чинят неслыханное предательство России и верных союзников наших. К нашему несчастью, доселе не народилось еще власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви Православной. И не явится ее на Русской земле, пока со скорбною молитвою и слезным покаянием не обратимся мы к Тому, без Кого всуе трудятся зиждущие град.

Священный Собор ныне призывает всю Российскую Церковь принести молитвенное покаяние за великий грех тех своих сынов, которые, поддавшись прельщению по неведению, впали в братоубийство и кощунственное разрушение святынь народных. Примем содеянное ими как всенародный грех и будем просить Господа, да пробудит в сердцах их спасительное покаяние и сознание всей вины их перед Богом и русским народом.

Покайтесь же и сотворите плоды покаяния. Оставьте безумную и нечестивую мечту лжеучителей, призывающих осуществить всемирное братство путем всемирного междоусобия. Вернитесь на путь Христов".

По благословению Собора епископ Нестор написал и в 1917 году издал в Москве книгу "Расстрел Московского Кремля (27 октября — 3 ноября 1917 г.)", впоследствии конфискованную большевиками.

Выход книги епископа Нестора, предназначенной "для широкого распространения в народе", а также набора открыток "Москва под властью большевиков", представляющего снимки разрушенных московских святынь, не остались не замеченными новыми "хозяевами" России. Патриарху Тихону даже в 1923 году ставилось это в вину: "...Преследуя исключительно контрреволюционные цели возбуждения невежественных масс против новой рабочекрестьянской власти, Собор сознательно решил лживо

изобразить дело так, что все разрушения были произведены умышленно, с оскорбительными для религии целями и именно большевиками. С этой именно целью Собор издает, по инициативе епископа Камчатского Нестора, специальную книгу под нарочито-бульварным провокационным названием "Расстрел Московского Кремля" с иллюстрациями, под которыми поставлены подписи, вроде следующей: "Св. Никольские ворота и образ Свт. Николая, осквернённые большевиками". В этой брошюре, изданной, как значится на ее обложке, "с благословения Священного Собора Православной Российской Церкви", Собор пишет: "Еще становится страшнее, когда вы увидите, что эта всероссийская народная святыня расстреливалась по прицелу, по обдуманному плану...".

Тогда же (видимо, в начале 1918 г.), по горячим следам, Владыка Нестор был арестован и содержался в московском Новоспасском монастыре. Корреспондент газеты "Утро России" писал: "Грязная, узкая лестница в самом заднем углу монастырского двора ведет в келию епископа, похожую на дешевенький номер грязного постоялого двора. На обитой какой-то дерюгой двери сделана от руки "визитная карточка": "Епископ Нестор Камчатский, заключенный большевиками". В комнате из всей мебели только маленький кухонный столик, клеенчатый диван и в углу икона.

— Тяжело, тоскливо, — говорил епископ Нестор. — Тяжело то, что пришлось перенести, и не менее угнетает и то, что приходится переносить теперь: угнетает бездействие, лишение возможности работать. Пришлось оставить научные занятия, бросить на произвол судьбы коллекции с Камчатки. Скучаю по Соборной работе. Большое лишение для меня и то, что я не могу больше проповедовать. Уста замкнуты. Правда, мне здесь временно разрешено совершать богослужение, но живого общения с верующими я лишен. Немыслимо что-нибудь говорить теперь в моем положении подследственного арестанта.

— Что вы считаете причиной ареста? — спросили епископа.

— Причин нет. Я не политик, а всего только церковник, болевший душой об уничтожении Церкви и не скрывавший этого. В Александровском училище, где я провел первые моменты своего заключения, мне пришлось находиться в обществе явно враждебном. Там были арестованные анархисты, какие-то солдаты. Стража не умеет говорить порусски: это латыши и еще какие-то интернационалисты. Спать пришлось на голом полу, подложив под голову полено. На вопрос, куда нас повезут, нам отвечали: "Конечно, на расстрел".

Делегаты Собора ходатайствовали об освобождении епископа Нестора, но первое время безрезультатно. В ход шли отговорки о том, что с делом, мол, еще не ознакомились, бумаги еще не разобраны, а арестованных много, и каждый ждет своей очереди.

Однако уже к 31 марта 1918 года Владыка Нестор был на свободе. Известно, что в этот день он сослужил Патриарху Тихону на заупокойной литургии в храме Московской Духовной Семинарии, на которой поминались имена первых новомучеников и исповедников российских.

О настроениях в то время среди православных иерархов и духовенства писал позднее в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков,†1961): "Насколько тревожно была принята нами вторая, февральская, революция, настолько, наоборот, уже почти равнодушно отнеслись мы к третьей — большевистской. Уже привыкли к ним: человек ко всему привыкает. И притом нам казалось, что никакой особой разницы не будет между уже пережитым и только начинающимся. Один архиерей [1] бросил тогда крылатую фразу из Ветхого Завета: "Не хватай за головы псов дерущихся" [2], чтобы самому не пострадать от злобы их. Такое пренебрежительное и постороннее отношение к боровшимся политическим партиям не было, впрочем, общим нашим настроением. Большинство членов Собора были благоразумны, осторожны и даже уже пассивно-лояльны к тому, что делалось вокруг нас: государство имеет свои задачи, а Церковь — свои. Пока нам лучше быть в стороне, ожидая конца событий.

На чьей стороне был я и вообще мы, члены Собора?

Разумеется, юнкера были нам более своими по духу. Не были мы и против народа. Но благоразумие говорило нам, что уже придется мириться с пришедшей новой жизнью и властью, и мы заняли позицию посередине, и, пожалуй, это было верно исторически: Церковь тогда стала на линию нейтральности, не отрекаясь от одной стороны, но признавая уже другую, новую. [...] Церковь должна была быть и стала осторожною".

К тому времени сформировались взгляды будущего Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского, †1944). В 1917 году "не очень разговорчивый" Владыка Сергий (тогда еще архиепископ Финляндский) "тихо говорил в ответ на свои думы:

— А Божий мир по-прежнему стоит... А Божий мир по-прежнему стоит...

Меняются правительства, а он стоит... Меняются политические системы, он опять стоит. Будут войны, революции, а он все стоит...".

Позиция святителя Тихона была несколько иной. Общеизвестен факт его отказа в благословении белым генералам лично, не говоря уже о Белой Армии как таковой [3]. Но не забудем, что речь шла о людях, изменивших присяге Государю (целовавших Крест и Евангелие), об армии, которая сражалась за Учредительное собрание, в которой офицерские монархические организации были на нелегальном положении, генералы которой приказывали пороть крестьян, встречавших их не только хлебом-солью, но и портретами Государя.

Во всяком случае, повод для размышлений о мотивах отказа святителя Тихона в благословении белым генералам и Белому движению, а также о его подлинной позиции дает факт, сообщенный в 1967 году г-жой Е.Б.: "Патриарх Тихон прислал тогда (в конце 1918 года) через еп[ископа] Нестора Камчатского графу Келлеру (рыцарю чести и преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную Армию...".

Речь идет о генерале-от-кавалерии графе Ф.А. Келлере. Будучи человеком православным, монархизм которого проистекал из глубокой веры, он категорически отказался присягнуть Временному правительству и привести к этой присяге вверенный ему корпус. Подобно хану Г. Нахичеванскому, граф Келлер подал телеграмму Государю, предлагая себя и свои войска для подавления февральского мятежа. Приняв в начале гражданской войны предложение возглавить Северную Армию, он заявил, что через два месяца поднимет "императорский штандарт над священным Кремлем". По дороге во Псков, в Киеве, он был схвачен петлюровцами и расстрелян перед Софийским собором.

23 января 1918 года Императрица Александра Феодоровна доверительно писала А.А. Вырубовой из своего тобольского заточения: "Епископ Гермоген за нас, и Патриарх в Москве тоже, и большая часть духовенства". И писала не без основания. Кроме ставшего недавно известным факта передачи святителем Тихоном через назначенного 8.3.1917 года на Тобольскую и Сибирскую кафедру епископа Гермогена (Долганова, †16.6.1918) просфоры, вынутой "по царскому чину", обратим внимание на еще один малоизвестный эпизод, связанный с епископом Нестором.

Еще в декабре 1917 года московскую квартиру близкого к духовным кругам присяжного поверенного П. посетил командир 2-го Сумского гусарского эскадрона Стрелкового полка 1-й кавалерийской дивизии штаб-ротмистр К. Соколов. Тут он обнаружил епископа Нестора Камчатского и услышал: "Надо спасти царя, медлить нельзя; он в опасности". Разговор шел не только "об опасности, угрожающей Государю", но и "о необходимости восстановления монархии, о войне, о подборе для выполнения задачи надежных людей". О том, как мыслилось восстановление монархии, было видно из прокламаций, которые штаб-ротмистр должен был передать Союзу хоругвеносцев при одном из подмосковных монастырей: "...соорганизоваться в ячейки для созыва в ближайшем будущем

Всероссийского Собора". (Как мы увидим далее, эта идея будет осуществлена лишь в 1922 году на Дальнем Востоке, и тоже не без участия Владыки Нестора.)

Решающая встреча группы по освобождению царской семьи состоялась 2 января 1918 года в одном из лазаретов на Яузском бульваре. Кроме епископа Нестора, П. и штаб-ротмистра К. Соколова, на ней присутствовал начальник группы — командир пехотного полка, кавалер орденов Святого Георгия и Почетного легиона полковник Н. и курьер из Тобольска — поручик лейб-гвардии Московского полка Р. Принятым планом предусматривалось вывезти царскую семью в Троицк, занятый войсками генерала Дутова. В окрестности (Екатеринбург-Тюмень-Троицк-Омск) должно было быть командировано до 30 офицеров под командованием ротмистра Л. Наконец, для окончательного выполнения задачи, ожидалось прибытие 100 гардемаринов во главе с полковником Н. Выезд первой партии намечался на 6 января.

В тот день, вспоминал К. Соколов, "мы явились в лазарет, где уже были П., еп. Нестор и Р. Нам выдали полный комплект солдатского обмундирования, начиная от белья из бязи, кончая серой папахой, и по две тысячи рублей на каждого. Мы тут же переоделись. Еп. Нестор благословил нас иконами Божией Матери "Утоли моя печали", и мы простились". К сожалению, эта попытка освобождения Государя и его семьи, как и последующие, окончилась неудачей...

Достоверно известно о пребывании епископа Нестора в Омске осенью 1919 года. Приведем телеграфное сообщение из американского журнала "Struggling Russia" (20.9.1919):

"Омск, 1-го сентября 1919 г. — Богослужения совершались в г. Омске в память святителя Тихона Задонского, мощи которого были поруганы большевиками в г. Задонске. Епископ Нестор, который только что убежал из Москвы, присутствовал на этом богослужении и передал народу следующий призыв Патриарха Тихона: "Скажите народу, что если они не объединятся и не возьмут Москву опять с оружием, то мы погибнем и Святая Русь погибнет с нами". Как передает епископ Нестор, большевики в Москве знают об антибольшевистской деятельности Патриарха Тихона, но они боятся его преследовать, ибо опасаются народного восстания на защиту Патриарха".

О миссии Владыки Нестора знали, безусловно, и большевики. 28 марта 1922 года, выдвигая "обвинения" против святителя Тихона, "Известия" задавались вопросом: "Что привез Колчаку от Патриарха прибывший из Москвы епископ Нестор?" И вправду — что? Неужели просто "благословение и пожелание успеха", как сообщал советский официоз?

Из книги епископа Нестора о расстреле Московского Кремля известно о поврежденной кощунниками иконе Святителя Николая, находившейся над воротами Никольской башни Кремля. Очевидец вспоминал: "Весной 1918 года 15-летним мальчиком я прибыл из Тулы в Москву для хлопот о моей матери, сидевшей в Бутырской тюрьме. В эти дни Москву обошел слух о некоем событии, случившемся у Никольских ворот. Я также пошел к этим воротам. Я увидел там толпы людей. Большая икона Святителя Николая Чудотворца висела над воротами. Она была занавешена красной материей. Материя была прибита гвоздями к краям иконы и закрывала ее всю. И вот, в этот тихий солнечный день москвичи увидели, что эта красная материя, закрывавшая икону, во-первых, разорвалась сверху донизу, и далее полоски материи стали, как ленточки, отрываться от иконы сверху вниз и падать на землю... Я стоял среди благоговейной и сосредоточенной толпы. Икона на глазах у всех очистилась совершенно от красной материи, ее закрывавшей. И вдруг я услышал позади себя выстрелы — один, другой, третий. Я оглянулся и увидел парня в солдатской одежде. Он стрелял из ружья, метя в икону. Лицо его было типично русское, крестьянское, круглое, с напряжением, но безо всякого выражения. Очевидно, он стрелял в икону Святителя, исполняя чье-то распоряжение. Метки от пуль его оставались на иконе, уже ничем не закрытой. Оставались только маленькие кусочки красной материи по краям иконы, где были гвозди. Я видел, как в своей одержимости грешная Русь (по "чьему-то распоряжению" — С.Ф.) расстреливала свои святыни, а Русь святая молитвенно созерцала чудесное знамение Божией силы над миром".

В память об этих событиях и появились иконы "раненого Николы" с отстреленной во время бомбардировки Кремля левой рукой — с крестом и сохранившейся правой — с мечом. Эту-то икону небольших размеров и послал святитель Тихон адмиралу А. В. Колчаку [4]. По времени этот дар совпадал с пребыванием в Омске епископа Нестора.

Вернувшись вскоре после революции на Камчатку, Владыка из-за перекинувшегося и сюда революционного пожара вынужден был покинуть ее. Навсегда. Некоторое время он жил в Японии, где в 1920 году вышло второе издание его книги "Расстрел Московского Кремля", а потом перебрался в Маньчжурию. Здесь, в Харбине, в 1921 году он основал Камчатское подворье. Однако вскоре политические события на Дальнем Востоке сделали возможным его возвращение на родину.

"26 мая 1921 г., — пишет современный исследователь А. Хвалин, — небольшая горстка каппелевцев, имевшая на всех двенадцать винтовок и несколько револьверов, выступила во Владивостоке против коммунистического режима, охранявшегося двумя тысячами хорошо вооруженных милиционеров. Натиск среди бела дня был так стремителен и смел, что одни узурпаторы бежали в сопки, а другие спрятались в японской миссии и были переправлены впоследствии "интервентами" в советскую Россию. К власти пришло Временное Приамурское правительство под председательством сына амурского крестьянина, юриста по образованию, некогда трудившегося в Петербурге в Министерстве земледелия Спиридона Дионисьевича Меркулова. [...] 16 июня во Владивостоке созывается Второй съезд представителей несоциалистического населения Дальнего Востока, на котором [...] священник Владимир Давыдов призывает забыть честолюбие и страсти. Оратор восклицает: "Да здравствует единый вождь России Патриарх Тихон". (...]

С 1 по 11-е июня 1922 года в Приморье разразился политический кризис, явившийся логическим финалом несоциалистического движения, пестрого по своему составу и неоднородного по идеологической созидательной платформе. [...] Наученные горьким опытом революции и гражданской войны, русские люди во Владивостоке смогли преодолеть внутреннюю смуту. Указом Приамурского временного правительства № 149 от б июня 1922 года объявлялось о созыве Земского Собора...", прошедшего во Владивостоке с 10/23 июля по 28 июля/10 августа 1922 г.

Ключевую роль в Соборе сыграл генерал-лейтенант М.К. Дитерихс, вызванный к политической жизни из харбинского прозябания, где этот несомненно выдающийся человек, разработавший план "брусиловского прорыва", Главнокомандующий войсками Восточного фронта адмирала Колчака, впоследствии курировавший следствие по цареубийству, зарабатывал на хлеб тем, что работал сапожником. Став в результате Собора правителем

Приамурского Земского края, Михаил Константинович был у всех на виду. Деятельность же епископа Нестора была не столь заметной для широкой публики по многим причинам. Не последнюю роль в этом играла близость Владыки к святителю Тихону, несомненно сносившемуся со своим доверенным лицом. Кое-какие подтверждения этому имеются в материалах самого Земского Собора. Уже на втором его заседании 25 июля аплодисментами было встречено предложение об избрании Святейшего Патриарха Тихона почетным председателем Приамурского Земского Собора. Словно во плоть облекались слова крестьянина, участника Всероссийского Поместного Собора Российской Православной Церкви: "У нас нет больше царя, нет больше отца, которого мы любили, Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим Патриарха".

Собор во Владивостоке завершился крестным ходом к кафедральному собору, во главе которого духовенство несло иконы Спасителя и Божией Матери "Державная", большая часть акафиста которой написана, как известно, святителем Тихоном. При огромном стечении народа епископ Нестор совершил молебен, кропил войска святою водою, вручив им одну из икон Божией Матери "Державная", а другую — правителю М.К.

Дитерихсу. (Кстати, на последнем заседании Собора была избрана делегация из трех человек во главе с епископом Нестором "для поездки в Западную Европу".)

В сентябре 1922 года в Никольск-Уссурийске прошло совещание епископов: Харбинского и Манчьжурского

Мефодия, Читинского и Забайкальского Мелетия, Владивостокского и Приморского Михаила, Токийского и Японского Сергия, Камчатского и Петропавловского Нестора. На совещании было решено 22 октября 1922 года созвать во Владивостоке Дальневосточный Поместный Церковный Собор. На Соборе намечалось создать Высшее Церковное управление для дальневосточных епархий. Ожидалось прибытие на него около 50 членов: архиереев, священства, участников Всероссийского Поместного Церковного Собора 1917-1918 годов, выборных от мирян, военного духовенства и приходов. Видная роль в его подготовке принадлежала Владыке Нестору. "Так как, — подчеркивал он, — в настоящее время в России большевиками совершенно разрушено церковное управление, Патриарх Тихон арестован, большинство епископов расстреляно и так или иначе, но отстранено от управления Церковью; в жизнь Церкви внесен развал последними антиканоническими постановлениями большевистствующего духовенства: крещение в 18 лет, богослужение на русском языке, возведение женатых священников в сан епископа и многое другое, — поэтому есть настоятельная необходимость в создании объединяющего церковного центра".

Однако в конце октября 1922 года под ударами большевиков Приамурский Земский край прекратил свое существование. В последнем указе правителя М.К. Дитерихса, датированном 17 октября, читаем: "Силы Земской Приамурской рати сломлены. Двенадцать тяжелых дней борьбы одними кадрами бессмертных героев Сибири и Ледяного похода, без пополнения, без патронов, решили участь Земского Приамурского края. Скоро его уже не станет.

Он как тело — умрет. Но только как тело.

В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической, нравственнорелигиозной идеологии, — он никогда, не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси.

Семя брошено. Оно сейчас упало на еще не подготовленную почву. Но грядущая буря ужасов советской власти разнесет это семя по широкой ниве Великой Матушки Отчизны, и приткнется оно в будущем через предел нашего раскаяния и по бесконечной милости Господней к плодородному и подготовленному клочку земли Русской и тогда даст желанный плод.

Я верю в эту благость Господню; верю, что духовное значение кратковременного существования Приамурского Земского края оставит даже в народе края глубокие, неизгладимые следы. Я верю, что Россия вернется к России Христа, России — Помазанника Божия, но что мы были недостойны еще этой милости Всевышнего Творца".

Не будем гадать, с какими чувствами покидал епископ Нестор последний клочок Русской земли. Впереди его ждала чужбина, новая паства — русские эмигранты в Маньчжурии. В Харбине он основал (по примеру когда-то благословившего его на миссионерство отца Иоанна Кронштадтского) Дом милосердия и трудолюбия, многочисленные приюты (для русских и китайских детей-сирот, стариков, калек, юношей-наркоманов, глухонемых), дом для душевнобольных, школы иконописи, живописи, кройки и шитья, различных ремесел (со столярной, ткацкой и сапожной мастерскими), бесплатные столовые для бедноты, амбулаторию и зубоврачебный кабинет.

В 1933 году Владыка был возведен в сан архиепископа. В эти годы ему пришлось побывать во многих странах (Египте, Италии, Югославии), несколько раз он совершал паломничество и в Святую Землю.

В 1938 году Владыку Нестора пригласил посетить Индию Католикос-Патриарх Мар-Василиус, возглавлявший христианскую Малабарскую Церковь, ведущую свое начало от Апостола Фомы [5], проповедовавшего Христово учение в Индии и

доходившего со словом Божиим даже до Китая. Шестьсот тысяч этих христиан во главе с Патриархом и митрополитами возжелали соединиться с Русской Православной Церковью, которую считали среди всех христианских Церквей "непогрешимо преемственной от апостольских времен, сохранившей чистоту Христова вероучения".

Владыка изучил церковно-догматические установления этой Церкви, заключив, что эти христиане в свое время подверглись распространившемуся лжеучению Ария, но со временем эта ересь была изжита у них окончательно. У них совершалась Божественная литургия святого Апостола Иакова, "брата Господня", первого совершителя Евхаристии в Иерусалиме.

Архиепископ Нестор ознакомил их с установлениями и каноническими правилами Вселенских Соборов, особенно последних четырех, в которых не принимали участия представители их Церкви. Таким образом, было согласовано воссоединение индийских христиан с Русской Православной Церковью, но официальный акт отложили до 1939 года, когда должен был быть подготовлен к хиротонии во епископа Индусской Православной Церкви русский архимандрит Андроник. Он был известен как аскет и подвижник, пользовался высоким авторитетом среди местных христиан. Однако вспыхнувшая война Японии с Англией прервала сношения с Индией, связь с Индусской Церковью была потеряна...

В ту пору архиепископ Нестор побывал и на Цейлоне, где настолько тяжко заболел воспалением почек, что его вынуждены были поместить в больницу. Ежедневно навещавший его там келейник архимандрит Нафанаил (Львов, †1986) [6] однажды сообщил Владыке, что его желает видеть один старый падре, именующий себя "независимым католиком". С разрешения лечащего врача архиепископ Нестор решил принять его, недоумевая, кто такие "независимые католики", о которых до сих пор он и слыхом не слыхивал.

В палату вошел человек лет восьмидесяти. Представился: падре Базилио Альварэш, португалец. Узнав из местных газет о прибытии русского православного архиепископа, он, посовещавшись с паствой, решил просить его принять в безвозмездный дар храм с весьма внушительной усадьбой, включая дом причта и пальмовую рощу, дававшую богатый урожай кокосовых орехов, бананов и других тропических плодов.

Причину столь необычного щедрого дара падре Альварэш объяснил следующим образом. Первыми на Цейлоне католическую церковь основали, разумеется, с благословения Ватикана, португальцы. Дядя падре, епископ, открыл на Цейлоне 18 приходов. Мирная жизнь не нарушалась, пока на остров, по благословению папы римского, не вторглись иезуиты, сразу же вознамерившиеся прибрать к рукам все приходы. Причем для достижения своих целей, по своему обыкновению, не брезговали никакими средствами, вплоть до лишения жизни священниковпортугальцев.

Ко времени разговора в больнице из священнослужителей в живых остался лишь один собеседник архиепископа Нестора, только один его приход не отошел пока к иезуитам. Но в последнее время стали подбираться и к нему. Падре рассказал Владыке, что совсем недавно, воспользовавшись отсутствием и его самого, и его слуги в доме, посланцы иезуитов подсыпали в приготовленный к завтраку рис яд. Заметив неестественный зеленоватый цвет риса, падре дал его собаке, которая тотчас околела. Тогда-то прихожане падре Альварэша объявили себя "независимыми католиками", независимыми от папы и Ватикана.

— Устал я от этих преступников-иезуитов, — сокрушался 80-летний падре, — измучились и мои прихожане. И вот, узнав о вашем приезде, мы и решили обратиться со слезной просьбой к вам, русский архиерей: примите в дар наш храм и всю усадьбу. Мы не хотим, чтобы все это досталось иезуитам. Правда, до сего дня мне никогда не приходилось видеть не только русского архиерея, но даже священника, слышал только, что в вашей Церкви нет таких убийц, как в Ватикане. Я уже стар и скоро предстану пред Господом, и мне бы не хотелось напоследок взять на себя грех, отдав на поругание храм и

мою паству. А потому все мы просим вас, Владыко, возьмите нас под свое архипастырское покровительство. Если позволите, мы будем ходить на ваше богослужение, изучать ваше Православие. А когда поймем, станем вашими духовными детьми, вашей паствой.

Предложение было неожиданным. Архиепископ Нестор ответил в том смысле, что прикован пока к постели и не знает, поправится ли. Если выздоровеет, то непременно посетит отца Альварэша, поближе ознакомится с делом, а тогда, с общего согласия, и примет решение. А за доверие Владыка поблагодарил и пожелал католикам мира и спокойствия.

Сразу же по выходе из больницы в сопровождении архимандрита Нафанаила, англиканского священника сингалозца, который предоставил Владыке временный приют, и адвоката Абиратни (также сингалозца) архиепископ Нестор посетил падре и, осмотрев храм и усадьбу, а также изучив документы, удовлетворил просьбу отца Альварэша. Был составлен дарственный акт, подписанный обеими сторонами. Окружной Цейлонский суд утвердил архиепископа Нестора полноправным владельцем храма, дома и усадьбы. Радость падре Альварэша была неописуема. Он просил только разрешить ему дожить свой век под покровительством нашей Русской Православной Церкви.

В день преподобного Нестора Летописца (небесного покровителя Владыки) и мученика Нестора Солунского архиепископ Нестор, освятив бывший католический храм, отслужил в нем первую Божественную литургию, за которой молились четверо русских, живших на Цейлоне, несколько православных греков и "независимые католики". Так торжествовало наше Русское Православие.

Когда Владыка Нестор вернулся в Харбин к своей пастве, иезуиты, что называется, опомнились: с помощью подкупленных людей они стали ломать ворота усадьбы, били камнями стекла храма и тому подобное. Наконец они подали на Владыку в суд как на незаконно захватившего ватиканское имущество. По телеграфу из Харбина архиепископ Нестор уполномочил трех лиц отстаивать наши законные интересы. Вскоре суд признал Владыку единственно законным владельцем, однако начавшаяся война Японии с Англией, а потом и с Америкой отрезала Маньчжурию от Цейлона, и архиепископ остался в неведении о дальнейшей судьбе русского православного храма и усадьбы.

В 1941 году, к 25-летию архиерейства, Владыка Нестор был награжден бриллиантовым крестом на клобук. Начавшаяся Великая Отечественная война всколыхнула во Владыке патриотические чувства. В маньчжурских храмах звучали его яркие проповеди. В 1945 году от лица православных Харбина Владыка Нестор приветствовал вступившую в город Советскую Армию. Тогда же он вступил в молитвенное общение с Патриархом Московским и всея Руси Алексием (Симанским) [7]. Последовало назначение управляющим Харбинской епархией. Уже в 1946 году архиепископ Нестор был возведен в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского, Экзарха по Восточной Азии. В этом сане он и был арестован в июне 1948 года, в день, когда он прибыл в Москву на совещание глав и представителей Поместных Православных Церквей. Со слов самого Владыки, ему ставились в вину книга "Расстрел Московского Кремля" и участие в перенесении мощей преподобномученицы Великой княгини Елисаветы. Заключение он отбывал в мордовских лагерях Явас и в Чите, освобожден был лишь в январе 1956 года.

Вышедший из заключения Владыка Нестор Святейшим Патриархом Алексием 18 июля 1956 года был назначен митрополитом Новосибирским и Барнаульским. Первое богослужение он совершил в Вознесенском кафедральном соборе 4/17 августа. 22 мая 1957 года, к 50-летию пребывания в священном сане, награжден правом ношения двух панагий, а 8 сентября 1958 года был уволен на покой. Основанием для этого, как рассказывают, послужил такой случай. Местный уполномоченный в духе того времени решил закрыть один из городских храмов. Обратился к Владыке за "формальным согласием". В ответ, однако, услышал: "Всю свою жизнь я только открывал храмы".

Тем не менее уже 9 декабря 1959 года митрополит Нестор был назначен на Кировоградскую и Николаевскую кафедру.

Немногочисленные, к сожалению, воспоминания людей, знавших Владыку Нестора, доносят до нас образ нищелюбивого, страннолюбивого христианина, богобоязненного святителя, неустанно заботившегося о вверенных ему пастырях и пастве, твердо стоявшего в Христовой истине.

Отсидев без малого восемь лет, в торжественных случаях он надевал ордена, полученные на фронтах в годы Первой мировой войны. На недоуменные вопросы обкомовского начальства он сдержанно-вежливо отвечал: "Передайте (имя рек), что мои (выделял это слово голосом) ордена заслуженны". Напомним, что это были тяжелые для Русской Православной Церкви годы послесталинской "оттепели".

"Келейник Владыки схиархимандрит Мисаил, — вспоминает протоиерей Валериан Кречетов, — рассказывал, что митрополит Нестор, по примеру ветхозаветного Авраама, никогда не садился за трапезу, не посадив за стол нищих и странников. Когда их не было, на все увещевания келейника, что пора, мол, садиться за стол, что все уже давно простыло, он, укоризненно качая головой, говорил: "Тебе хорошо говорить, ты-то сыт".

Много хлопот доставляли келейнику "недостаточные" священники, особенно из отдаленных медвежьих углов епархии. Не уследишь — и Владыка новый подрясник чуть ли не с себя снимет, да и отдаст, весело приговаривая:

"Смотри-ка, а тебе-то он в самую пору". Беда и с провинившимися. Все епитимий (в основном поклоны) записывались келейником в специальную тетрадочку. Владыка за этим строго следил, время от времени считал, сколько всего поклонов назначено, а сосчитав, у себя в моленной клал эти поклоны. На вопрос, что это вы, мол, Владыко, сами-то поклоны кладете, с улыбкой отвечал: "Так ведь они (провинившиеся) забудут". Словом, сам епитимию налагал, сам же и исполнял...

Протоиерей Владимир Сорокин из Санкт-Петербурга, бывший иподиаконом Владыки в период его служения на Кировоградской кафедре, вспоминает: "Владыка Нестор приехал в епархию в самый разгар атеистических нападок на Церковь. Тогда пытались закрывать храмы, дискредитировать духовенство и верующих. В меру своих сил и возможностей он стремился, как сказано в Евангелии, уберечь хоть "малое стадо". И это ему отчасти удавалось... В то время как раз боролись со всем дореволюционным, со всем царским. А Владыка носил ордена, полученные при царе, и чувствовал себя при этом уверенно и спокойно, хотя это коробило и раздражало светских чиновников. Власти вынуждены были с ним считаться. В то время они ничего не могли с ним поделать. Тогда, при Хрущеве, побаиваясь международного резонанса, не предпринимали никаких резких действий против представителей высшей церковной иерархии. Верующих прорабатывали, сочувствующих Церкви высмеивали. Архиереи же находились на особом положении. Владыка Нестор, хотя и пользовался благами и возможностями, предоставляемыми ему саном, но воспринимал это как уважение к самой Церкви Христовой. Для нас, молодых тогда людей (ведь не я один был тогда иподиаконом), митрополит был высоким примером. То был спокойный, уравновешенный, высокообразованный человек, предвидящий течение событий... И в то же время он был человек загадочный...".

"Несмотря на преклонные годы, — свидетельствуют знавшие его люди, — митрополит оставался до последнего времени деятельным, энергичным человеком. Сохранил он также свою редкую доброту, живой ум и простоту.

17 октября 1962 года престарелый архипастырь приехал в Москву для операции, но в день приезда у него произошло кровоизлияние в мозг, в результате чего последовала тихая и мирная кончина (22 октября/4 ноября 1962 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери). Владыка умер вдали от своей паствы, тем не менее 24 октября/6 ноября 1962 года (празднование иконы Божией Матери "Всех Скорбящих Радосте"), в день его погребения, в храме подворья Троице-Сергиевой Лавры [8] в Переделкино собралось много хорошо знавших его людей, чтобы проводить в последний путь

новопреставленного архипастыря. Заупокойную литургию и отпевание совершил архиепископ Можайский Леонид в сослужении местного духовенства. В конце отпевания к гробу подошел Святейший Патриарх Алексий и произнес краткое надгробное слово, а затем прочитал разрешительную молитву и простился с почившим.

Подняв на свои рамена гроб с прахом Владыки, священнослужители совершили крестный ход вокруг храма при пении ирмосов "Помощник и Покровитель".

В ограде переделкинского храма в честь Преображения Господня, прямо за алтарем, — скромная могила святителя Нестора. На кресте из белого мрамора, выбито: "Христос Воскресе!"

Сергей Фомин.

От автора

Прожив более 75 лет, я сохранил в памяти много интересных, разнообразных событий и житейских историй. Нередко мне приходилось делиться своими воспоминаниями с людьми разного возраста, мировоззрения и общественного положения, и все они, как бы сговорившись между собой, в один голос советовали мне написать мемуары.

Когда я в 1907 году юношей отправлялся впервые из Казани на Камчатку, мой любимый духовный отец, епископ Андрей, завещал мне как строгое послушание вести дневник [9] своей пастырской деятельности. При всех обстоятельствах я всюду послушно выполнял это завещание.

В принятии мною окончательного решения написать воспоминания имели большое значение пожелание и архипастырское указание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия [10] и благословение совершить труды по примеру моего небесного покровителя — Нестора Летописца.

Несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье, я с искренним воодушевлением решил воспроизвести все то, что видел и знал. Я старался изложить сжато, просто, правдиво все примечательное, что протекало через скудельный сосуд моей жизни.

Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему (Пс. 113,9) воздаю я за все то милостивое и богатое сокровище, доверенное моему ничтожеству в период моего земного бытия. Я исколесил, можно сказать, почти всю матушку Русь. Я побывал на трех материках: в Европе, Азии и Африке. Десятки государств, сотни городов, тысячи населенных пунктов и миллионы людей различных рас и национальностей прошли перед моим взором. И куда бы судьба ни забрасывала меня, я всегда и везде помнил не только о своем пастырском сане, но и о высоком назначении русского человека, всеми своими поступками и помыслами стремящегося оправдать присущее нашей великой нации чувство сердечного, участливого отношения к людям. Этим настроем и проникнута каждая строка моих воспоминаний... Я не стремлюсь придерживаться в них хронологического порядка. Страницы моих мемуаров — это только штрихи, зарисовки былого.

Прошу прощения у читателя, если он встретит некоторые повторы, углубляющие описание того или иного значительного события.

Заря моей жизни

В забытой тетради забытое слово. Я все прожитое в нем вижу опять: Но странно,
неловко и мило мне снова Во образе прежнем себя увидать ...
А.Н. Майков.

— Молись, дитя! Тебе внимает Творец бесчисленных миров.
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов
И.С. Никитин.

Когда я обращаю свой взор в далекое-далекое прошлое и вспоминаю пору раннего детства, мне всегда кажется, что я настежь открыл окно ранним теплым, солнечным утром. Воспоминания детства ослепительно ярки, и распахнувшийся в памяти мир чист, сверкающ, заманчив, словно омытый летним дождем сад.

Родился я в 1885 году, 9 ноября (ст. ст.), в г. Вятке в исконно русской, православной семье. Мои прадеды и деды по отцовской линии были русскими воинами в различных чинах и званиях. Они верой и честью, не за страх, а за совесть, служили любимому Отечеству, были участниками войн против иноземных захватчиков, не раз нападавших на Русь, а также освободительных войн за избавление братьев-славян от турецкого ига.

Мой отец и его братья были первыми в нашей родословной, получившими среднее и высшее военное образование. Я вспоминаю своего отца, Александра Александровича, в должности чиновника Котельнического батальона, квартировавшего то в Вятке, то в Казани. Впоследствии Котельнический батальон, в связи с его столетием, был преобразован в Свияжский полк, где отец и мой единственный брат Иларий прослужили до 1917 года.

Отец принимал участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов, а также во всех последующих войнах. В боях он неоднократно был ранен и контужен, имел орденские боевые знаки отличия. Скончался отец в 1921 году в Вятке в чине статского советника [11] в отставке.

Брат мой Иларий по окончании реального училища обучался в Московском Алексеевском военном училище. После его окончания был произведен в офицеры и служил в Свияжском полку, где, помимо воинских качеств, проявил себя моралистом. Несмотря на офицерское звание, он читал солдатам лекции о пользе и значении нравственности, выражающейся в уважении к человеческому достоинству, в личной моральной устойчивости каждого человека. Он убедительно говорил о вреде курения и пьянства; предостерегал от пагубных последствий неустойчивых в нравственности людей, от разврата, разнузданности и от всевозможных наркотических злоупотреблений. Проводились эти лекции с одобрения начальников не только в полковых ротах, но и в учебных заведениях, на фабриках и заводах; его приглашали в другие города и селения Поволжья. У брата было много последователей и друзей среди различного контингента людей, различных сословий, ценивших в нем заботливое отношение к человеку. Некоторые из них здравствуют и в письмах ко мне поныне и с особенной любовью вспоминают его дорогое имя.

Для меня он не только брат, но и близкий друг, с которым мы с детских лет жили в дружбе и любви (разница в возрасте у нас была всего один год).

Мы очень многим обязаны нашей незабвенной матери. Она научила нас уважать и любить людей, быть полезными для общества и Родины на том поприще, которое мы изберем, вступая в самостоятельную жизнь.

О себе знаю, что родился я хилым, болезненным ребенком. Еще с младенческого возраста неоднократно бывал при смерти. Однажды, в столь критический момент, для меня был даже приготовлен гробик, но волею Божиею я выжил.

Мои первые воспоминания связаны с посещениями кафедрального собора. Помню, меня, тогда еще совсем маленького, водили в церковь бабушка или мама. Мы шли по тенистым, тихим улицам. Над нами голубело небо, а над городом протяжно, гулко плыл колокольный благовест. Под каменными сводами собора, в мерцании свечей и разноцветных лампад, мою впечатлительную детскую натуру восторгали богослужебные обряды, умилительное пение архиерейского хора и служение самого архиерея. Неудивительно, что, будучи мальчиком, я часто в нашей детской комнате изображал священнослужителей, совершал «службы», устраивая себе подобие архиерейской мантии, митры и облачения.

Меня и брата с детских лет приучали молиться по утрам и на сон грядущий. Стоя в детской комнате на коленях перед образом, озаренным светом лампады, я молился вслух так: "Боженька, сделай меня архиереем... Боженька, дай здоровье маме, папе, брату Ларичке, крестной бабушке и... моей собачке Ландышке..." Такова была моя наивная детская молитва.

Однажды, когда я был уже шустрым мальчуганом, бабушка повела меня на архиерейское богослужение в Вятский мужской монастырь. Какой-то неземной восторг охватил мою душу, еще не искушенную житейской мудростью, когда я вместе с бабушкой в конце литургии подошел к благословляющему архиерею поцеловать святой крест.

Владыка Варсонофий (1), указывая на меня, спросил:

— Кто это?

— Мой внук, — ответила бабушка.

— Он будет архиереем! — предрек Владыка.

— Куда ему, такому озорнику! — незлобиво возразила она.

— А я тебе говорю, — повторил епископ Варсонофий, — он будет архиереем.

Этот знаменательный диалог вспомнился мне с особенной яркостью в связи с тем, что в этом, 1961, году исполнилось 45 лет моего архиерейского служения. Но тогда, на заре моей жизни, в годы безмятежного детства, мальчишеской резвости, это утверждение прозвучало странно...

Как-то, будучи еще совсем глупыми малышами, мы с братом нашли в детской комнате спички. На беду в это время никого из взрослых поблизости не было. Мы начали поджигать бумагу, затем деревянные игрушки. Все, что попадало нам на глаза, мы предавали огню, бросая горевшие предметы на сундук, стоявший у стены. Сами мы сидели на этом же сундуке, восхищаясь огнем, и особенно весело смеялись, когда пламя поднималось выше нас. Когда дым начал расходиться по всем комнатам, прибежал денщик отца, вытащил нас из огня и принялся тушить пожар. Вернувшиеся отец и мать побранили нас, но не били, а поставили в угол на колени. Это наказание считалось в нашей семье позорным и поэтому действовало к исправлению.

В детстве мне почему-то казалось, что отец любит моего старшего брата Илария больше, нежели меня. Повидимому, в этом была доля истины: перед моим рождением ему очень хотелось иметь дочь.

Дни наших детских торжеств (именин, рождения, пасхальных и рождественских праздников) отмечались тем, что более ценные подарки, например велосипед, футляр с красками или разные складные деревянные или металлические наборы, отец преподносил брату, а мне обычно — серебряный пятачок. Мое огорчение видели братик и мамочка, а потому особенно нежно ласкали и утешали меня в этот день.

Один раз отец подарил мне красивую коробку, в которой лежали шоколадные шары и кегли. Я был в восторге, а папу обнял с детской радостью и горячо благодарил; затем мы с братом весело играли в эту шоколадную игрушку.

Что же касается матери, то ее отношение к нам, детям, было всегда одинаковым — ласковым, сердечным, ровным. Она терпеливо прививала нам веру в Бога и любовь к ближним. Несомненно, под ее влиянием Иларий стал моралистом, просветителем народных масс, а я вырос глубоко верующим человеколюбцем. Умело, вдумчиво и

сердечно воспитывали в нас религиозные навыки обе бабушки (по материнской и отцовской линиям). Одна из них, моя крестная, была женой протоиерея Евлампия, отца моей мамы. Другая — жена моего дедушки со стороны отца — была родом из солнечной Молдавии. Дедушка во время русско-турецкой войны сражался в рядах воинов под командованием прославленного российского полководца А. В. Суворова, принимал участие в штурме и взятии Измаила. По окончании войны он женился на местной красавице-молдаванке и вскоре привез ее в Вятку. Эта статная, величавая старуха вспомнилась мне с особенной яркостью летом 1956 года, когда я, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Высокопреосвященнейшего Бориса (2), митрополита Одесского и Херсонского, совершал поездку и богослужения в городах и селах Молдавии.

Детство мое проходило в скромной русской христианской семье с прочными моральными устоями, с переходящими из поколения в поколение благонравными обычаями. Память не оставила ни одного случая детской ссоры или грубых споров среди родных. Бывало, если мы расшалимся и ведем себя шумно, мама, как и отец, никогда не бившая нас, произносила с кроткой улыбкой:

— Ох, детки, как вы мне надоели со своим шумом! Лучше бы вас не было!

Тогда мы оба ложились на разные диваны, сложив на груди руки, закрывали глаза и каждый объявлял маме:

— Я уже умер!

Мама, напуская на себя серьезный вид, отвечала обычно:

— Ну, вот и хорошо!

И после этого мы уже долго не шалили.

Меня в детстве удручало неприязненное отношение ко мне отца. Однажды, не вытерпев, я спросил у мамы:

— В чем причина столь обидного отношения ко мне отца? Она ответила, ласково поглаживая мою голову:

— Иногда, к прискорбию, бывают случаи раздражения отца или матери по отношению к ребенку. Но это скоро проходит.

Мать была права. Много лет спустя, когда я в 22-летнем возрасте принял монашество и в сане иеромонаха из Казани добровольно отправился на Камчатку, отец изменил в лучшую сторону свое отношение ко мне. Он стал неузнаваемо ласков и добр. Его письма ко мне всегда были проникнуты глубокой любовью, сердечным участием и вниманием. Так же хорошо отец относился ко мне и позднее, когда я приезжал в командировки в тогдашний Петербург. В те недолгие дни пребывания в родной семье меня умиляла отцовская привязанность. Он ни на минуту не отходил от меня и искренно горевал, если я отлучался по делам на несколько часов. В таких случаях отец стоял в задумчивости у окна, с нетерпением ожидая моего возвращения.

В чем была причина столь резкой перемены в настрое отца, я до сих пор затрудняюсь сказать. Что повлияло на него: то ли мой постриг — весьма трогательный и многозначительный обряд, на котором присутствовали родители; то ли внезапное решение посвятить себя полной лишений и трудностей священнослужительской деятельности на далекой, мало тогда освоенной и обжитой, а мне почти неизвестной Камчатке — не знаю. Но во всяком случае я уверен, что эти знаменательные в моей жизни события произвели полный переворот в душе отца. Как военный он не отличался особой религиозностью и заходил в церковь два-три раза в год.

Закончу воспоминания детских лет описанием нескольких моментов, характеризующих основы формирования моего характера. Я любил молиться за покойников — близких и незнакомых мне. Достаточно для меня было увидеть стоящий в церкви гроб с усопшим, как я спешил окольными путями узнать его имя и бежал затем в монастырскую книжно-иконную лавку. Между прочим, продавцы в ней, монахи, были моими друзьями. Они доверяли мне некоторые товары в долг. Я же со своей стороны

добросовестно и своевременно уплачивал его. В ней я брал или небольшую иконку святого, по имени покойника, или маленькое Евангелие, на оборотной стороне которого писал Богу письмо. Я с детской наивностью просил Всевышнего простить грехи усопшего и меня, Колю, не забывать в Своей милости.

Будучи совсем маленьким мальчиком, я завидовал подросткам, которые прислуживали в алтаре. Однажды во время богослужения мне удалось пробраться в алтарь. Там я завладел кадилом и с благоговением подал его священнику. Это был один из счастливейших дней моего детства.

Любил я нищих старух и охотно, с большим усердием помогал им. С сердечным участием слушал их рассказы о горестном житье-бытье. Одна слепая старуха из чувства благодарности за то, что я часто бывал ее поводырем, говаривала:

— Даст Бог тебе, Миколенька, 100 лет жить и 100 рублей нажить!

При наступлении лета мама с нами, детьми, переселялась в деревню, и мы жили общей жизнью с крестьянами; мама вместе с ними разделяла работу и дома, и в поле. Тогда я и брат увидели бедную, горемычную жизнь и тяжелый труд деревенского люда.

Впоследствии, став взрослым человеком и осмысленно воспринимая жизнь, я понял, что правильное семейное воспитание в духе человеколюбия, а также героический дух моих предков — защитников Родины — заронили в сердце мое энергию и неугасимое стремление облегчать участь страдающих от житейских невзгод людей. Это облегчало мой путь священнослужения во многих уголках нашей необъятной Отчизны, а также за ее пределами.

Это укрепляет меня и поныне...

Юность

"...Веселые годы, счастливые дни, как вешние воды, промчались они..." В одной из народных песен есть такие волнующие слова. Они очень верно характеризуют эту поистине неповторимую, безвозвратно улетевшую, замечательную пору жизни.

Незаметно, беззаботно промелькнуло мое детство. Но, увы, и дети далеко не все растут счастливыми. Впоследствии в созданном мною приюте для трехсот детей (от младенцев до юношеского возраста) я узнал, что такое сиротство и горемычная нищенская жизнь.

Скажу откровенно: жутко, а порой и страшно вспоминать жизнь тех детей, которых довелось мне подбирать в халупах и ночлежках для моего "Дома милосердия и трудолюбия".

... И вот уже оживают в моей памяти годы юности, годы учения в реальном училище. С первых классов я проявил себя неизменно верующим, религиозно настроенным отроком. Когда я дома садился за уроки, у меня выработалась привычка вкладывать в учебник или тетрадь бумажный образок с изображением прославляемого Церковью на завтрашний день святого. На оборотной стороне образка обычно было напечатано краткое житие святого. Я считал своим долгом внимательно прочесть и запомнить знаменательные моменты благочестивой жизни угодника Божия. Затем ставил образок в киот с иконами, перед которыми всегда горела неугасимая лампада. Нередко отец заходил в нашу детскую комнату, где я и брат готовили уроки. Зная о моей наклонности, он брал учебник или тетрадь и, извлекая припрятанный образок, делал мне замечание:

— Коля, ты опять "подтасовал" себе святого и не учишь уроки.

Однако после приготовления уроков отобранный образок отец возвращал.

В годы обучения в реальном училище моими любимыми предметами были Закон Божий, география и естественная история. Математику я не любил. Почтенный наш законоучитель, протоиерей Николай Варушкин, прежде чем начать урок Закона Божия, возглашал, обращаясь к классу:

— Очередной богочтец!

На этот призыв обычно выходил я, нередко тем самым, выручая одноклассников, не знавших молитв. А я сообщал отцу Николаю, кого нет в классе, и, наконец, на вопрос:

"Каких святых вспоминаем сегодня?" — обстоятельно, внятно сообщал краткое жизнеописание чтимого в данный день святого. Иной раз по просьбе учеников, желая переключить внимание законоучителя, собиравшегося вызвать кого-либо, в том числе и не знавших урока, я задавал, хотя и несколько отвлеченный, какой-либо вопрос религиозного характера. Отец Николай, довольный поворотом разговора, откладывал журнал в сторону и объявлял:

— Сегодня я спрашивать не буду. Займемся разъяснением заданного Анисимовым вопроса. Только прошу не мешать, не шуметь. Кто не хочет слушать, уходите из класса.

Тогда до перемены обычно уходило не менее одной трети учащихся. Зато оставались те, кто интересовался религиозными рассуждениями батюшки, и даже караимы и евреи.

Будучи глубоко религиозным, я не чуждался дружеских взаимоотношений с одноклассниками и вообще со сверстниками. Всякие игры, веселье, песни, танцы и музыку я любил. Что я не любил и не умел — это лазать по деревьям, по крышам, ловить и убивать птиц, бороться и драться. В старших классах реального училища я увлекался чтением произведений русских классиков. С захватывающим интересом и глубоким волнением я прочел романы Ф.М. Достоевского. Я восторгался мастерством певца русской природы И.С. Тургенева. Я восхищался, читая незабываемые страницы Н.В. Гоголя. Из поэтов любил и часто перечитывал А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Г.Р. Державина и А.Н. Апухтина. Но властителем моих дум был, да и теперь остается Ф.М. Достоевский. Герои его бессмертных произведений всегда служили и служат для меня примером веры в Бога, любви к людям и Родине.

Но все же самым главным в моей юности было искание Правды Божией, любовь к Православию и нашей церковности. В этом я находил удовлетворение, это помогало отрешаться от первых жизненных невзгод. К разъяснению этих глубоко волнующих меня вопросов я не любил подходить с философской точки зрения, считая философское умствование лишенным сердечности и перегруженным холодной рассудочностью, часто приводящей к ошибкам или в тупик. Вот почему я никогда не был поклонником философского творчества великого художника, но слабого мыслителя Л.Н. Толстого. Я всегда отдавал ему должное как гениальному писателю, автору многих прекрасных произведений, исключая его своеобразное религиозное умствование, доведшее его до дерзновения отрицать евангельское Христово учение своим бездоказательным толкованием, подчас кощунственным и оскорбительным для чувств верующих.

Я всегда с сыновней благодарностью и благоговением вспоминаю светлое для меня имя дорогой моей матери. Весь наш род со стороны матери был духовного звания. Добрая, одаренная природным умом мама с детских лет воспитывала в нас веру в Бога и Его святых угодников. Она научила нас уважать и любить людей, независимо от их положения в обществе. Под любящим, заботливым материнским влиянием, по мере нашего возрастания, сердце каждого из нас, ее сыновей, утверждалось в религиозно-нравственном направлении и, согласно с разумом, устремлялось на избранный по призванию жизненный путь.

В дни своей юности я редко бывал в театрах, но из опер наиболее сильное, волнующее впечатление произвели на меня "Иван Сусанин" (тогда эта опера называлась "Жизнь за царя"), "Руслан и Людмила", "Мазепа". Они не только ласкали мой слух, но и радовали сердце величием духа русского народа.

Нравились мне пьесы А.Н. Островского на темы купеческого быта, так правдиво и остро выявившего специфические черты купеческого и других слоев русского общества. Обратила мое внимание модная в те годы пьеса М. Горького "На дне". Под ее влиянием во мне зародилась мысль ознакомиться с существовавшими тогда ночлежными домами для

обездоленного люда, богадельнями для престарелых и инвалидов и с бедственным положением заключенных в тюрьмах, куда я ходил в большие праздники (Пасху, Рождество Христово, Новый год, дни памяти Святителя Николая).

Во время революционных событий 1905 года я был свидетелем суровой расправы полиции со студентами Казанского университета. Под впечатлением от происходившего я добился свидания с жившим вблизи университета богатым коммерсантом из Елабуги Иваном Григорьевичем Стахеевым и выпросил у него денег для передачи арестованным. Стахеев вручил мне завернутые в бумагу золотые десятирублевки, и я отнес их в тюрьму. Я страдал оттого, что не имел своих денег для оказания помощи несчастным людям, но меня утешала доброта матери, которая через меня и брата помогала обездоленным. Наблюдаемая мною жизнь бедняков, их лишения натолкнули меня на мысль, когда я был архипастырем в Харбине, создать для неимущих людей Дом призрения, что я и осуществил.

Обучаясь в Казани, я часто посещал Спасо-Преображенский монастырь, где познакомился с настоятелем этой обители архимандритом Андреем (3) (впоследствии он стал моим духовным отцом). Восемь лет я благоговейно пребывал, можно сказать, у его ног, проявляя исключительную преданность. Он был истинным монахом-аскетом, бессребреником, молитвенником и замечательным, одухотворенным проповедником. Его влияние на меня, как и на очень многих людей, было огромно. Я взял его духовную жизнь в качестве образца и старался неуклонно следовать по его стопам, отдавая себя на служение Богу и ближним.

Незабываемое впечатление произвела на меня встреча с известным в те годы протоиереем Иоанном Сергиевым [12]. Произошла она вот при каких обстоятельствах.

В перерывах между учением я находился в Вятке, в родной семье. Однажды летом мое пребывание среди близких, любимых людей было омрачено тяжелой болезнью матушки. По определению консилиума врачей она была обречена. Мама таяла на глазах: болезнь печени не поддавалась лечению. Доктора сообщили об этом отцу и даже перестали посещать наш дом. Я не мог смириться с тем, что приближалась кончина матери.

В это самое время пришло известие о том, что в Вятку едет протоиерей отец Иоанн Сергиев. Мне приходилось слышать о нем как о молитвеннике огромной силы. Мысль о том, чтобы увидеть его и попросить помолиться о здравии мамы, не покидала меня.

В Вятке готовились к встрече отца Иоанна Сергиева — из ближайших уездных городов и деревень народ собирался в огромном количестве. Я, с присущей юношескому возрасту пытливостью, смотрел на богомольцев и скорее сердцем, чем сознанием, чувствовал, что это шла, вдохновленная молитвой. Православная Русь. Такое впечатление производили все эти люди, устремлявшиеся к батюшке с добрыми намерениями, как бы подтверждая своим духовным обликом слова песнопения: "Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение!" При виде такого множества верующих я думал, как осуществить свое желание и пробраться к отцу Иоанну.

Я отправился к вятскому викарному Владыке Филарету и попросил его помочь мне в свидании с отцом Иоанном. Архиерей посочувствовал моему горю. Он предложил перевезти маму в монастырский храм, если отец Иоанн туда приедет. Но она была уже настолько слаба, что ее нельзя было трогать с места. Мрачные мысли одолевали меня, когда я возвращался домой от Владыки Филарета. Вдруг созрело внезапное решение: здесь поблизости проживает недавно прибывший новый вятский полицмейстер К.К. Коробицын. "Не обратиться ли к нему за содействием?" — подумал я и направился к полицмейстеру.

Он принял меня довольно любезно и сказал, что отец Иоанн родом из Архангельска, его земляк. И с этими словами вручил мне свою визитную карточку с распоряжением, чтобы меня беспрепятственно пропускали всюду, где будет находиться этот знаменитый протоиерей.

В день прибытия отца Иоанна несметные толпы верующих затрудняли движение по городу. Прямо с вокзала гость направился в семью Поскребышевых. За несколько кварталов до их дома улицы были запружены народом. Даже с пропуском полицмейстера мне с трудом удалось пробиться к этому месту в надежде увидеть отца Иоанна.

По предъявлении визитной карточки мне открыли калитку, и я прошел на открытое парадное крыльцо второго этажа. Там в небольшой зале перед иконой стоял в епитрахили отец Иоанн и служил молебен. Я был потрясен огромной силой духа и проникновенностью, с которой он произносил молитвы. Голос его при этом был преисполнен необычайного религиозного дерзновения.

Когда по окончании молебна люди начали подходить ко святому кресту, я был в числе последних. Волнуясь, едва сдерживая слезы, я сообщил отцу Иоанну о смертельной болезни мамочки. Он спросил у меня ее имя, перекрестился и сказал: "Дай Бог ей здоровья!" Затем велел отвезти ей освященной воды. Я выполнил его указание, но прежде чем уехать домой, наспех написал записку с именами членов нашей семьи и вручил ее старушке М.П. Медведевой для передачи на молитвенное поминовение отцу Иоанну.

На следующий день я отправился в Дом трудолюбия, где гость должен был совершить Божественную литургию. И снова — запруженные улицы, с трудом я пробрался через двор в переполненный молящимися храм.

Вскоре колокольный звон и гул голосов возвестили о прибытии отца Иоанна. Верующие подняли его на руки и сквозь толпу пронесли по той же лестнице, где проходил и я.

Он узнал меня, приветливо посмотрел и сказал:

— Ты уже здесь! А как мама?

— Все в том же положении... безнадежном... — ответил я.

— Будем просить у Бога здоровья, и Он услышит, спасет...

Описать возвышающую силу служения, совершаемого отцом Иоанном, почти невозможно — это от начала до конца неугасимое пламя дерзновенной молитвы. Резкое, громкое, настойчивое, требовательное обращение в молитвах к Богу потрясало молящихся. В алтарь беспрерывно несли телеграммы и записки с просьбой к отцу Иоанну помянуть перечисляемые имена у церковного престола.

На следующий день я вторично присутствовал на богослужении, совершаемом отцом Иоанном в ИоанноПредтеченском храме. Туда было привезено много больных и одержимых. Под церковными сводами то и дело раздавались стоны, вопли и мольбы страждущих, чающих исцеления от недугов. А молитвенный голос отца Иоанна звучал так же, как и накануне: дерзновенно, уверенно, напоминая общение с Богом древних пророков.

Опасаясь, что мама может умереть в мое отсутствие, я ушел домой до окончания богослужения. В тот же день, но несколько позже, я не вытерпел и на извозчичьих дрожках отправился на поиски местопребывания отца Иоанна. Едва я успел свернуть с нашей улицы, как, к своему удивлению, увидел показавшийся мне бесконечным поезд экипажей. На первом из них сидела Матрена Петровна Медведева со священниками. Увидев меня, она замахала руками и закричала:

— Куда ехать-то? К вам отец Иоанн едет! Я быстро вернулся домой и попросил отца и бабушку встречать гостя. А дворнику наказал, что ввиду тесноты нашего дворика в ворота пропустить только экипаж отца Иоанна. Сам же быстро приготовил столик, воду для освящения и церковные свечи, какие были в запасе. Между тем маму на кровати внесли в зал.

К началу молебна толпы верующих заполнили не только зал и прилегающие к нему комнаты, но и двор, и улицу. Но вот вошел отец Иоанн и спросил:

— Где ваша больная?

Получив ответ, он благословил всех нас и обратился ко мне:

— Ну, вот видишь, я приехал к твоей маме. Будем молиться, и Господь Бог вернет ей здоровье!

С этими словами он подошел к маме, лежавшей в бессознательном состоянии, обласкал ее, как малого ребенка, приговаривая:

— Бедная ты моя, больная Антонина... Отец Иоанн положил ей на голову свой наперсный крест, прочитал молитву и пригласил всех нас молиться о болящей, а у отца осведомился, чем больна мама. Затем, встав на колени перед столиком с Евангелием и крестом, отец Иоанн громогласно, дерзновенно просил Бога исцелить болящую.

— Ради ее детей. Господи, — возглашал он, — яви Твою Божественную милость, пощади рабу Твою Антонину, верни ей жизненные силы и здоровье, прости ей все грехи и немощи! Ты, Господи, обещал просящим исполнить и дать просимое. Услыши же нас, Тебя молящих, и даруй здоровье болящей рабе Твоей Антонине!

Отец Иоанн произносил эти слова, обращенные к Богу, с совершенной уверенностью в милости Всевышнего. По окончании молебна он снова подошел к матери, благословил ее и сказал твердо, повелительным тоном:

— Сейчас же позвать священника, он причастит больную, и она с Божией помощью будет здорова!

На прощание отец Иоанн расспросил отца о нашей семейной жизни и, благословив всех, уехал. Когда он выезжал со двора, множество верующих, столпившихся на улице, окружили экипаж. Они хватали руками колеса, пытались прикоснуться хотя бы к краю его рясы, некоторые бросали письма, пакеты с деньгами, записки о поминовении.

Когда мы, домашние, проводив отца Иоанна, вернулись к маме, она лежала как преображенная. Кто-то из нас спросил, сознает ли она, что сейчас произошло. Мама чуть слышно прошептала: "Оставьте меня одну!..".

Мы выполнили ее просьбу, к тому же пришел вызванный мной священник. Мы простились с мамой и вышли, а когда после ее исповеди вернулись к причастию, увидели с радостью, что она сидит на кровати, а после приобщения Святых Тайн мама спокойно встала. На следующий день она уже не ложилась и быстро начала поправляться.

После этого знаменательного для всей нашей семьи события мама прожила еще около тридцати четырех лет. Мне кажется, что сила веры в Бога и в Его чудесную помощь дала действительный, а не мнимый результат, было услышано сильное внутреннее, глубокое душевное и дерзновенно-настойчивое молитвенное прошение немощного человека Всемогущим Господом Богом-Творцом. Во мне же, юноше, случай плодотворной силы веры и молитвы ускорил процесс духовного роста, укрепил стремление посвятить свою жизнь Богу и служению на пользу страждущим.

В моем понимании (счастливца, верующего, знавшего весь процесс предсмертной тяжкой болезни моей родной, умиравшей на наших глазах дорогой, любимой матери) все сие едва ли поддается объяснению, когда даже врачи оставили ее, а один доктор в утешение нас, плачущих, сказал: "Мы сделали все, что могли, пусть Всемогущий сделает больше, так как врач лечит, а Господь излечивает", — что в конечном итоге на самом деле и произошло. Слава и благодарение Господу Богу за все и за услышанные мольбы верующих в Него!

Три креста

Жизнь не праздник, Жизнь есть подвиг.
Святитель Филарет Московский

Бессильны мы пред Тем, кто нашу - Из слез, нужды, томлений и скорбей - Готовит жизненную чашу: Не прекословь, но пей!

По окончании реального училища я поступил на калмыцко-монгольское миссионерское отделение при Казанской духовной академии, а затем совершенно

неожиданно для себя в сане иеромонаха я отправился на Камчатку православным просветителем. Так в 1907 году начались моя самостоятельная жизнь и пастырское служение. Произошло это при следующих обстоятельствах.

В Прощеное воскресенье, то есть накануне Великого поста, после Божественной литургии в Спасо-Преображенском монастыре, за чаепитием в покоях отца архимандрита Андрея я читал вслух письма, только что принесенные почтальоном. Когда закончил, отец Андрей спросил меня:

— Ну как, Колюшка, на твой взгляд, есть что-нибудь интересное?

— По-моему, нет. Какой же интерес в том, что Владыка Владивостокский и Камчатский просит вас послать монахов в качестве учителей или священников на какую-то далекую неведомую Камчатку для просвещения тамошних диких племен.

— Так тебе и надо ехать туда! — произнес батюшка.

— Зачем же мне от вас уезжать куда-то на Камчатку? — довольно обиженно произнес я.

Мне казалось, что я не смогу расстаться с отцом Андреем, которого любил и к которому привык. А батюшка, собираясь уезжать в Елабугу на похороны своего духовного сына и благодетеля Спасо-Преображенской обители И. Г. Стахеева, благословил меня и, садясь в сани, повторил:

— Ты, Колюшка, до моего возвращения из Елабуги подумай о Камчатке. Молись Богу, подготовляйся на миссионерское служение.

Признаюсь, не желал я тогда этого и сердце мое не лежало к довольно неожиданному предложению. С каким-то огорчением я замкнулся в самом себе, не допуская даже мысли о возможности отъезда.

В таком неопределенном томлении прошла первая неделя Великого поста. Я, против обыкновения, на этот раз даже не говел, находясь в состоянии огорчения и неудовлетворенности. В то же время меня терзала совесть оттого, что я небрежно, непослушно отнесся к поручению моего любимого духовного отца.

Мама, узнав обо всем, успокаивала и высказывала предположение о том, что отец Андрей, вероятно, просто пошутил. Я попросил ее пойти со мной ко всенощной, но не в Спасский монастырь, куда мы обычно ходили, а в Богоявленскую церковь, так как там пел лучший в Казани хор, великолепно исполнявший «Покаяния отверзи мне двери...». Я просил маму помолиться обо мне, дабы Господь указал мне путь в жизни.

Богоявленский храм находился далеко, и мы к началу всенощной опоздали: половина службы уже прошла. И здесь, в этой церкви, в тот вечер окончательно решилась моя судьба. В момент, когда мы пробирались через множество молящихся поближе к амвону, до нашего слуха донеслись заключительные слова проповеди старичка-священника, в которой он призывно обращался к прихожанам:

— Сегодня на всенощной и завтра во время литургии мы, согласно прочитанному вам сейчас Синодальному воззванию, совершим сбор средств на наши духовные православные миссии. После недавно минувшей русскояпонской войны наш миссионер, архиепископ Николай Японский (4), весьма нуждается в моральной и материальной поддержке миссионерской деятельности. А о таких далеких, забытых окраинах, как наша Камчатка, и говорить не приходится. Там живут темные, отсталые язычники-идолопоклонники — камчадалы, чукчи, коряки и другие народности, а проповедников Православия нет в тех краях. Помолимся же, братие и сестры, Богу, чтобы Он послал на эту ниву делателей, ибо там жатвы много, а делателей нет.

Меня поразило совпадение слов проповеди с моими мыслями и переживаниями, когда я все еще колебался и размышлял о своей судьбе в связи с разговорами о Камчатке. В тот момент я совершенно спокойно и радостно осознал, по какому пути мне идти. И моя мама, чуткая сердцем, поняла меня. С ласковой, но скорбной улыбкой взглянула она мне в глаза и без слов дала понять, что неожиданное упоминание Камчатки явилось как бы разрешением всех сомнений по поводу моей поездки на эту далекую окраину Государства

Российского. В это время по храму проходил с тарелкой церковный староста. Он собирал доброхотные пожертвования на православные духовные миссии. Мама внесла свою посильную лепту, посмотрела на меня понимающим взглядом: у ее сына нет денег, но он отдает на просвещение камчадалов самого себя. И, действительно, я тогда так и решил.

Промысл Божий предрешает пути человека, если этот человек верующий и следит за порядком своего жизненного пути. Воистину от Господа стопы человека исправляются. Как совершенно ясно и очевидно Господь призывал меня от мира на великое апостольское служение! И упрямое противодействие послушанию духовного отца было побораемо предначертанной волей Всевышнего, сказавшейся в кратких словах неведомого мне старца-священника, призывавшего на пастырское делание в неведомой дотоле, отдаленнейшей Камчатке. Повинуясь, уже смиренно, голосу Божию, я спокойно и радостно воспринял сие предуказание, которое также смиренно, с верой, но с материнской тоской восприняла и моя любимая мама. Тогда, выйдя из церкви, мы с ней обнялись и заплакали от чувств в связи с совершившимся во мне душевным переворотом.

Дома я сказал отцу, что решил ехать на Камчатку с пострижением в монашество. Отец долго сидел задумчивый и молчаливый. Потом сказал, обращаясь ко мне и брату Иларию:

— Дети! Я и мама уже стареем, отживаем свою жизнь, а вы только вступаете на самостоятельный жизненный путь. Я полагаю, что каждый изберет дорогу по призванию. Мы, родители, не будем мешать вашему выбору. Если бы ктонибудь из вас, мои дети, захотел заняться самой скромной, непритязательной работой, ну, например, стать дворником, я, скрепя сердце, согласился бы и с этим, но только при условии, чтобы избравший этот путь стал честным тружеником. Если ты, Коля, чувствуешь в себе призвание к монашеству и миссионерству, значит, это перст Божий.

Я еще раз подтвердил свое намерение.

Отец умолк. Молчали и мы. Тогда отец взял географический атлас Ильина и отыскал Камчатку. Мы удивились отдаленности от жизненных центров страны этого небольшого полуострова размером с мизинец.

После этой сердечной, задушевной беседы прошло несколько дней. Родители благословили меня на новую дорогу жизни. Я навсегда покинул родительский дом, удалившись в монастырь, и готовился к пострижению в монашество. Необычайно трогательно, со слезами участия провожала меня дорогая моя мама, напутствуя материнским благословением и добрым словом.

Вскоре из Елабуги возвратился архимандрит Андрей. Я подробно рассказал ему как своему духовнику о свершившемся. Мы отправили телеграмму архиепископу Владивостокскому и Камчатскому Евсевию (5) с просьбой принять меня миссионером на Камчатку, с пострижением в монашество в Казани.

Владыка Евсевий немедленно по телеграфу ответил, что радостно ожидает моего прибытия в сане иеромонаха. Одновременно он обратился с просьбой к Димитрию, архиепископу Казанскому (6), о моем пострижении и посвящении в сан иеродиакона, а затем иеромонаха, с благословением на камчатскую поездку.

Я обратился за благословением к отцу Иоанну Кронштадтскому, еще в детстве поразившему меня своей отзывчивостью и участливым отношением к больной маме. Вскоре прибыл ответ. На своей фотографической карточке отец Иоанн написал: «Раба Божия Николая Анисимова благословляю на великий подвиг миссионерства, если он находит себя способным и чувствует в себе призвание к нему. Да явится в нем благодать Божия, немощныя врачующая. Целую его братски. Протоиерей Иоанн Сергиев. 18 марта 1907 года».

17 апреля 1907 года я принял монашеский постриг от руки моего аввы, отца архимандрита Андрея. Это произошло в Великий Вторник на страстной седмице. Отец, мать и брат присутствовали в церкви на моем пострижении. После пострига мой духовный отец, архимандрит Андрей, сказал мне назидательное слово как

новоначальному иноку. Он благословил меня Казанской иконой Божией Матери. Внизу иконы были изображения ликов двух святых: мученика Нестора Солунского и преподобного Нестора — русского летописца. Их память совершается 27 октября (ст. ст.) в один день.

6 мая 1907 года в Казанском кафедральном соборе бывший алтайский миссионер епископ Иннокентий (Солодчин) (7) возвел меня в сан иеродиакона. Личность епископа Иннокентия заслуживает всяческого уважения. Этот почтенный старец, глубокий подвижник и аскет принял впоследствии схиму в Херсонесском монастыре. Владыка Иннокентий перед моим отъездом на Камчатку дал мне полезные наставления как бывший алтайский миссионер. Между прочим он спросил меня:

— Вот сейчас ты понесешь три креста — монашество, пастырство и миссионерство. Какой из этих крестов легче, а какой тяжелее?

После некоторого раздумья я ответил:

— Полагаю, что крест пастырства — легче; за ним следуют миссионерство и монашество. Но епископ Иннокентий возразил:

— Все три креста могут быть одинаково и тяжелы, и легки, в зависимости от того, как их нести. Если с верой, благоговением, давая себе постоянный строгий отчет в этом великом и святом служении, то любой из крестов, и даже все три сразу, будет легко нести с Божией помощью.

Спустя два дня, 9 мая 1907 года, в день моего небесного покровителя от святой купели Крещения, Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, в том же Казанском кафедральном соборе я был посвящен в сан иеромонаха. Напутствуемый казанским архиепископом Димитрием (Самбикиным, доктором церковной истории), я вскоре отбыл на Камчатку. Накануне моего отъезда из Кронштадта прибыл нарочный. Он привез мне от протоиерея Иоанна Сергиева его розовое священническое облачение и устное напутствие: Передай камчатскому миссионеру (я его монашеское имя не знаю) от меня облачение. Бог ему в помощь. А вот этот сосудик передай ему и скажи: все выпитое (больше половины) — это мной выпито за мою жизнь, а оставшееся он будет допивать в его жизни [13], но пусть переносит все невзгоды терпеливо, да благословит его и спасет Господь Бог.

Так, по Божественному велению и по влечению христианского сердца, взял я на себя три креста: монашество, пастырство, миссионерство — и пошел с ними по тернистому пути, начертанному Господом. Я сознательно отрекся от мирских, суетных житейских благ, пренебрег служебной карьерой и отправился в далекую, необжитую, всеми забытую и неведомую мне землю, движимый желанием помочь страждущим.

Дорога в неведомое

...В груди заснула страсть земная. И буря мимо пронеслась,
И к Божеству любовь святая С любовью к ближнему слилась.
И.В. Гете.

Передо мной, 22-летним молодым человеком, жизнь распахнула врата в нечто неведомое. Первые мысли тогда были о тех необъятных просторах земли русской, которые раскинулись передо мной на пути в Камчатскую область. До Перми меня провожала мама. Каждое ее слово, исходящее из любящего сердца, было для меня путеводной звездой и сохранилось в памяти на всю жизнь. Будучи по природе женщиной чрезвычайно доброй, любвеобильной, мама передала нам, своим детям, участливое отношение к людям, за что я неумолчно благодарю ее, благословляю ее имя. Замечу, что она всегда подчеркивала и напоминала нам о том, что все, без исключения, люди — братья, а особенного сочувствия заслуживают страждущие и немощные. "Надо к ним умело подойти, — говорила она, — стараться не только быть ласковым, но и на деле оказывать помощь и моральную поддержку".

Когда мы прибыли в Пермь и наступила пора прощания, я, как ни странно, не ощущал грусти. Да оно и понятно: часть замечательного материнского сердца как бы оставалась во мне. Ее образ, любимые черты до сих пор не изгладились в моей памяти.

Далее путь до Владивостока предстояло проехать в экспрессе. За окнами вагона проносились то бревенчатые избы, то нежные, непорочной белизны березки, то могучие стройные ели темно-зеленых оттенков, величественные кедры, сосны с бронзовыми стволами, то скалистые уступы и округлые вершины Уральских гор, и, наконец, мелькнул невзрачный на вид столб с надписью: "ЕВРОПА — АЗИЯ", при виде которого доселе отвлеченное географическое понятие стало зримым и как бы осязаемым... И вот уже поплыла величавая, дикая, красивая и замечательная сибирская земля. Необозримые равнины и болота уступили место могучей, безграничной тайге — сурово-величавой и грустно-задумчивой.

Десятидневное путешествие в вагоне второго класса сблизило пассажиров. Общие непринужденные разговоры, предположения и рассуждения о малоизвестной тогда Камчатке не могли скрыть, тем не менее, явного интереса ко мне, молодому монаху, едущему в далекий, необжитый край.

В этой общей вагонной семье только трое незнакомцев, занимавших отдельное купе, держались обособленно. Да и мы, признаться, не обращали на них внимания. Зато, как выяснилось впоследствии, они весьма заинтересовались мною.

Когда наш сибирский экспресс приближался к еще неведомому мне морю, все пассажиры принялись укладывать багаж, собираясь к высадке во Владивостоке. И вот эти трое — молодая, изящно одетая, с хорошими манерами дама и двое элегантных мужчин, весьма обходительных, — постучали в мое купе. После обычных в таких случаях извинений они представились: баронесса Корф с братьями-баронами. Один из них сообщил о том, что они случайно из разговора с пассажирами узнали о моей миссии. Стесняясь навязываться со знакомством, они только теперь, перед решительным этапом в дальнем следовании, отважились оказать мне, молодому и неопытному, помощь.

Поэтому (и прежде всего) эта баронская семья попросила меня быть их другом-спутником, так как они тоже едут на Камчатку. По их словам, в Петропавловске-на-Камчатке они имеют собственный роскошный дом; да и пароход, на котором мне предстояло ехать к месту моего служения, единственный из совершающих рейсы между Владивостоком и Камчаткой, принадлежит им, а потому они просят оказать любезность и в будущем жить в их камчатском доме на правах гостя и лучшего друга. Вещи же, находящиеся как при мне, так и в багаже, которых у меня, как они слышали, весьма немного (в том числе и дары миссии от Казани), они охотно соглашаются сохранить в своих собственных пакгаузах, во Владивостокском порту, а затем на своем пароходе доставить на полуостров. Этим они хотят избавить меня от суетных хлопот и к тому же бесплатно предоставить соответствующую моему сану священнослужителя лучшую на их пароходе каюту. Для скорейшего устройства связанных с этим дел они просят сдать им мои багажные квитанции.

Я был весьма признателен им за любезное предложение, выразил радость в связи со знакомством с такими высокопоставленными и обходительными людьми, но сказал, что, к сожалению, не могу в данное время воспользоваться их добрым и заботливым расположением. Я объяснил им, что в разных чемоданах и ящиках есть посылки, церковное облачение и другие ценности, которые я должен передать владивостокскому архиепископу Евсевию. Мне надо разобраться, вспомнить, где что лежит, и затем переупаковать багаж, на что уйдет значительное количество времени. Я выразил огорчение по поводу того, что лишен возможности облегчить свою участь, освободившись от хлопот по переотправке багажа.

Тогда баронесса, стремясь выявить свое благорасположение ко мне, попросила вручить ей хотя бы находящийся при мне объемистый кожаный чемодан. Оставались лишь минуты до прихода поезда к Владивостокскому вокзалу. Я опять поблагодарил ее и

объяснил, что и в этом чемодане мне надо произвести пересортировку, и искренно выразил глубокое сожаление, что так поздно мы познакомились. Баронесса в сдержанной форме дала мне понять, что весьма огорчена моим явным нежеланием воспользоваться их дружбой и любезностью. Но не желая упустить так неожиданно улыбнувшегося мне счастья отправиться на пароходе и иметь пристанище на чуждой мне Камчатке, не желая потерять помощь и дружеское расположение добрых людей, я пообещал в самое ближайшее время, разобравшись во Владивостоке с вещами, доставить с великой благодарностью весь мой багаж в указанный пакгауз.

Между тем поезд плавно подошел к вокзалу. В сутолоке на перроне я потерял из виду баронессу и баронов Корф. Признаться, у меня возникло чувство неудовлетворения из-за того, что я лишился приветливых друзей, отказался от их забот и гостеприимства, чем, несомненно, огорчил, а может быть, и обидел их. Но делать было нечего. Упущенного не вернешь! И я принялся сам хлопотать о дальнейшей поездке.

Спустя несколько дней я прочел в газетах о том, что полиция задержала шайку аферистов: молодую женщину и двух мужчин, именовавших себя "баронами Корф". Эта тройка жуликов, дорожных грабителей большого масштаба, обманывала доверчивых людей рассказами о собственном пароходе и доме на Камчатке и обирала их. После этого я уже боялся всяких "баронов".

По прибытии во Владивосток я сразу же отправился в архиерейский дом. Там я узнал, что Владыка Евсевий проживает на даче в Седанке, в 16 верстах от Владивостока. В самом же городе архиепископ снимает квартиру в доме соборного ключаря, протоиерея отца Николая Чистякова, где производит деловые приемы и останавливается в дни совершения богослужений в кафедральном соборе.

К вечеру я поездом отправился в Седанку. От станции пришлось идти пешком по железнодорожному полотну. С одной стороны рельсового пути меня чаровал своей суровой мощью океан с приютившейся в Амурском заливе огромной открытой бухтой. А другая сторона напоминала родные места с болотцем и лесом на опушке, перелесками, извилистой речкой и виднеющейся над темным лесом вершиной храма. Места, овеянные покоем, располагающим к религиозным размышлениям, о которых с такой сердечной проникновенностью писал Тютчев: ...Изнуренный ношей крестной Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь Небесный Исходил, благословляя...

Незаметно сгустились сумерки, стало темно. Навстречу изредка попадались усталые китайцы — рабочие и рыбаки. В девятом часу вечера над зубчатой синевой леса вырисовался купол церкви архиерейского дома.

Я взошел на нижнее крыльцо и увидел Владыку Евсевия. Он стоял в подряснике и благословлял детей из своего приюта. Вслед за ними подошел и я. Архиепископ Евсевий радушно и ласково приветствовал меня, затем велел эконому отвести меня на ночлег и накормить, сказав при этом, что займется мной в ближайшее время (назавтра ему предстояло ехать во Владивосток провожать своего гостя — епископа Благовещенского Владимира (8)).

Первое мое впечатление об архиепископе Евсевий, сохранившееся навсегда, было самое отрадное. Его простота и ласковость даже в мимолетной, короткой беседе приятно поразили меня. Его теплота ободрила, укрепила уверенность в успехе моей предстоящей деятельности. Однако это отрадное настроение моментально исчезло после того, как я попал на попечение эконома Поликарпа. Своими расхолаживающими разговорами и нечуткостью он едва не довел меня до состояния отчаяния и разочарования с намерением возвратиться домой. Он уложил меня спать в чулане, набитом всякой рухлядью и кишевшем мышами и крысами. Его непристойные рассказы сразу оттолкнули меня от него. Впоследствии я узнал, что он снял с себя духовный сан.

Наутро с первым же поездом я отправился во Владивосток, где буквально метался в самом мрачном настроении. Я хотел есть и, желая утолить голод, вошел в какой-то ресторан, расположенный в саду на берегу моря, принадлежавший некоему В.М. Шуину,

который оказался приветливым и общительным человеком. Он рассказал мне о том, что архиепископ Евсевий — его земляк (оба они родом из Тулы), причем обрисовал его с наилучшей стороны. Я узнал из его правдивого рассказа о том, что Владыку Евсевия любит весь Владивосток и вся обширная епархия. Под влиянием беседы с Шуиным ко мне вернулось мое прежнее бодрое настроение и я устыдился своего малодушия.

Окончательно же меня развлек случай, произошедший в саду ресторана. Я сидел за столиком у самого морского берега. Волны с рокотом набегали, разбрызгивая пену, и с шумом рассыпались по прибрежной гальке. По деревьям между столиками бегали прирученные обезьянки и медвежонок. В ожидании обеда я сидел, наблюдая за ними. Вдруг совершенно неожиданно обезьянка прыгнула на мой стол. Не успел я прогнать ее, как она схватила из открытой перечницы горсть перца, хотела его проглотить, но обожглась. Несчастная взвизгнула, прыгнула мне на голову и начала отчаянно трепать мои длинные волосы, обтирая ими свой рот. От неожиданности и боли я вскрикнул и принялся звать на помощь. Подоспевший Шуин с трудом снял с моей головы обезьянку вместе с клочками волос.

После обеда с таким своеобразным приключением я поехал в архиерейский дом, принадлежавший соборному ключарю, отцу протоиерею Н. Чистякову. Он и его матушка — оба старенькие, добрые и приветливые — весьма радушно встретили меня. Вечером, побывав в городе по делам, связанным с отъездом на Камчатку, я на китайском извозчичьем экипаже возвращался в архиерейские покои. Когда я проехал освещенную главную улицу Светланку и свернул на тонувшую во мраке Алеутскую, произошел случай, подчеркнувший пошлость и мерзость извращенносуетной жизни тогдашнего портового города, являвшегося в те далекие годы местом греховных соблазнов для неискушенных людей.

Мой экипаж поднимался в гору, навстречу мне шли две нарядные дамы и мужчина. Внезапно одна из дам воскликнула:

— Здравствуйте, батюшка! — и подбежала ко мне. Лица ее под вуалью я не рассмотрел, но заметил, что на ней были изящное платье и элегантная большая шляпа. Полагая вначале, что это, вероятно, одна из спутниц по сибирскому экспрессу, я ответил: "Здравствуйте!.."

Не дав мне опомниться и собраться с мыслями, она вспрыгнула на подножку экипажа и без приглашения села рядом со мной. Считая это случайным недоразумением, я остановил извозчика. Однако незнакомка и не думала уходить.

— Душечка, — обратилась она ко мне, — поедем вместе... ко мне, поужинаем и до утра прекрасно проведем время!..

Признаться, я не знал, что предпринять, чтобы избавиться от назойливой незнакомки, и потому сбивчиво объяснил ей, что я — монах!

— О, тем лучше! — обрадовалась она. В поисках выхода из создавшегося положения мне пришлось решиться на выдумку.

— Разве вы не знаете, — произнес я с расстановкой, стараясь что-нибудь придумать, и после мгновенного раздумья выпалил:

— Ведь нас при пострижении в монахи... оскопляют!

— Какой вы несчастненький, — всплеснув руками, смелая незнакомка спрыгнула с моего экипажа и крикнула мне вслед: — как мне вас жаль, а еще такой молодой и красивый!

Так мне пришлось пройти целый ряд испытаний и искушений в портовом городе Владивостоке.

В ожидании отъезда на Камчатку я постоянно находился на Седанке при архиепископе Евсевии. У него получилось растяжение жил на ноге, и он лежал в постели. Я неотлучно находился при нем, обедая и ужиная вместе с ним. В разговорах о Камчатке незаметно проходило время. У Владыки Евсевия появилась мысль оставить меня при себе во Владивостоке. Но я, стараясь не обидеть его, выразил свое несогласие, рассказав

Владыке о проповеди священника в Казани с призывом делателей на ниву Христову в далекий забытый Камчатский край. Попутно рассказал Владыке о моих перипетиях — встречах с "баронами Корф" и с женщиной, прыгнувшей в мой экипаж, о своей неожиданной находчивости и боязни Владивостока. Владыка от души посмеялся, одобрил мои действия и сказал, что в портовом городе небезопасно и что бывает еще хуже.

День моего отъезда приближался. В те годы на Дальнем Востоке еще не существовало на камчатских рейсах пароходов Добровольного флота. В 1907 году было всего" лишь два старых, утлых суденышка, принадлежавших какому-то странному Обществу прапорщиков. Один из таких пароходов назывался "Индигирка". Он совершал ежегодно один рейс вдоль восточного побережья Камчатки и Чукотского Носа. Другой пароход, "Амур", небольшой, тоже в год раз отправлялся в Петропавловск, затем огибал по Охотскому морю западное побережье Камчатского полуострова и возвращался во Владивосток с заходом в Николаевск-на-Амуре. Вот на этом-то "Амуре" я и отправился в дальний путь, намереваясь добраться со своим громоздким багажом до Гижиги (отдаленнейший уголок на побережье Охотского моря). Пароход уже очень опоздал с отплытием, поэтому капитан спешил с выходом в море, невзирая на угрозу осеннего тайфуна, надеясь каким-то образом избежать обледенения.

"Амур" вышел из Владивостока 12 августа 1907 года. И тем не менее жесточайший тихоокеанский тайфун вынудил капитана пережидать за мысом Эгершельд. Я, впервые отправившийся в дальнее плавание, до того времени не видавший моря, жестоко страдал от морской болезни. Старый, маленький пароход скрипел снастями и то взлетал, то будто проваливался и хрипел, пуская из гудка вместе с надрывными звуками клочья пара, точно изнемогал в борьбе с разбушевавшейся стихией. Гигантские волны шумно, с неудержимой силой бросались на палубу, как разъяренный зверь, и ломали, угрызая хищными зубами крепления спасательных лодок, сбрасывая их в морскую пучину, словно легкую игрушку.

И когда 14 августа мы приблизились к японскому острову Хоккайдо, измучившимся от качки пассажирам он показался "землей обетованной". Как только бросили якорь в порту города Хакодате, грозный тайфун быстро покинул пределы Японии и наступил штиль.

Все пассажиры вышли на палубу. Япония предстала нашему взору в ужасном виде: город Хакодате, расположенный на горе, от ее вершины до самого берега, пылал в огне. Это было уже не море разбушевавшейся воды, а море огня, неистового пламени, уничтожившего (как потом стало известно) 11000 домов. Огонь метался, рвался к задымленному небу, охватывал все большее количество строений, разбрасывал сверкающие искры и горящие головни. В огне пожарища сгорел православный японский храм. Косвенной причиной пожара был тот же тайфун, разрушивший целый огромный город.

Наутро, пока "Амур" набирал уголь и пресную воду, пассажиры по ходатайству капитана парохода получили разрешение сойти на японский берег. Среди пассажиров, кроме русских, были татары, евреи, осетины и другие — скупщики камчатской пушнины. На пароходе были учитель с женой и ребенком, направлявшиеся в Петропавловск; следовавший туда же новый помощник начальника Петропавловского уезда с большой семьей; почтовый чиновник и я. В трюме парохода находилось много рабочих — китайцев и корейцев.

Пассажиры 1-го и 2-го классов, с разрешения японской полиции, желая отдохнуть после утомительного рейса, решили прокатиться по городу на конке. Пара кляч влачила вагончик по пылающему городу. Японцы, ехавшие с нами (их было меньше нас), с удивлением смотрели на русских. Русский уездный начальник стоял на площадке вагона и смотрел по сторонам. Вдруг вагон остановили и русским пассажирам приказали покинуть его. Мы, недоумевая, подчинились и увидели, что нас окружили полицейские. Они обыскали нас всех поголовно, но ничего предосудительного не нашли. Внимание

полицейских привлек только начальник уезда. Он был в русской военной форме, да к тому же имел при себе фотоаппарат. Этого, оказывается, было вполне достаточно, чтобы его арестовать, а нас отпустили на пароход. Но, конечно, "Амур" без одного пассажира, да еще военного, продолжать рейс не мог и потому простоял в Хакодате лишних трое суток. Вместе с семьей арестованного за его участь волновались и все мы.

Только к концу третьих суток японские полицейские привезли на пароход нашего соотечественника, составив акт о происшедшем с указанием причин задержки "Амура". После этого предложили судовому капитану сниматься с якоря. Между прочим, фотоаппарат у арестованного японцы отобрали. О том, что происходило с ним на протяжении трех суток в полиции, он никому ничего не рассказывал.

Неприятной неожиданностью для всех пассажиров стало то, что трое каких-то знатных японцев появились среди нас с намерением следовать на Камчатку. Русские пассажиры были стеснены, а японцам отвели две лучшие каюты. За туристов их никак нельзя было принять: наступило суровое время тайфунов, штормов и холодов со снегом в Охотском море, да и пароходишко "Амур", не в пример курсирующим по всему Дальнему Востоку японским и иным судам, не был приспособлен для прогулок. Впрочем, все вскоре выяснилось.

Когда "Амур" проходил мимо Курильской гряды, "японцы-путешественники" бесконечно и беспрепятственно фотографировали острова, особенно Шумшу и Парамушир, близко расположенные к Камчатскому мысу Лопатка, а также Авачинскую бухту. Вход в эту бухту, или Авачинские ворота, представляет из себя величественное, незабываемое зрелище. Чрезвычайно высокие, отвесные гранитные скалы подавляют своей мощью, и пароход на фоне их кажется ничтожной скорлупкой.

Над скалами летали и сидели на угрюмых каменистых уступах гагары, чайки, утки, ары, гоголи и многие другие птицы. Все они кричали на разные голоса, что производило впечатление "птичьего базара". В конце долгого путешествия перед взором путешественника возникли вонзающиеся в хмурое северное небо живописные горы, действующие вулканы, сопки. Из них особенно запечатлелись угрюмые гиганты — Авачинский, Корякский, Козельский, Вилюйский, Стрелочный, окружающие Авачинскую бухту.

Наш дряхлый пароходишко "Амур" как бы устало накренился, когда мы по шатким сходням покидали его борт. Петропавловск-Камчатский был малолюден, неблагоустроен и имел захолустный вид. Полным контрастом его приземистым домишкам выглядели могучие вулканы и покрытые снегом горы, обступившие город с трех сторон.

С непередаваемым волнением я шел по камчатской земле, но при этом я не мог не обратить внимания на возмутительно-наглое поведение трех японцев, прибывших с нами. Они открыто во все время стоянки "Амура" в Петропавловске фотографировали бухту, горы и прилегающие к городу окрестности, а также занимались геодезией, набрасывая на бумагу планы, рисовали карту, топографировали и измеряли глубину бухты. Короче говоря, хозяйничали, как у себя дома. До предела возмущенный всем этим, я не вытерпел и отправился к недавнему пленнику японцев, уже вступившему на пост помощника начальника уезда. Он отказался принять меня, но я буквально ворвался в его спальню, застав его лежащим в постели и читавшим газету. Открыто и резко я высказал свое возмущение по поводу его унизительного положения в Японии, следствием чего явилось прибытие на Камчатку трех обнаглевших "путешественников". Как русский патриот я потребовал от него принятия срочных мер для немедленного ареста разведчиков. Тогда этот "представитель царского правительства" на далекой окраине русского государства лениво привстал на локте, отложив газету в сторону, и безразлично ответил:

— А ну их! Наплевать на все! Пусть делают что хотят. Не стану я вмешиваться! Хватит с меня.

С горестным чувством ушел я от предателя и изменника Родины. Мне стало ясно, какой позорной ценой он купил свое освобождение в Хакодате. А ведь таких "любителей

легкой наживы" было много в те годы. Они в интересах личного благополучия разбазаривали Россию, пренебрегая честью и достоинством.

Начало служения

Приидите ко Мне все труждающиеся
и обремененнии, и Аз упокою вы.
Мф. 11, 28.

Переходя к рассказу о жизни в отдаленном Охотско-Камчатском и Чукотском краях, я должен пояснить, что собственно Камчатка — это только полуостров Камчатский с населением, в подавляющем большинстве своем состоящим из обрусевших камчадалов, русских, тунгусов и коряков. Но полуостров Камчатский — это только малая часть так называемой прежней Камчатской области, в которую входили, помимо Петропавловско-Камчатского, еще Охотский, Гижигинский, Анадырский и Чукотский уезды и Алеутские, или Командорские, острова. Вся Камчатская область занимала тогда площадь приблизительно 190000 [14] квадратных верст. Протяженность береговой полосы Охотского моря и Великого океана, окружавших всю Камчатскую область, равнялась десяти тысячам верст. Дикий, северный, угрюмый край. Лютые морозы и снега, труднопроходимые просторы с немногочисленным населением и суровой природой. Таким предстал он полвека назад передо мной — юным, еще ничего не видевшим, кроме семьи и школы.

Свое служение я начал в Гижиге, севернее Камчатского полуострова, у берегов Охотского моря. Это небольшое, но по Камчатским масштабам очень важное селение на реке Гижиге стало центром моей первоначальной миссионерской деятельности. С большими трудностями добирался я туда. С парохода пересел на катер и миль 20 проплыл в открытом море, а потом по реке Гижиге поднимался бечевой. Лодку тянули собаки. Затем я пересел на полудикую лошадь. Летом в Камчатской области местами передвижение возможно только на лодках или верхом на лошади. Зимой лошадей отпускали в тундру на подножный корм, а весной их приходилось ловить арканами и снова приручать.

На другой же день после прибытия в глухое селение пришел ко мне камчадал и радостно произнес:

— Наконец у нас свой свясенник! Батюска, я просу тебя, доделай мой бабе ребенка!

Недоумевая, я стал возражать. Но он в ответ выразил недовольство: "Какой же ты батюска, если не знаесь своей обязанности", — и уже в гневе повторил свою просьбу и в заключение сказал:

— Такого батюску нам не надо!

На мое счастье наш разговор услышала старушка, жена камчатского казака Падерина, у которых я остановился, и пояснила:

— Не сердитесь, батюшка, этот камчадал по своему понятию просит вас о следующем: из-за долгого отсутствия священника родившийся в его семье ребенок был окрещен повивальной бабкой с наречением ему имени, а ваш приезд обрадовал его, он просит вас завершить крещение младенца миропомазанием...

Второй подобный случай меня уже кое-чему научил. Один из камчадалов обратился как-то ко мне:

— Батюшка, дай моей бабе сорок!

Я уже понял, что он просит в сороковой день дать матери младенца положенную молитву. Впоследствии я научился их понимать.

На стойбище

Вставай, взывай ночью, при начале каждой стражи;
изливай как воду, сердце твое пред Лицом Господа; простирай
к Нему руки твои о душе детей твоих, издыхающих от голода.
Плач. 3,19.
Благо человеку, когда он несет иго в юности своей.
Иер. 3, 27.

Печальны и унылы были мои первые впечатления в Гижиге, хотя я и силился внушить себе, что это место прекрасно во всех отношениях. Вокруг поселка расстилалась навевающая грусть безлесная равнина, местами с откосами к речке Гижиге. Селение расположено на одном из откосов, против которого верстах в трех поднимается высокая гора, называемая Бабушка, так как облака, часто окутывающие ее вершину, образуют подобие бабушкиного чепчика. На вершине горы в ясную погоду виден большой крест, который водрузил проездом митрополит Иннокентий (9) в бытность свою епископом Аляскинским и Камчатским.

Над Гижигой почти постоянно, будто прикованная, висит темная пелена густых, мрачных облаков. Жители поселка — русские камчадалы, подразделяемые на казаков и мещан, а в окрестности живут оседлые и кочующие коряки, тунгусы, чукчи и другие туземцы. Все они унылы и молчаливы, на их лицах — мрачный отпечаток какой-то болезненности и тоски.

Чтоб хотя бы на миг почувствовать жизнь камчатских туземцев, надо представить себе холодные северные окраины Камчатской области, с гулом подземных толчков, с глубокими снегами и лютыми морозами. Вообразите себя окруженными собаками, которые заменяют вам лошадей и издают жуткий собачий вой, аккомпанирующий жалобному завыванию северного ветра. Представьте страну, где ясное, теплое солнышко в продолжение восьми месяцев суровой зимы является редким гостем, только иногда в какие-то мгновения напоминает о себе, а затем все снова погружается в холодный полумрак.

Небезопасна непроницаемая снежная завеса для путешественника. Когда он, спеша укрыться от буйной, снежной непогоды, при отсутствии дорог прорезает наобум непроглядную мглу, то рискует попасть в глубокий ров или сорваться с утеса и быть поглощенным холодными морскими волнами.

Путешествия в зимнее время по Камчатской области сопряжены с большими трудностями и лишениями. Человеку, незнакомому с тундрой, трудно описать то впечатление, которое производит эта однообразная, снежная, широко раскинувшаяся равнина, где или царит совершенное безмолвие и отсутствие какого-либо предмета, на котором мог бы остановиться взгляд, или же разражается ужасающий снежный шторм, пронизываемый зловещим свистом ветра. Иногда путник оказывается застигнутым в этой пустыне снежным бураном. Тогда собакам и оленям, везущим нарты, двигаться вперед нет никакой возможности, живому существу остается только зарыться в снег, чтобы под его покровом спастись от леденящей стужи, захватывающей дыхание. Обычно многодневный буран без всякого труда стремительно заметает снегом путников вместе с собаками и оленями.

Единственным моим утешением было то, что всякий мой приезд в стойбище был для его насельников радостным событием. Они дружелюбно приветствовали меня словами:

— Здорово, инпаклек! (Здравствуй, приятель!)

Обычно в таких случаях хозяйка юрты подстилала мне медвежью или оленью шкуру, и когда я усаживался на теплый мех, вокруг собирались обитатели этого примитивного жилища — от детишек до стариков. К ним присоединялись насельники из

других юрт. Они также усаживались вокруг меня и в наивной простоте и неведении интересовались всем, что происходило вдали от них. Они говорили о неведомых им заморских и заокеанских землях и людях как о находившихся... за рекой. Так, например, о прибывших из Владивостока туземцы говорили как о людях, приехавших из-за реки Владиво.

Пока между мной и ими завязывалась беседа, хозяйка хлопотала, приготовляя чаепитие. Для этого на горящем тут же в юрте костре в котелке кипятили воду, причем, если поблизости не было ручья или реки, довольствовались растопленным снегом или льдом. Прессованный чай, полученный в обмен на меха, они заваривали черным, как деготь. Дело в том, что чай — их любимый напиток. Они пьют его в неограниченном количестве, без сахара, за исключением тех случаев, когда их угощают сахаром приезжие "из-за реки". Тогда они пьют чай вприкуску, откусывая сахар по кусочку. Разомлев от жары, они раздеваются донага. В годы моего пребывания на Камчатке и Чукотке местные жители не употребляли хлеба, все заменяла вяленая пресная рыба — юкола. Тем не менее они охотно принимали всякие угощения, кроме шоколада, находя употребляемый ими в пищу нерпичий жир вкуснее, чем русское черное сало (шоколад).

После таких чаепитий я проводил беседы. Но прежде чем я расскажу о характере этих собеседований, хочу напомнить о том, что в 1907 году, когда я начал свою пастырскую деятельность, условия жизни коряков, чукчей, тунгусов, ламутов, алеутов, ороченов и других северных народностей не соответствовали общепринятым человеческим нормам. Жилища их показались мне ужасными. Для того, чтобы попасть внутрь юрты, надо было взобраться по закоптелому, вертикально стоящему бревну, попеременно всовывая в прорезанные в столбе дыры часть ступни, и потом спуститься в юрту через дымовое отверстие (из-за полного отсутствия в жилище окон и дверей). Спускаться в такую подземную юрту-яму надо было особенно осторожно, чтобы не угодить в очаг, горящий возле столба на земляном полу. Едкий дым, клубящийся от костра вверх через то же выходное отверстие, окутывал спускающегося в юрту или выбирающегося из нее, разъедая до боли глаза.

Бывало, намаявшись в дороге, мечтаешь согреться, отдохнуть хотя бы в этой зловонной яме-юрте. И вот, попав в нее, жадно глотаешь сравнительно теплый воздух этого задымленного подземного жилища, часто нестерпимо пахнущего нерпичьим жиром.

В устройстве юрт различных народностей разницы мало. Юрта тунгусов имеет круглую конусообразную форму. Длинные тонкие жерди одним концом вкопаны в землю, а наверху соединяются. Весь этот остов покрывается сверху оленьей кожей или мехом и закрепляется палками. Местами кожа и мех продырявлены, и через эти отверстия наносится в юрты снег, а стены при сильном ветре колышутся. Среди юрты горит огонь, освещающий и обогревающий жилище. На этом же костре туземцы готовят себе пищу и кипятят чай. Собаки, снующие возле костра, тычут мордами в котлы с едой но, ткнувшись в обжигающий котел, отскакивают, или бдительная хозяйка, мешающая похлебку, поднятой с земли палочкой ударяет собаку по морде, а потом той же палочкой снова мешает в котле.

Юрты кочующих коряков почти такой же конструкции, но значительно прочнее и теплее. Внутри юрта разделяется толстым оленьим мехом на маленькие низенькие помещения, словно сундуки или ящики, и там сидят люди, закупоренные меховыми занавесками со всех сторон. В подобном сундуке после долгого путешествия чувствуешь себя весьма уютно, хотя и приходится дышать смрадом и копотью от тлеющего факела — горящего кусочка мха, плавающего в удушливом нерпичьем жире, предназначенного для освещения юрты.

Среди коряков, особенно среди кочующих, распространено многоженство, так как они имеют большое хозяйство с многочисленными стадами оленей. Но справедливости ради надо отметить, что между женами туземцев почти не бывает ссор, они

беспрекословно подчиняются своему господину — мужу, который обычно относится к ним с добротой и мягкостью.

Все они поголовно неграмотны, за исключением камчатских казаков, с примитивной разговорной речью. Периодические эпидемии и заразные болезни уносили много жизней и без того немногочисленного местного населения. Отрадным явлением среди убогого, дикого бытия этих забытых всеми людей было отсутствие всякой ругани и сквернословия. Камчатские народности не знали никакой брани, воровства и обмана. Это были доверчивые, как дети, чистые сердцем, но нищие духом люди. Среди них я чувствовал себя без малейшего напряжения, спокойно и радостно, словно жил там постоянно. На всем протяжении пастырской деятельности в этих отдаленных краях не было ни одного случая, чтобы туземцы чуждались меня, или в чем-либо не доверяли мне, или сомневались. Только шаманы — заклинатели злого духа — избегали общения, сторонились, скрывались от меня в юртах. Правда, в приокеанском острожке коряки настороженно относились ко мне, когда я строил там церковь, школу и приют для детей кочующих туземцев. Но через месяц с небольшим, когда дети и их родители уяснили пользу обучения, мы уже были добрыми друзьями. И мои встречи, и приезд к ним в юрты всякий раз носили самый радушный, приветливый, простой, безыскусственный характер. И никогда ни с их, ни с моей стороны не было какого-либо непонимания или сомнения. Наши сердца бились созвучно, доверительно и дружески.

В жалком, закоптелом от дыма обиталище, невзирая на всю невзрачность обстановки, я убеждался в сердечной чистоте людей, живущих в этих полузвериных логовах. Каждый раз, всматриваясь в их добрые, приветливые лица, я видел, что глаза их выражают не только ласку и доверчивость к пришельцу, но и какую-то надежду на помощь и сочувствие.

Во власти духов

Безусловно, на человека, прибывшего в далекую, дикую, суровую, неустроенную Камчатскую область из центра цивилизованной, культурной России, эта удаленная окраина производит грустное, мрачное впечатление, пока он не освоится, не приспособится к местным условиям.

Аборигены Камчатки долгое время находились во власти духов темной силы Апапеля [15], своего рода языческого диктатора коряков, чукчей и других туземцев, кои были под постоянным страхом перед природными стихиями этих мест — действующими огнедышащими вулканами, грозными тайфунами и штормами, длящимися по 8-9 месяцев в году зимними метелями и буранами, захватывающими своими ледяными когтями людей и животных, передвигающихся по равнинам тундры, по пропастям и оврагам, по крутым горным хребтам. Безлюдные, безграничные пустыни, кустарники и редкие леса, скрывающие хищных диких зверей. Наконец, крайняя беспомощность населения перед неумолимыми эпидемическими заболеваниями, приводящими к гибели людей и животных. А помимо всего прочего, как бы в контраст неприютности и суровости, эта земля богата ископаемыми, минералами, золотом, серебром, самоцветами, нефтью, целебными источниками, пушным зверем, рыбой. Словом, край, где переплетаются и уживаются между собой горе и радость, бедность и богатство, грозный стихийный страх и спокойствие, озаряемое красочным северным сиянием, нужда, обида, беспомощность и терпение, семейная примитивная радость и скромное довольство во всем.

Май аборигены встречают как предвестник лета, хотя до лета еще очень далеко. Каждая хозяйка готовит дома кушанье, а затем все на собаках выезжают на поляну — и старые и малые. Суть же праздника в том, что за неделю или полторы до его начала срезают ветви багульника и ставят в теплую воду, чтобы он к началу мая расцвел. Эти распустившиеся веточки, с нежными лиловыми цветами, они берут с собой на природу. И там, как символ чистоты и девственности, они "рассаживают" багульник на снегу.

Получается дивная картина — среди зимы островки живых цветов. Затем разводят костер, греют чай и веселятся, любуясь этим сказочным чудесным ковром.

Налюбовавшись по-детски, с веселым настроением уезжают домой, увозя часть цветов с собой, а часть оставляют, и еще долго смотрят на них, пока не скроются за горизонтом.

Спокоен и осмотрителен был мой путь к сердцам камчадалов, находившихся в те далекие годы под влиянием шаманов. Коряки, чукчи и другие народности поклонялись злым духам и считали их повелителями таинственных сил природы, а землетрясения, извержения вулканов, северные сияния, морские бури, снежные бураны, эпидемии, эпизоотии [16], голод и прочие беды приписывали наветам злой силы, властвующей над человеком. Жрецы, или шаманы, являлись заклинателями духов, посредниками между духами и людьми, истолкователями воли духов.

Шаманами были как мужчины, так и женщины. Во время языческого ритуала шаман мазал идолов кровью принесенного в жертву оленя, а также убивал дорогих ездовых собак и развешивал их на кольях возле жилых юрт или внушал то же самое проделывать главе семейства, нанося огромный ущерб в хозяйстве, так как ездовые собаки в тех краях так же ценны, как для русского крестьянина рабочая лошадь. С этим разорительным для мирного, бедного населения обычаем мне трудно было бороться, но все же силой разумного убеждения иногда удавалось добиваться его искоренения.

Мне случалось присутствовать на шаманских радениях, грубых и крайне неприятных. Шаманы, прежде чем начать шаманить, съедают порцию сухих ядовитых грибов — мухоморов. Это, помимо несомненного отравления всего организма, вызывало одурманивание на продолжительное время, напоминающее дикое опьянение. Придя в такое состояние, шаман бьет в бубен, скачет, кривляется, и на губах его появляется пена, после чего возникают галлюцинации. Шаман тогда начинает "прорицать" всякий вздор доверчиво воспринимающим его людям.

Началом шаманизма является страх, а невежественность — главная его поддержка. Ни храмов, ни сколько-нибудь правильной организации жрецов у этих язычников нет. Коряк-язычник, хотя и имеет своего деревянного идола, но как высшему существу ему не поклоняется, а только время от времени как бы оказывает ему внимание, смазывая идола жиром, мясом, манялой, а затем опять бросает его в свой домашний скарб. Об идоле вспоминают в случае большого домашнего торжества.

Коряк-язычник точно так же верует в Великого Светлого Бога, обитающего на Небесах, почитая Его единым Богом всех народов. Но язычник считает себя бессильным молитвенно или жертвенно повлиять на Светлого Бога, определяющего в загробной жизни бытие каждой души человеческой. В оправдание приносимых темным духам жертв туземец говорил, что у каждого народа, в каждой отдельной стране есть свой всесильный дух-покровитель, невидимый властелин над телом и душой человека, покровитель животного мира и повелитель над грозными стихиями природы. А потому он умилостивляет и как бы подкупает этого духа кровавыми жертвами в надежде таким путем получить богатство, здоровье и благополучие в земной жизни. Шаманизм, таким образом, ведает только материальной стороной жизни, а нравственного начала в себе не несет. Зато как пышно, как прекрасно расцветала душа язычника, когда она познавала благодать Христову. Вот, например, случай обращения в Православие одной корячки.

Я совершал богослужение в Иоасафовской церкви на берегу Тихого океана. Царила молитвенная благоговейная тишина, когда вдруг раздался дикий голос корячки-язычницы. Она стояла перед распятием Христа с предстоящими Божией Матерью и Иоанном Богословом, рассматривая его, и вдруг принялась кричать и топать ногами на изображение Богородицы, приняв Ее за виновницу страданий Христа.

— Зачем Ты повесила Его на дереве? Зачем Ты делаешь Ему больно? Сними Его с дерева! Ты видишь, у Него кровь?

Все это происходило в присутствии многолюдной толпы русских матросов, пришедших в церковь с русского военного корабля, стоявшего в то время в бухте Корфа. Они были поражены увиденным.

Я в это время совершал каждение по храму и, подойдя к женщине, спокойно стал объяснять ей на корякском языке значение страданий Христа. Пораженная услышанным, полудикая корячка, которая никогда в жизни не видела ничего, кроме своей тундры и юрты, которая никогда не слышала таких необыкновенных, таких чудесных слов христианского учения, вдруг озарилась его светом. Она здесь же, в храме, у распятия стала просить, молить и настойчиво требовать, чтобы я тотчас же дал ей мою веру, чтобы я окрестил ее тут же, сейчас же.

Успокоив ее и объяснив, что сейчас невозможно ее окрестить, но что она уже эту веру имеет, надо лишь дать ей хотя бы начатки знаний о Христе, я продолжал богослужение. Вскоре я стал учить ее молиться, приезжая к ней в кочевье. В доступной форме я рассказывал ей о Боге, о Спасителе мира.

На Пасху, когда обычно ко мне съезжались туземцы, она вместе со своей семьей была окрещена и получила имя Варвара, а сын ее — имя Иоасаф.

Можно было заметить, что туземцы глубоко верили в силу "доброго духа", представляя его милостивым стариком, но неохотно о нем рассказывали.

Однажды в Гижигинск, где были церковь и школа, приехала группа эвенов. Они просили меня показать им православный храм. Я выполнил их просьбу и объяснил, какие святые изображены на иконах. Среди многих образов их внимание привлекло изображение Святителя Николая Чудотворца. Эвены подошли к нему и почтительно поклонились. Старший из них, указывая на изображение, сказал:

— Это — наш добрый дух. Мы его знаем. Мы его иногда видим...

И с этими словами еще раз поклонились ему и положили на пол возле образа связку беличьих шкурок.

— Это ему от нас, — сказал один из эвенов, — он добрый дух, мы его почитаем.

Мой отказ принять приношение обижал простодушных эвенов, поэтому пришлось взять меха как пожертвование на церковь.

Помню я и трогательную жертвенность, и искреннюю любовь обращенных язычников к своему храму, к чтимым образам. Еще полуязычески, по-детски, но горя святой немудрящей любовью, коряки и тунгусы, обращенные в христианство, приносили приклады к иконам и храмам. Это своего рода жертва: меха, олени, которых пригоняют к ограде церкви, рыба, различные продукты. Кладя их, они говорят:

— Вот это тебе, святой Николай или святой Иоасаф.

От Господа стопы человека устрояются
(История моего крестника)

Совершенно необычайное направление жизненного земного пути иеромонаха Кириака складывалось сложно, своеобразно и многогранно. И суждено ему было связать свою жизнь со мной, ставшим его крестным отцом так же, как и нескольким тысячам других моих крестников, разбросанных по вселенной.

В 1908 году в далекой северной окраине Камчатской области на берегах Охотского моря я исполнял свой пастырско-миссионерский долг, просвещая язычников-шаманистов верой Христовой. Над многими гижигинскими коряками, тунгусами и чукчами, подготовленными мной для достойного просвещения Христовой Православной верой я совершал Таинство Святого Крещения.

В большой толпе крещаемых подошел ко мне гигантский коряк-язычник и заявил, что он тоже желает креститься, считая себя вполне подготовленным для приняния Таинства. Я в порядке очереди крестил его, дав православное имя Илия, кратко пояснив житие святого пророка Божия. Больше этого Илию я не видел, поскольку

пастырскомиссионерская жизнь требовала постоянных разъездов. В силу этого, а также из-за кочевой жизни местных жителей мне редко приходилось встречать крещенных мной камчадалов. Но по милости Божией сложилось так, что через 52 года он, будучи уже иеромонахом Кириаком, разыскал меня, и у нас в I960 году наладилась заочная связь. Вот как это было.

В августе 1960 года я получил письмо от очень доброго и милого мирского человека Михаила Васильевича. Он мне сообщал, что еще в 1957 году запросил Патриархию, и ему был дан мой новосибирский адрес, по которому он послал целую тетрадь (исповедь отца Кириака) и письмо, но мною они не были получены. Спустя какое-то время он снова пустился в розыски и получил мой новый адрес, у нас завязалась переписка. В день праздника в честь

Рождества Пресвятой Богородицы я получил письмо от соплеменников отца Кириака, в котором они сообщали, что "радость и ликование были велии у нас по поводу сего", и описывали, какое впечатление на них произвел мой ответ. Причем они, так как были малограмотные, обо всем сообщали своему другу Михаилу Васильевичу, а он уже весточки от них пересылал мне.

"Дорогой и незабвенный друг наш! Здравствуй!

С большой радостью сообщаем тебе, что мы получили твою посылку. В ней были письма Высокопреосвященнейшего Владыки Нестора, а также три его портрета. Как только Валентин Николаевич вскрыл конверт и вынул оттуда письма и портреты, так сам весь побледнел и руки затряслись от волнения. Он побежал бегом к постели нашего батюшки Кириака и дал их ему. Надев очки и увидев портрет, тот так и застонал: "Он, он Святитель Божий! Хорошо я помню на нем наперсный крест наградной на ленте Георгия. Он заслужил его как Ангел спаситель и хранитель, а теперь он — Святитель Божий. Ох, какой я окаянный!"

Затем он попросил читать письма. А сам плачет и плачет, как младенец. Прочтут ему несколько слов, а он тихо скажет: "Подождите, дайте мне насладиться этими словами. Я маленько повспоминаю". Ждем, а он закроет глаза и думает, потом опять велит читать дальше. Опять остановит, о чем-то думая. А то попросит письмо в руки и так благоговейно, с трепетом прижмет его к груди и держит, держит минуты две-три. А потом целовать начнет. Раз двадцать читали ему эти письма и стихотворение "Радостная Пасха у прокаженных". Часто говорил первые два-три дня так: "Снятый многострадальный Иов, помолись Богу за меня, окаянного! Там, там, на берегу нашего моря, он сделал храм в честь тебя, праведника Божия".

Мы все просили его, чтобы он сказал, какой ответ написать великому Владыке, а он все плачет и плачет, как ребенок, и никак не желает или не может успокоиться. Махнет рукою тихо и прошепчет: "Большое дерзновение будет мне, окаянному, писать моему господину и Божиему Святителю. Я недостоин развязать подвязки обуви на праведных стопах этого ангела земного, а вы хотите, чтобы я писать велел ему".

На четвертый день часа на четыре он впал в беспамятство и все говорил с закрытыми глазами. Около него читали Библию. А когда он очнулся, мы опять стали просить его, чтобы сказал, о чем написать Владыке. Опять ответил: "Не надо!" Часто впадает в беспамятство, стал совсем как глупый ребенок, вспоминает Макария Алтайского (10), озеро Телецкое".

Через несколько дней отец Кириак смог сам написать мне:

"Ваше Высокопреосвященство, Святитель Божий и многолюбивый Господин мой! С самого начала я, многогрешный и недостойный смиренный инок Кириак, падаю ниц перед Вашим святительством и испрашиваю Вашего святительского благословения, лобызая десницу Вашу. Ваши письма я получил, и от 25/VIII и от 28/IX с.г. А также и портретов три, а один в святительском облачении и с иподиаконом. Вспомнил я, что первый раз я видел Вас в таком облачении лет 45 назад во Владивостоке в окружении двух или трех архиереев в день Вашей хиротонии. И теперь так сильно наполнилась душа

моя радостью, что я думал, сердце мое не выдержит. Ведь не только горе, но и неожиданная великая радость может разволновать любого человека до потери рассудка. А тем более такого старого, как я. Ведь мне девятый десяток к концу подходит. И вот сейчас, когда я пришел в себя, я и не знаю, о чем написать Вам. Ваше письмо напомнило мне многое из моей прошлой многогрешной жизни еще до Вашего приезда в Гижигинский уезд, в нашу корякскую походную Православную миссию. Хорошо я помню три домика на морском берегу между сопок, в которых Вы устроили несчастных прокаженных, и в уголку одного домика Вы устроили для них свою церковь, как, вот теперь только вспомнил, назвали ее в честь многострадального Иова из Библии. Потому что он тоже был прокаженный. Я и всего-то один раз был в этой церкви, но мне много говорили, как Вы приезжали туда к прокаженным, совершали для них богослужения и привозили им продукты, гостинцы, священные книги и детишкам разные забавы. Жили они, как вот теперь и мы здесь живем, в одном домике мужики, в другом — бабы и детишки. Только у нас здесь нет детишек-то, а одни старики беспомощные да калеки никудышные. Было нас двести человек, а теперь прибавили еще сорок. Очень тесно. Только потому я и помнил Вас пятьдесят с лишним лет, а особенно с 1936 года, что Вы всегда стояли в моей памяти как великий святой человеколюбец несчастных больных и бедных больших детей природы, она была у нас там как первозданная.

Когда Вы молодым священником приехали к нам в Гижигу, я хорошо помню, мне было уже 35 лет, и я был такой отчаянный вор и пройдоха. Ведь я остался сиротой лет шести. Колонисты-купцы воспитали меня побоями в своих факториях. У них я и научился русскому языку, а потом и грамоте. К этим годам я на своих собаках несколько раз изъездил всю свою Камчатку. А когда мне было лет пятнадцать, меня прибрал к себе купец Баранов Егор Семенович, который взял однажды меня с собой в Императорскую гавань. И вот, помню, мы тогда приехали в неведомое для меня, дикаря, место, в Тьерский стан, а там была церковь — первый раз в жизни увидел я церковь. И как раз мы попали туда, когда приехал архиерей (много лет спустя, я узнал, что это был епископ Камчатский Мартиниан (11)). А потом купец Баранов взял меня обратно в Маркове.

Когда Вы приехали к нам, разговору у нас, туземцев, было много о Вас. Особенно ненавидели Вас шаманы. И я, окаянный, захотел над Вами посмеяться — ради забавы принять от Вас крещение. Вы дали мне имя Илия. И это мое надругательство над Вами обернулось взаправду. Что-то светлое осенило весь мой разум. Буквально я переродился духовно в несколько дней, и мне так сильно захотелось быть таким же, как Вы. Но Вы быстро куда-то от нас уехали.

При помощи одного хорошо знакомого мне торговца-купца, пошли ему, Господи, Царствие Небесное, я в 1908 или же в 1909 году, забыл уже, приехал в Благовещенск и отыскал там епископа. Звали его Преосвященный Владыка Владимир, это я хорошо и точно помню. Меня пропустили к нему. И я рассказал ему обо всей своей грязной жизни, показал ему свою хорошую грамотность, рассказал, как крестился у батюшки Нестора, и про свое имя. А никаких документов у меня не было. И упал я перед ним и стал умолять записать меня в монахи и в батюшки. Продержал он меня у себя с месяц и всё наблюдал за мною.

А потом меня послали с другими людьми в Казань. Там дали мне жить в Спасском монастыре. С полгода я работал у них. Был очень прилежным. Перечитал много священных книг. Истово молился Богу. Голос у меня был хороший, и я быстро научился петь на клиросе. А еще через полгода по моей слезной просьбе Преосвященный Алексий (12) совершил надо мною монашеский постриг. Он был еще и ректором Академии, а архиепископом Казанским и Свияжским был Никанор (13), а Алексий считался его Чистопольским викарием. Архиепископа Димитрия, про которого мне рассказывали там, я уже не застал, ибо он умер до меня. Ректор Алексий (фамилия его Дородницын, после я читал много книг, им написанных) очень сильно полюбил меня, и я ему рассказал про свою жизнь, про то, как к нам приехал монах, батюшка Нестор, и как я, ради забавы,

обманул его и, думая подшутить над ним, попросил его крестить меня, и как я после крещения почувствовал сразу в себе какое-то светлое обновление, как меня стало мучить желание сделаться самому таким же, как батюшка, мой креститель Нестор. И кто, и как мне помог приехать сюда к ним, в Казань.

Епископ Алексий говорил мне, как ему было трудно учиться в Московской Академии. Он был немного старше меня. У них было два отделения, где учили на миссионера-священника. И он проверил мою грамотность. А потом я целый год жил у них в монастыре, и он постриг меня в иноческий чин. И он зачислил меня учеником на монгольский. Год я учился, а потом и еще полгода. И меня послали в Бийск, это на Алтае. Но я там прожил с год, и меня направили во Владивосток к архиепископу Евсевию. Продержали меня там в монастыре с полгода, а потом он призывает к себе и говорит: "Вот я сам из Москвы, из Тулы, где самовары делают. А все время живу то в Сибири, то на твоей Камчатке жил, а теперь вот здесь. Когда я закончил учиться в Академии под Москвой, мне сказали: "Негоже быть тебе ни в Москве, ни в Туле. Даем тебе для несения Божия послушания Сибирь". И тебе, брат мой Кириак, негоже на своей Камчатке нести послушание Божие. Я отправлю тебя на Курилы, к японцам. По цвету кожи ты полетать им. На первых порах ты будешь там у Владыки Николая келейником. А там уже он сам посмотрит, на какое послушание будешь пригоден".

Я смиренно ответил ему, что готов на послушание и поеду, куда направит меня Божий Промысл. Но немного дней сподобился я служить этому великому просветителю идолопоклонников. Он был уже таким слабеньким, хотя и высокого роста, что месяца через два или три скончался. Умер Владыка Николай 76 лет от роду. В Японии он прожил 50 с лишним лет. Мирское имя его было Касаткин Иоанн. Помяни, Господи, во Царствии Своем Небесном святительство его и святительство архиепископа Евсевия, святительство епископа Владимира, епископа Алексия, архиепископа Никанора, наставлявших меня на путь истины во иночестве и дававших мне силу нести с благоговением ангельское послушание. Восемь лет я жил там, но уже у Владыки Сергия (14), хваля имя Господне посреди идолопоклонников. За это время два раза посылал меня Владыка с поручением во Владивосток. Один раз я жил там месяца четыре. Это как раз в то время, когда в соборе над Вами совершали хиротонию. Много, много раз я делал над собою усилие подойти к Вам и со слезами попросить у Вас прощения за тот, как мне казалось, кощунственный грех, когда ради забавы, ради того, чтобы надсмеяться над Вами, принял от Вас во имя Отца, Сына и Святаго Духа водное Таинство Святого Крещения. Я до сих пор удивляюсь, как это могло получиться, что об этом своем кощунстве я исповедовался перед шестью святителями, то есть перед епископами Благовещенским Владимиром и Чистопольским Алексием, перед архиепископами Казанским Никанором, Владивостокским Евсевием и Японским Николаем, а впоследствии и перед Владыкой Сергием (в миру Тихомиров). А вот перед Вами не смог. Что-то неведомое мешало мне в тот период, когда Вы получили, сподобились получить сан епископа Камчатского. Это было осенью. Вот точно не помню, 1915 или 1916 года, но, как мне говорили. Вы уже вернулись с военного поля брани и были украшены наградным наперсным крестом с георгиевской лентой. Я до того времени не видел еще ни у одного священнослужителя наперсный крест на ленте.

Спустя недели две, после хиротонии, перед отъездом в Японию, в последний раз я был принят Владыкою Евсевием и спросил его, почему на посвящаемом наперсный крест висел на какой-то ленте. Он, улыбнувшись, добродушно пояснил мне, что Владыка Нестор удостоился этой награды от Его Императорского Величества за самоотверженную помощь нашим раненым воинам на передовых позициях войны. Что-то в таком духе пояснил он мне. Вот и теперь я вижу на карточке тот крест и ту ленту. Какое большое волнение чувствую я в душе своей. Видеть то, что я видел и о чем говорил почти полвека тому назад. Получать письма и портреты от того человека, над которым я надсмеялся и который крестил меня на моей родине 52 или 53 года тому назад. Господин мой и святитель Божий, слезно умоляю, простите меня, окаянного, ради Христа Иисуса.

Ох и сильно устал я говорить. Ведь два дня наш писарь пишет это письмо, а я лежу и говорю ему, что писать.

В 1920 году я попал через Корею в Китай, и целый год меня продержали в городе Юн-Пинфу при русской церкви святого Иоанна Крестителя. А там подошло время, что на Родину было проехать нельзя — война везде, снова Господь Бог привел меня в Японию.

В 1936 году меня снова потянуло на родину, но не успел я сойти по трапу с парохода, как меня арестовали, осудили и отправили сначала на берег Амура, а потом на Колыму. В 1954 году освободили, но кому нужен 82-летний старик?

И вместе с другими, такими же как я, меня поместили в инвалидный дом.

Вот кратко рассказал Вам.

Устал я, Владыко и господин мой. А хочется так много, много сказать Вам о теперешнем житье моем и выплакать перед Вами все свои грехи.

Не сочтите за дерзость, милостивый господин мой, что я попрошу Вас прислать сюда через нашего друга книги Священного Писания, а также еще черного сатину, материи, хотя бы на одну или две мантии. Здесь у нас есть наперсный крест, епитрахиль, поручи, Типикон, Библия. В праздники совершаем богослужения в отдельной комнатушке.

Все мы земно кланяемся Вам и испрашиваем Вашего святительского благословения и молитв Ваших.

Недостойные слуги Ваши — иноки Кириак, Симеон, Никифор, Павлин и из мирян Валентин Николаевич и Иван Павлович. Лобзаем Вашу святительскую десницу".

По получении от него письменного раскаяния я в своей домовой церкви прочел ему разрешительную молитву с величайшей благодарностью ко Господу, взыскавшему его, осенил его благословением в ту сторону, где он находился.

Второе письмо он написал мне 18 октября 1960 года.

"Высокопреосвященнейший Владыко и святитель Божий! Высокочтимый нами господин и отец наш! Просим Вашу милость принять от всех нас, здесь страждущих, сыновнее лобзание во Господе Христе Иисусе и благословить всех нас своим святительским благословением. Великому господину нашему, Владыке Нестору, многая лета, многая лета, многая лета!

Здравствуйте, Ваше святительское Высокопреосвященство! Не больше недели прошло с тех пор, как я послал Вам первое письмо. Прошу у Вас прощения за то, что я так долго не отвечал Вам. Не моя вина была в том и не злой умысел. Радость от получения Вашего письма, напечатанного на трех листах, и трех портретов Ваших очень сильно и на целый месяц лишили меня величайшего дара Божия — рассудка. Ведь это легко сказать только — не видеть более пятидесяти лет того, Кто поставил меня на путь в Жизнь Вечную, кто просветил меня ясным светом евангельской истины, — и вдруг получить от него доброе-доброе послание и великие знаки Его благорасположения — три дорогих портрета.

В первом письме я описал Вам свою жизнь. А теперь мне очень отрадно вспомнить тот великий день, в который я был покрыт мантией, ризой спасения и броней правды, каковая напоминала бы мне всю жизнь о том, что с того самого дня я на всякое дело считаюсь мертвым человеком, что я буду жить ради одних только добрых дел. Богу одному только ведомо, выполнил ли я за свою жизнь все клятвы, какие я давал перед алтарем в час принятия иноческого чина. Но как перед грозным судией своим исповедуюсь перед Вами, святитель Божий, что с того дня и до сего старался во всем — и в деяниях, и в мыслях — выполнять их. А там Бог знает, может, и согрешал когда.

Я уже писал Вам, что мне дали имя великого древнего отшельника Кириака (что значит — господский), прожившего весьма долгую жизнь в VI веке, так что день моего Ангела стал уже не 20 июля, пророка Божия Илии, а 29 сентября, а сегодня было 5 октября, и сегодня мы с братией молились нашим русским святителям — Петру, Алексию, Ионе, Филиппу и Ермогену. Как видите сами, милостивый господин мой, преподобный

великий подвижник Кириак и меня, грешного, сподобил многолетней жизни, а также и жизнь послал мне очень и очень тяжелую.

До сих пор мой мозг сверлят слова, сказанные постригавшим: "Претерпиши ли всякую тесноту и скорбь иноческого жития ради Небесного Царствия?" И мой твердый ответ, ответ бывшего вора и негодяя, разбойника и татя, вольного и свободного до принятия от Вас Святого Крещения, как моей родной Камчатки ветер:

"Ей, Богу содействующу, честный отче!"

Помню наставление: "Аще убо хощеши инок быти, прежде всего очисти себя от всякия скверны плоти и духа, в искушениях не печалься". Ведь никто-никто не неволил меня принимать иноческий постриг. Три раза я подавал ножницы в руки постригавшего, и два раза он возвращал их мне со словами, может быть, я одумаюсь и откажусь от него, но сила Вашего крещения надо мной оказалась такой могучей, такой осенительной, что я без колебания готов был идти на всякую казнь во имя Иисуса Христа.

Двадцать четыре пары старейших иноков Спасского монастыря вышли из алтаря с зажженными свечами в руках ко мне на паперть, оттуда, накрытого мантиями, ввели меня во храм Божий для совершения пострига. С каким большим воодушевлением и умилением слушал я пение "Слава в вышних Богу", когда меня подводили к алтарю.

Какие умилительные слезы потекли у меня из глаз, когда запели тропарь "Объятия Отча отверсти мне потщися. Тебе, Господи, с умилением зову, согреших на Небо и пред Тобою".

Надели на меня хитон, параман на грудь, рясу, пояс, мантию, клобук, дали четки и крест с зажженной свечой: "Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца нашего на Небесах".

Теперь всем нам, а особенно мне, стало радостно, ибо Вы, многомилостивый господин наш, утешаете нас, недостойных, своими добрыми ласковыми письмами.

Ох, Господи! Как мне сейчас стало легко на душе! Я, как и святой Симеон Богоприимец, говорю: "Ныне отпу-щаеши, Владыко!.. Яко видеста очи мои того, кто давным-давно озарил мою черную душу шамана светом евангельского учения и этим самым из жестокого бандита и идолопоклонника сделал верного христианина, познавшего смысл временной земной жизни ради Вечной Жизни на Небесах Господа и Бога своего".

Все мы испрашиваем Ваших святых молитв о грехах наших и, земно кланяясь Вам, сыновне лобызаем Вашу десницу.

Простите нас, Христа и Бога нашего ради.

Ваши детки — Кириак со другими".

24 сентября было получено письмо от Михаила Васильевича, где он благодарил Господа за нашу письменную связь, а также писал:

"...Много, много благодарен я своему дорогому и милому другу за то, что он так усердно в течение шести лет просил меня найти Вас. Грешен я перед своим другом в том, что после первой неудачной попытки связать его, бедного, с Вами бессердечно отказывался повторить поиски. Я мучаюсь и страдаю теперь и душою, и сознанием, что в течение четырех лет считал эти просьбы бредом измученного, лишенного рассудка человека. Как перед Богом каюсь перед ним, что все эти его просьбы ко мне я считал пустой забавой выжившего из ума бедного друга, а поэтому еще больше сочувствовал тому, еще теплее относился к нему, ибо считал, что он терзается от полного расстройства мозгов, что идеал его больного воображения — Владыка Нестор — несуществовавшая личность и является мифом, созданным больным воображением моего несчастного друга. Молю Господа Бога простить мне этот вольный и невольный грех., как простил мне его милый друг. Теперь я осознаю свою неправоту еще и тем фактом, что на протяжении последних шести лет он несколько раз повторял одно и то же: "Ты обязательно запиши его мирское имя и прозвище, это Аннсимов Николай Александрович, а самое главное, запиши нашу Гижигу, она одна во всем свете белом". Его больше всего мучило, как он много раз говорил, что он не знал, молиться ли ему о Вашем здравии или об упокоении

души Вашей. Поверьте мне, высокочтимый мною батюшка, что он все годы говорил нам, что родители дали ему временную жизнь, что они родили его духовно-слепым и что только Вы переродили его Крещением, сняли темную пелену с духовных очей его, что Вы дали ему возможность познать истинный свет духовной жизни и этим самым обессмертили его душу для Вечной Жизни. У меня имеется много записей, сделанных мною в момент его бесед или после. Большинство их относится к периоду его жизни на Алтае, в Казани, в Японии. Почти ничего не записано о Камчатке. Он говорил, что ему очень тяжело вспоминать свою жизнь на родине до 35-летнего возраста, так как этот период слишком мрачный и тяжелый для души, что эта жизнь — сплошные грехи ради телесной похоти и многие грехи были слишком ужасные. "Даже воспоминание о моем первом имени приводит меня в кошмарный трепет", — так много раз признавался он".

1 ноября я ему писал: "... Какая великая милость Господня и к тебе, и ко мне, так как судил Бог дожить нам обоим до глубокой старости и Господь примирил нас чрез Твое искреннее покаяние. Слава Богу и благодарение за все! А за тебя я безгранично радуюсь и благословляю тебя заочно, но с глубокой сердечной отеческой любовью радуюсь со слезами умиления и, обнимая тебя, целую архипастырским и отеческим целованием.

Бог спас душу Твою, и ты хотя не смел лично просить у меня прощения, когда во Владивостоке меня посвящали во епископа Камчатского, и не смел подойти ко мне, но прежде суждено было тебе исповедать твой грех надсмеяния над крещением тебя с целью надругательства, и ты просил прощения у шести архиереев. Знаменательно и то, что ты прошел по моим стопам к этим архиереям, так как ты хотел стать таким, как я. И только через полвека Бог судил найти меня и принести покаяние, прося простить тебя за кощунственную дерзость. Радуешься сему ты, радуюсь сугубо и я молитвой духовного твоего отца в моем лице, я, твой духовник, недостойный, ныне митрополит Нестор, властию, данною мне от Бога, прощаю и разрешаю тя. чадо мое Илия от купели Святаго Крещения, а ныне иеромонах Кириак, от сокрытого греха твоего надругательства над Святым Таинством Крещения и надо мной, немощным, твоим крестителем в молодые твои годы, и от всех грехов твоих во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Теперь ты, дитя мое, чистое в покаянии, можешь с верой и благодарением Господа Бога молитвенно сказать и повторять постоянно до часа твоей мирной кончины:

"Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал мне, недостойному, пред лицем всех людей, свет во откровении язычникам и славу христианства".

Знаменательно, что твое письмо с покаянием я получил 16/29 октября сего, 1960, года, то есть через 44 года после моего посвящения в сан епископа Камчатского. В этот день 1916 года ты был в соборе во Владивостоке, когда меня посвящали в архиереи. Бог тебя благословит со всеми живущими с тобой.

Любящий твой крестный отец — митрополит Нестор".

В последующих письмах он писал:"... В своей земной жизни Господь помог достигнуть мне желанной вершины, и эта вершина есть испрошение прощения великих грехов, содеянных мною в дни языческой молодости против Вас, моего духовного отца и учителя.

С того дня, как мне прочитали Ваше отпущение грехов моих, мне стало весьма легко. Теперь ничего не страшит меня и я готов спокойно умереть и отдать свою душу создавшему меня вечному Творцу всего сущего.

Никогда, никогда даже в мыслях своих я не был раскольником и отщепенцем от нашей Русской Православной Церкви. Помню годы, когда наша Русская Православная Церковь здесь, в России, и за границей переживала большие раздоры и ее иерархи пребывали в междоусобной брани, тем самым терзали и раздирали святое тело ее, я оставался твердо верен каноническим древним установлениям, я оставался верен в своих молитвах нашему Святейшему Всероссийскому Патриарху...

С благоговением дерзаем испрашивать Вашего святительского благословения.

Ваши смиренные послушники с недостойным многогрешным иеромонахом Кириаком".

Анализируя данные из письменных сообщений, я провожу некоторую параллель. Я принял монашество в 1907 году

17 апреля (ст. ст.) в моей духовной колыбели — в Спасском монастыре Казанского кремля. Как я понял, и отец Кириак принял постриг там же. Во иеродиакона я был посвящен в Казанском кафедральном соборе 6 мая 1907 года, а в иеромонаха 9 мая того же года посвящен епископом Алексием (Дородницыным).

Отец Кириак также был рукоположен епископом Алексием (Дородницыным). Все архиереи, о коих вспоминает отец Кириак, 16 октября (ст. ст.) 1916 года во Владивостоке посвящали меня в сан епископа Камчатского. И у всех этих архиереев он брал благословение и просил простить его. Разве это не чудо, что Господь вел отца Кириака по моим следам?

В своих рассказах он упоминает о том, что был миссионером; даже девочка-подросток, дочь шамана, с глубокой верой просила у него крещения.

В письме от 16 декабря отец Кириак писал:

"... Радуюсь я, и собратия веселятся облачениям и особенно мантиям, ибо теперь меня тоже похоронят в подобающем чину облачении. Я только и сетовал об этом. Теперь я могу произнести: "Ныне отпущаеши раба Твоего с миром, яко видеста очи мои спасение мое". Господи, Господи, прими дух мой многогрешный с миром".

В феврале 1961 года было получено сообщение о мирной кончине иеромонаха Кириака. Первым его небесным покровителем был Илия, который по милости Божией колесницей добродетелей своих вознесся к Небесам. И наш благоговейный Илия, который также своей добродетельной жизнью по принятии крещения душою своею духовно возродился. Словно на колеснице благодатной пастырской жизни возносился он к Небесам, исполняя истово подвиги своего послушания в священноиноческом сане, и куда. Богом водимый, ныне превознесен душою по кончине своей праведной.

Да явится и в вечности он избранником Божиим во Обители Отца Небесного. Мы же будем хранить о нем вечную молитвенную память, уповая, что и его бессмертная душа молится Богу о нас, немощных.

По получении извещения я немедленно в своем домашнем храме отслужил панихиду, а в воскресенье была совершена заупокойная литургия о новопреставленном.

"За два дня до своей кончины праведной, — пишут его собратия, — наш дорогой батюшка как будто выздоровел. Он стал всех узнавать, тихо беседовать с нами. Хотя он и болел, но безболезненно. Каждый воскресный день его приобщали Святых Тайн — Тела и Крови Христовых. Он даже проговорил, что сегодня празднуется святитель Григорий Богослов и икона Божией Матери "Утоли моя печали". Все мы зело возрадовались такому выздоровлению нашего родного батюшки. Как раз за два дня до того мы получили 120 рублей и сообщение о том, что к нашему Михаилу Васильевичу приедет келейник нашего Владыки, отец Сергий, в гости.

Мы ему сказали об этом, и он был весьма много обрадован и радовался, как дитя малое. Мы все боялись, что от радости такой он опять взволнуется и впадет в беспамятство. Но он велел почитать ему. Прежде всего взял в руки письмо, перекрестился, поцеловал его и со словами "радость и любовь Господня" велел читать. Все прочитали ему. Он узнал, что и нашего Владыку не минула горькая чаша таких же страданий и он пил ее восемь лет. Он всегда и сейчас при чтении очень волновался, когда слышал о себе такие слова нашего родного Владыки: "Любимый отец мой Кириак", "родное мое чадо духовное", "дорогой мой батюшка, отец Кириак", "милый мой старец" — все эти дорогие ему названия, а читали письмо три или четыре раза. И он говорил так:

"Хорошо, что у Михаила Васильевича много написано про мою иноческую жизнь в дорогой мне казанской обители, где я познавал яркий свет евангельского учения, и в Алтайской миссии, и в Японии, и за многие годы каторги. И он ему все сие спишет и

отдаст, и я велел ему сделать так. А до принятия от моего родного духовного отца Святого Крещения вся моя жизнь темная, как пасхальная ночь в лесу, и я сам в этой темноте ничего не знаю и не надо знать, ибо моя жизнь мне самому стала видной только после Святого Крещения". Он просил тут же писать письмо Михаилу Васильевичу и своему господину Владыке. Мы послали за писцом, но один из них сильно занедужил, другого послали на кухню делать уборку, третий тоже не смог встать с постели. И так все. Но удалось в этот день написать десять слов о его выздоровлении. "Ну, — сказал он, — Бог даст, завтра напишем". И велел читать ему все письма, какие раньше были присланы от нашего святителя Божия. Так и закончился день за чтением их. Радостно и хорошо всем было. В среду утром после братской молитвы он велел читать общую службу ко Господу по присланному Канонному и после — канон Пресвятой Богородице. Днем опять велел найти писаря написать письма. Но опять все оказались в самом деле сильно больными. И он об этом горько-горько сетовал. Пробовали писать по очереди, но не получилось. А он говорил нам слова прощальные, что на этих днях отойдет к Творцу и Богу своему в Жизнь Вечную. Мы ему говорили: "Поживи с нами, мы без тебя будем сироты". Но он отвечал: "У Бога нет сирот. Но мне теперь так хорошо и легко, потому что рядом со мною стоит праведный дух моего духовного родителя и просветителя, и он введет меня в Царствие Вечного Бога".

Затем он приподнялся, вынул из-под подушки ящичек с портретами нашего дорогого Владыки и стал целовать и рассматривать их сквозь свои двойные очки. Нам хотелось спросить его распоряжения насчет поминовения, но убоялись. Потом еще по разу их облобызал, бережно сложил и сказал: "Велите Ивану Павловичу съездить за батюшкой, я должен еще раз приобщиться Тела и Крови Христовых". А вечером он заставил читать акафисты Спасителю и Божией Матери.

На другой день, в четверг, к обеду, приехал батюшка. Мы уже прочитали чин последования ко Святому Причащению. Так что все было готово. Батюшка сам исполнил чин по Святом Причащении. Наш родной батюшка остался один со священником — так он сам велел. А потом вскоре позвал всех нас и сказал, что батюшка обязательно приедет отпевать.

Когда уехал священник, наш отец велел опять читать ему письма Владыки. И их читали все. И он опять говорил, как хорошо, что у Михаила Васильевича написано много из жизни его и он обязательно с этого сделает список для своего Владыки. Он попросил Капитолину Константиновну прийти завтра пораньше, чтобы написать с его слов небольшое письмо своему родному духовному отцу и святителю Божию. И еще Михаилу Васильевичу. Она обещала.

А в пятницу рано утром отец Никифор первый подошел к его постели, но наш дорогой батюшка у ле не дышал. Руки держал на груди, а под руками лежали все портреты того, кто давным-давно просветил его светом учения Господа нашего Иисуса Христа. Это были портреты нашего дорогого Владыки. И среди них был снимок Святейшего Алексия, Патриарха нашего, из календаря.

Тут же послали санитара за врачом. Врач сказал, что он умер без мучений, тихо. Это было в день памяти преподобного Ефрема Сирина. Послали за Капитолиной Константиновной, ведь только она одна могла уговорить мужа разрешить все сделать по-христиански. Через два-три часа все было в порядке. Разрешили отнести его усопшее тело в ту самую отдельную комнату, где мы все трое — Никифор, Симеон, Павлин — совершили над ним положенное на погребение по чину для монашествующих.

Никифор отер его тело теплой водой, прежде начертав образы креста на лице, груди, коленях, руках, ногах. Затем его одели в подрясник. Поверх надели мантию, присланную нашим Владыкой. Правда, по чину пришлось ее разорвать, чтобы можно было обвить крест-накрест. Куколь давно был сшит Капитолиной Константиновной, и икону Спасителя дали ему в руки. Тут же покадили ладаном, зажгли свечи. К вечеру принесли дощатый гроб, и санитары благоговейно при нашем пении положили в него тело

усопшего. Мы все трое по очереди неотступно читали над ним святое Евангелие. А Ивана Павловича послали опять за священником служить панихиду, а в церкви отслужили заупокойную литургию.

В воскресенье батюшка был занят и приехал только в понедельник утром. В этой комнате мы установили образа и непрерывно горели пять свечей: три у гроба, а две над образами.

В день памяти мучеников бессребреников Кира и Иоанна похоронили его на общем могильнике. Нам разрешили нанять лошадь и проводить покойного всем троим. Там мы еще раз умиленно пропели над гробом батюшки Великий Канон "Помощник и Покровитель бысть мне во спасение..." Весь полностью пропели. Затем все люди помянули. Священнику уплатили все и еще — за помин в сорокоуст, в девять дней и на целый год..." Бог видел все твои страданья, Молитвы слышал Он твои, Исполнит Он твои желанья, Возьмет в обители Свои. И там, на лоне Авраама, Среди божественных красот, Души твоей больная рана Под звуки гимнов заживет. Ты будешь, горестей не зная, Творца Вселенной прославлять, О грешных людях вспоминая, Владыку мира умолять. Проси его, чтоб дал нам силы Дурные страсти побеждать, Любить людей и до могилы Страданья ближних облегчать.

Контрасты

Но вернемся на Камчатку — полуостров протяженностью 1200 верст, шириной до 400 верст. Посредине его параллельно идут две горные цепи, составляющие Камчатский Срединный и Восточный хребты. Восточная береговая полоса испещрена огнедышащими вулканами и горами, она полна красоты и дикого величия, а западная береговая полоса, со стороны Охотского моря, низменная, пустынная, мрачного, унылого вида. Полуостров усеян горными речками, коих насчитывается до 200. Реки берут начало в горах, и, живописно извиваясь по ущельям, протекают в болотистые долины, и впадают в моря. На расстоянии примерно 700 верст вдоль полуострова протянулась главная река края — Камчатка, имеющая длину до 570 верст и принимающая в себя до 120 притоков, мелководная, с каменистым во многих местах дном. Все реки являются прекрасным нерестилищем ценных лососевых рыб. Кроме того, в морях ловятся сельдь, камбала, навага, треска, хариус и другая рыба. Имеются богатые тресколовные банки в Охотском море, у Командорских островов и у острова Карагинского. Большое промысловое значение имеют крабы, которыми наиболее богат участок Охотского моря у западного побережья, в районе реки Хайрюзовой.

Особую разновидность представляют собой так называемые камчатские крабы, мясо которых очень питательно и вкусно. На первый взгляд они напоминают обычных крабов. Но в действительности камчатский краб более родственен ракамотшельникам. Окраска панциря сверху розовато-коричневого цвета. У крупных самцов размах клешней достигает 1,5 метров, весом они бывают до 7 килограммов.

Еще одна река в Гижигинском уезде — Таватами, впадающая в Гижигинскую губу, — замечательна тем, что близ нее находятся горячие ключи. В них мне привелось купаться в феврале 1909 года. Поблизости от этих ключей живут тунгусы. Многие из них, больные, купаются в Таватамских ключах, а в весеннее время туда ездят купаться гижигинцы. Температура ключей колеблется от 25 до 45 градусов и даже до 81 градуса по Цельсию.

В 35 верстах от Петропавловска-Камчатского существуют горячие Паратунские ключи. Анализ состава воды показал наличие в них серно-известковых и серно-натриевых солей. Больные купаются здесь во всякое время года. Так что при исключительно тяжелых условиях жизни на Камчатке, где в годы моего пребывания там подчас совершенно не было медицинской помощи, Сам Господь как бы облегчал участь больных, изведя из земли горячие минеральные источники.

На Паратунских ключах в начале нынешнего века над самым озером возвышался небольшой храм во имя иконы

Божией Матери "Живоносный Источник". Престол здесь праздновался в пятницу Светлой седмицы. Постоянного священника при этом храме не было. Вскоре после моего прибытия на Камчатку, как раз на Святую Пасху, я служил в этом храме литургию, затем освятил Паратунские целебные ключи и водрузил возле них крест, а в дальнейшем предполагал устроить здесь общедоступную лечебницу — Дом милосердия.

Подобных ключей на Камчатке много. К сожалению, в те далекие годы все они были запущены, заброшены и никто не заботился о том, чтобы создать там курорты и лечебницы для несчастных жителей края, подлинных пасынков тогдашней России. Мне неоднократно приходилось весной и даже среди суровой зимы — в мороз и пургу — купаться в этих целебных ключах под открытым небом. И всегда я получал облегчение от мучительного камчатского ревматизма.

Климат на полуострове суровее климата средней полосы европейской России, хотя расположены они на одной широте. Причина тому холодное морское течение и долгое таяние льдов, целые горы которых наносит с Ледовитого океана в Берингово и Охотское моря. На суровый климат полуострова влияет также морской ветер, наносящий в изобилии зимой снег, а летом — дождь. По гористому восточному берегу Камчатки и в Петропавловске климат гораздо мягче по сравнению с открытым западным берегом. Береговые полосы, открытые для ветров и подверженные морским туманам, бедны растительностью: трава и кустарник словно прибиты к земле, они стелются по ней. По долинам гор и вдоль реки Камчатки раскинулся богатый строевой мачтовый лес: лиственница, береза и ель; здесь также обилие разнообразных кустарников, например ива, таволга, шиповник, черемуха, малина, жимолость, смородина. Пышная и сочная луговая трава достигает высоты человеческого роста. В летнее время камчатские луга представляют собой роскошный яркий разноцветный ковер из трав и цветов всевозможных оттенков. Проникая далее в глубь полуострова, мы наблюдаем постепенную перемену.

За роскошными лесами и пышными лугами тянется однообразная серая тундра, переходящая в мокрую непроходимую дикую пустыню, поросшую однообразным тростником, мхами, лишайниками и северной ягодой:

морошкой, брусникой, княженикой и голубицей. В летнее время пребывание среди красот дикой природы омрачают громадные тучи комаров и мошкары, от которых неимоверно страдают не только люди, но и животные. Случается, что мошкара совершенно заедает оленей и собак, плотно забивая ноздри и уши животных.

Камчатская тундра изобилует грызунами, о которых небезынтересно сказать несколько слов. Мыши как в тундре, так и возле горных увалов устраивают себе особого рода норы. В большинстве случаев они тщательно устилают их травой и даже разделяют на отдельные закутки — амбары, в которые складывают запасы продуктов на зиму. В подобных мышиных амбарах можно встретить различные коренья, саранчу, кедровый орех и другое, причем в одних амбарах коренья складываются в очищенном виде, а в иных обрабатываются беспорядочно и небрежно, очевидно, наскоро. Это значит, кто-то помешал — человек или зверь. Когда я видел, как люди устраивали набеги и разоряли мышиные склады, вычерпывая банками орехи, ягоды, различные коренья, то мне было жаль зверушек, оставшихся без пропитания на зиму.

Если камчатская мышь появлялась в жилом помещении, то она ничего не портила, не грызла, не уничтожала. Наоборот, во всевозможных уголках устраивала свои амбары. Так, когда я жил на берегу Берингова моря, в бухте барона Корфа, окруженный царством полевых мышей, то летом и осенью ежедневно по утрам находил в карманах одежды самую разную провизию: горох, крупу, сухари и т.п., а в сапогах — мелкий картофель, который мыши натаскивали с моего же огорода.

Ночью мыши, во множестве наполняя мою комнату, часто забирались ко мне в постель или даже сваливались на меня с потолка. Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, я на ночь забирался в особо сшитый мешок и на голову надевал специально обтянутый тюлем шлем, защищавший лицо.

Камчатская тундровая мышь совершает ежегодно перекочевку с одного места на другое, причем кочуют одновременно все мыши в неподдающемся учету количестве и делают переходы на расстояние в несколько сот и даже тысяч километров, например, уходят с побережья Берингова моря на Охотское и обратно. Идут в строго определенном направлении, переплывая реки, озера и морские заливы, конечно, с громадными трудностями и большими потерями.

Мне лично приходилось наблюдать, как мыши несметными полчищами перекочевывали с побережья Великого океана на побережье Охотского моря через перешеек Камчатского полуострова, преодолевая горы, овраги, реки, бухты. Во время моего путешествия на собаках я видел, как мыши совершали переход. Сколько хватает глаз, до горизонта, все пространство поверх снега было покрыто серой сплошной мышиной массой. Собаки мои не могли пробиться, так что пришлось мне и каюрам [17] идти на лыжах, чтобы расчистить путь ездовым собакам.

Переплыв водное пространство, мыши отдыхают, обсушиваются на солнышке и потом снова пускаются в путь. Население с восторгом воспринимает появление мышей, так как это — доброе предзнаменование: значит, будет сухое лето и изобилие пушного зверя, что для местных жителей необычайно важно.

Положение камчатских туземцев усугублялось тем, что они не знали любви Христовой, не были утешены ничьей лаской. Они только боялись... Боялись злых духов, боялись природы, холода, голода, мороза, боялись всякого начальства. В смене всяких страхов и проходила их несчастная жизнь.

Я осознал тогда, что мне среди этих отсталых народностей надо не только проповедовать Евангелие, но и прививать бытовые навыки. Однако без помощи общественности и материальной поддержки в замышляемой строительной и просветительской работе все мои мероприятия носили случайный, эпизодический характер. Вот почему я и не оставлял мысли о поездке в Петербург. Там, по моему замыслу, надлежало рассказать сановникам и всем имущим власть и деньги о бедствиях камчатских жителей, об их темноте и нищете. В Центральной России ими никто не интересовался, да и местная администрация относилась к ним пренебрежительно. В силу отдаленности края, уездные начальники были ни в чем не ограниченными самодурами. В большинстве своем эти грубые держиморды, расхитители и взяточники, оправдывая слова народной мудрости, олицетворяли в своем лице "царя и Бога".

Правда, и в этом "темном царстве" встречались люди просвещенные, культурные, к числу каковых отношу С.М. Лех, Сокольникова и Диденко.

В 1909 году на Камчатке было учреждено губернаторство. Но на деле оказалось, что "хрен редьки не слаще". Губернаторы, облеченные огромной властью на местах, здесь, на российских задворках, выказывали свое самоуправство и дикий деспотизм в еще более резкой форме, чем подчиненные им уездные начальники.

Со стороны же местных жителей проявлялось полное доверие ко всем пришлым людям. Но они трепетали от страха перед начальством, особенно когда им приходилось соприкасаться с ним непосредственно, так как оно имело манеру разговаривать с подчиненными грубо, запугивая и браня их.

Для наглядности приведу один случай. Всю долгую зиму я, по обыкновению, проводил в поездках по полуострову. И вот как-то в марте я возвращался на собаках домой, в бухту барона Корфа. В пути сильно простудился. Температура поднялась до 39,5 градуса, и я, лежа в повозке, стонал, особенно когда нарты трясло на ухабах и раскатах. Заболел я действительно всерьез, а до дома оставалось еще свыше трехсот верст пути.

Мои спутники — честные эв.ены — при виде моих страданий решили, что я помру в дороге.

Когда мы доехали до холма Апапеля, сделали остановку. Мои спутники поднялись на холм, где ощущали присутствие духа их предков — старика, жившего близ моря и повелевавшего морем и ветрами, и принялись умилостивлять "злое божество" оленьим мясом, табаком и т.п. Опасаясь за себя в случае моей кончины, они просили злого духа, чтобы я согласился выполнить их просьбу. После жертвоприношений посмотрели на меня пристально и с сожалением покачали головами от безнадежности моего состояния, и один из них, старый эвен, сказал:

— Иннаклек майнгу попе (Друг, батюшка большой). Ты пиши записку, что ты сам помер, а то нам худо будет. Мы приедем домой, ты молчать будешь.

Я, конечно, изумился их словам, но они пояснили:

— Ты себя не видишь, а мы тебя видим. Ты скоро помрешь, живой домой не доедешь. Тебе от болезни плохо, очень плохо... Пиши, пожалуйста, сейчас записку, что ты сам помер, а то мы потом привезем тебя мертвым, и ты будешь молчать, а начальник сердитый... Он нам не поверит, что ты сам помер!.. Скажет, однако, что мы тебя убили.

С этими словами все мои спутники-эвены упали на колени и убедительно стали просить писать нелепую по содержанию записку о том, что я "сам помер". С трудом удалось мне убедить этих милых, простых людей в том, что я не умру, живым доберусь до бухты, простуда пройдет, и все будет хорошо. При этом я просил их не делать частых привалов для чаепития. Только после того, как мне удалось убедить их в этом, мы тронулись дальше. Господь Бог помог мне, и я благополучно приехал домой.

Однажды я был приглашен начальником Гижигинского уезда на разбираемое им судебное дело. Войдя в его кабинет, я увидел стоящее трехгранное блестящее "зерцало" с золотым орлом сверху и с тремя указами Петра I. В кресле сидел начальник в специальном судебном одеянии. Друг против друга расположились женщинымкамчадалки: одна — жена помощника начальника уезда, вторая — потерпевшая, ее домработница. Я и другие посторонние слушатели сидели в стороне.

Судья вышел и вскоре демонстративно вернулся, сказав громко:

— Суд идет! (Он в одном лице и суд и судья).

Мы все встали и по его команде сели.

Суд начался. Судья просил истицу коротко и ясно объяснить свою жалобу, рассказать об обиде, нанесенной подсудимой. Камчадалка в многословных излияниях рассказывала, как она была нанята "начальницей" мыть у нее в квартире полы и исполнять прочую работу, показывая все свои действия наглядно. Она плакала от нанесенной ей обиды и заявила:

— Она меня не только облаяла, но и отшлепала (побила).

Потом судья задал вопрос подсудимой, и та в сердцах наговорила много злобного и лишнего. Началась женская перебранка. Судья-начальник едва остановил их, так как дело подходило уже к драке, и поспешил зачитать приговор: "Виновная в нанесении оскорбления действием за нарушение тишины и порядка оштрафована на три рубля".

Жалобщица удивилась малой сумме денег и протянула руку за ними. Но судья пояснил ей, что эти деньги не для жалобщицы, а в казну. Тогда она гневно заявила:

— Ах, вот еще как! Дак я теперь наработаю три целковых, принесу тебе, судья-начальник, эти деньги, а ее отшлепаю, как хочу...

Богослужение. Церковные требы

Обычно свои поездки к корякам, чукчам и тунгусам я совершал на нартах, запряженных собаками (от 12 до 20), или на оленях. Устройство камчатских нарт таково, что едущий в них находится, как в гробу, в лежачем положении, а каюр (возница) сидит в ногах пассажира и управляет собаками, привязанными к длинному ремню. Если собаки

завидят какого-либо зверя, то несутся во всю мощь. Каюр в таких случаях не может с ними справиться, и нарты часто опрокидываются, возница и седок скатываются в снег, а собаки уносятся в снежную мглу.

Таковы трудности и опасности зимних дорог, но не лучше и летние дороги, когда можно ездить только верхом на лошади по узким тропинкам, преодолевая вброд бесчисленные реки, речушки, завязая в болотах, объезжая озера. Неважны и осенние и весенние дороги, когда по рыхлому снегу трудно бежать собачкам и приходится на лыжах идти впереди саней. Но всего хуже дорога по морскому льду. Мне часто приходилось переезжать Пенжинскую губу— залив в северной части Охотского моря. Лед на этой губе, застывший гигантскими морскими глыбами, представляет беспорядочную кучу огромных торосов, ущелий и опасных страшных трещин. Кроме того, благодаря приливам и отливам, внешний вид бухты постоянно меняется, что затрудняет ориентировку. Мне же приходилось по этой бухте проезжать и днем и ночью. Сани то взбирались наверх, то опускались вниз, попадая в многочисленные трещины.

Зато как радуется сердце путника, когда истомленный страхом гибели в беспредельной снежной пустыне или среди страшных морских льдов завидит он вдали острожек или стойбище. Из юрт поднимается красноватый от пламени дым. Люди, собаки, олени копошатся возле юрт. Даже собаки, завидя жилище, мгновенно ободряются и, весело завывая, стремительно бегут к ночлегу. Уютным и приветливым кажется уставшему путнику отдых у костра. Убогое жилище туземца представляется путнику пределом комфорта и удобства...

За свою пастырскую деятельность я убедился в доброте, душевной простоте, правдивости, доверчивости и искренности этого народа. Когда я приезжал в их селения, они усыпали мой путь кедровыми ветками, подстилали мне под ноги меха, а иногда даже брали меня на руки и несли бережно с приветствием: "Христос воскресе!". Они радостно и умиленно воспринимали богослужение и молитвы на их родном языке и с трогательным усердием молились. К каждому моему прибытию тунгусы расширяли свою юрту так, что в ней помещались для молитвы несколько сот человек. В зимнюю стужу приходилось совершать богослужения в облачении из оленьего меха [18].

Посреди юрты горел дымный костер, дававший тепло.

Туземцы ласково повторяли:

— Ты наш добрый гость и отец!

Как-то мне пришлось совершать венчание двадцати пар желающих вступить в церковный брак. Богослужения среди коренного населения совершались редко, ибо от одного моего приезда до другого проходило значительное время, и многие подолгу оставались невенчанными, даже некрещеными.

Надо сказать, что тунгусы — и женщины и мужчины — внешне похожи друг на друга: они носили одинаковую меховую одежду, состоящую из штанов и курток. Как у мужчин, так и у женщин были длинные волосы, на лицах мужчин, как и женщин, — никакой растительности. Во всяком случае при тусклом свете костра мне они казались совершенно одинаковыми.

Начав совершение обряда венчания, я попросил тунгусов встать попарно: жених и невеста. Над головами венчающихся, за неимением венцов, держали бумажные иконки в одной руке, а в другой — горящую свечу. И вот случайно по чьей-то неосторожности на одном из венчающихся загорелась одежда. Произошло смятение. В суете, в стремлении погасить огонь, я не мог понять, кто жених, а кто невеста, и поэтому снова попросил тунгусов самим разобраться по парам.

По окончании богослужения и выполнения всех треб тунгусы разбирали юрту и помогали мне в изготовлении и установке деревянного креста, освящавшего место нашего молитвенного общения.

Довольно оригинален и труден способ определения возраста тунгусов, которые тогда не были знакомы с летоисчислением. Они не знали ни дня, ни месяца своего

рождения или смерти родственников. Для привития им этого навыка мне приходилось наводить их на воспоминание какого-либо выдающегося события их детства, например голода, наводнения, смерти близких людей, смену начальника уезда и т.п., чтобы затем самому путем догадок и сопоставления приблизительно определять их возраст.

Я приходил в восторг от примитивного, но своеобразного тунгусского календаря. Он состоял из небольшой дощечки с ручкой в виде лопатки. В этой дощечке просверлено 12 рядов маленьких отверстий, причем в каждом ряду столько отверстий, сколько в данном месяце чисел. Большие религиозные праздники, которые тунгусы знали и почитали, отмечались особым значком — кружком или крестиком. В текущее "число" вставлялся деревянный гвоздик, который ежедневно переставляли. Православные тунгусы знали на память святцы и безошибочно показывали в календаре праздники и дни тех святых, имена которых они носили, принимая христианство. Называли же они их просто, уменьшительно, как друг друга и близких людей: Пронька, Илька, Улька, Санька и т.д.

Удивительны у тунгусов внимание и почтение к памяти умерших. Они редко видели священника, и когда мне приходилось, например, приезжать к ним в кочевье, тунгусы просили совершать отпевание всех родственников, похороненных вблизи стойбища или погибших далеко в тундре.

Положив на столик передо мной взятые с места погребения маленькие камешки, они при этом говорили имена своих умерших и после совершения отпевания "омоленные" камешки брали с собой, чтобы положить на места захоронения умерших, которых отпевали.

Хищники всех мастей

Нередко снежный буран преграждал мне путь, и тогда приходилось мерзнуть и голодать в безлюдной пустыне и буквально смотреть смерти в глаза. Поэтому для преодоления расстояния 700-800 верст затрачивалось несколько недель.

Я горел желанием научить местных жителей грамоте, привить им общепринятые гигиенические нормы: умываться, соблюдать в юрте чистоту и особенно беречь детей. Туземцы, не знавшие разврата и сквернословия, особенно заслуживали участливого отношения и заботы. Однако, повторяю, все это мне одному было не по силам. Тогдашнее общество пришлых людей — всякого рода темных дельцов, местных чиновников и скупщиков пушнины — было мне чуждо, отталкивало своей черствостью и эгоистичным безразличием к судьбам камчадалов.

Для того, чтобы изучить жизнь вверенной мне паствы, получше ознакомиться с самыми отдаленными уголками области, я переезжал с места на место по стойбищам, посещая юрты, стараясь насколько возможно приносить пользу населению. За проезд на собаках или оленях (на лошадях там тогда не ездили) мне приходилось платить по 6 копеек с версты и подводы. А мне случалось в зимний период проезжать по 5-6 тысяч верст. Получал же я в те далекие времена 40 рублей в месяц. Замечу кстати, что при каждом переезде необходимо было брать 4-5 подвод. Это количество определялось потребностью (одна — для одежды, вторая — для продуктов и корма для собак, третья — служебная, четвертая — нарта с походной аптекой и, наконец, пятая — моя нарта).

В описываемые мною годы — начало XX века — Камчатская область не имела телеграфной связи. Почта зимой шла на Иркутск, Якутск, Охотск, Гижигу и Петропавловск, чем в полтора раза увеличивалось и без того огромное расстояние от центра страны. На корреспонденцию, отправленную в этом году, ответ можно было получить лишь в следующем. Пароходы Общества прапорщиков в течение лета успевали сделать только один рейс.

Я тяжело переживал лишения еще и потому, что рядом с собой видел обогащавшихся людей, пользовавшихся простотой и наивным доверием туземцев; тогда сюда для наживы и эксплуатации местного населения проникали грабители всей мастей.

Помимо русских, приезжали татары, евреи, кавказцы, а также иностранные хищники, в том числе и американцы.

Японцы для своих грабительских наездов имели сотни морских пароходов и шхун. Они буквально наводняли побережье Охотского моря и Тихого океана. Хищнически захваченной здесь рыбой питалась вся Япония. Не считаясь с интересами Русского государства (не говоря уже об интересах местного населения), японцы заграждали устья рек, вылавливая несметное количество рыбы, стремящейся к верховьям рек на нерест,

На своих огромных пароходах и паровых шхунах беспрепятственно прибывали к берегам Камчатки американские торговцы. Пользуясь младенческой доверчивостью и простотой местных жителей, американцы за ничтожное вознаграждение, в виде простых побрякушек, но чаще всего за "огненную воду" (алкогольные напитки), отбирали у несчастных камчадалов плоды целого года промысловых трудов: шкурки соболя, лисицы, выдры, белки, горностая, бобра, черного и белого медведя, волка и другие меха. Закабаление происходило обычно таким путем: иностранцы нагло заявляли туземцам о том, что уплата пушниной, которую оценивали не хозяева, а сами покупатели, была "недостаточна", а потому за "окончательным" расчетом заокеанские "просвещенные" жулики являлись спустя год. Так продолжалось десятки лет. Алчность американских торгашей была безгранична. Когда они на зимний период покидали Камчатку, здесь оставались их агенты, которые ездили по факториям, продолжая на протяжении всего года грабить местное население.

Это позорное, безобразное хищничество, в том числе и иностранцев, совершалось бесконтрольно, безнаказанно и легко,

При мне происходили, например, такие сцены. Как-то зимой я приехал на собаках в одно из корякских стойбищ. Смотрю, в юрте в дневное время все мужское население спит мертвецким сном. Оказывается, все они пьяны.

— Что у вас за праздник? — спросил хозяйку. Та радостно поведала о том, что они, обитатели этой юрты, — самые счастливые в стойбище люди. Из ее сбивчивых объяснений я понял, что к ним приезжал купец, который "по дружбе" осчастливил их. Он дал им несколько... иголок для шитья!

— Это, — говорит, — такое счастье для нас! Ведь фабрика для изготовления иголок на "земном шаре" сгорела. Был пожар, и хозяин умер!

И вот за несколько копеек (действительная стоимость иголок) ловкий купец, по фамилии Неутоин, забрал всю добытую пушнину: соболей, медвежьи шкуры, шкуры чернобурых лисиц, белок, выдр, а они еще благодарили его за "доброту".

Но, представьте себе, как велико было изумление хозяйки юрты, когда я безвозмездно отдал им все имеющиеся при мне иголки и пояснил при этом, как жестоко их обманули и ограбили. Чтобы уверить в этом население стойбища, я подарил для всех его обитателей целую горсть иголок, чем окончательно обличил в хищничестве купца, называвшего себя их другом и благодетелем.

Чувство благодарности хозяйки юрты было велико, а ее муж впоследствии разыскал меня среди кочевников коряков и в подарок от своей семьи привез мне шкуру медведя, от которой я отказался, обещая снова приехать к ним в юрту, сидеть на этой шкуре, давать уроки жизни, в коих они были несведущи.

Такие посещения после вышеуказанного случая я считал для себя обязательными ради хотя бы малой помощи населению; зато среди хищников-торговцев я был недругом, и они избегали встречи со мной в корякских и тунгусских юртах, но неуклонно осведомлялись, был ли у них Майнгу-поп Нестор и что говорил.

Еще беспощадней действовали американские хищники — скупщики пушнины. Они спаивали охотников-камчадалов дешевым одеколоном, виски и спиртом, от которого люди теряли зрение. Однажды в селении Ямск на Охотском побережье двое туземцев так напились одеколона, что тут же, возле опустошенной ими посуды, уснули. Наутро один из них проснулся и принялся кричать, призывая к себе приятеля:

— Иди ко мне, а то я тебя не вижу!.. Смотрю и ничего не вижу...

Он усердно и недоуменно тер глаза, но тщетно: несчастный ослеп навсегда, а приятель не откликнулся на его зов, он был мертв.

Один на один с недугом
Мне крест ниспослан Богом,
Отметил Бог меня перстом, К страдающим в болезнях и тревогах
Навстречу им иду с крестом.

Медицина на Камчатке была в плачевном состоянии. Несчастные обитатели этой заброшенной российской окраины почти поголовно болели чесоткой из-за того, что никогда не мылись и носили на голом теле несменяемую кухлянку (одежду из оленьих шкур), с мехом снаружи и внутри. От дыма и грязи в жилищах большинство из них болели трахомой.

Руководствуясь скромными медицинскими знаниями, я старался, по мере возможности, лечить их. Нелегкая это была задача! Для того, чтобы облегчить участь этих несчастных людей, я возил с собой походный набор лекарств и перевязочный материал, не менее 20 пудов цинковой и ртутной мази. Они всегда с нетерпением ждали и радостно встречали меня как избавителя от телесных страданий. Летом, пользуясь благоприятной погодой, они выходили на берег моря к прибытию парохода и спрашивали:

— Нет ли на пароходе Майнгу-попа Нестора с хорошей мазью?

В юртах я встречал буквально полусгнивших калек. Помню десятилетнего мальчика, покрытого страшными гнойниками. Бессвязным глухим стоном он просил помощи. Его несчастная мать старалась облегчить страдания своего дитяти, но делала это совершенно диким образом. Она выскабливала гнойники рабочим грязным ножом и им же потом резала рыбу, вытирала раны и нож одной и той же меховой тряпкой или подолом кухлянки.

Однажды мне встретилась больная старуха. Она сидела на земле у костра и скорбными глазами смотрела на меня, приветствуя как долгожданного гостя. Сдерживая страдальческие стоны, она сдирала с гниющего плеча коросты и запекшуюся кровь. А возле этого полуживого существа вертелись щенки, вылизывавшие ноги старухи и подбиравшие с земли комки гноя с кровью на меховых тряпках. Эго жуткое зрелище напоминало евангельский эпизод с Лазарем, когда он сидел у ворот богача, а псы лизали его гнойные раны [19].

При виде таких больных и беспомощных страдальцев я тоже страдал душой, не имея возможности облегчить их участь. Предоставленные самим себе, они варварски врачевали свои раны. Лишаи лечили тертым табаком, порохом или прошивали вокруг лишая женским волосом, натертым предварительно углем. При каменной болезни пили толченое стекло, больные глаза лечили нагаром курительной трубки — никотином. В бельмо втирали толченый сахар, растертое серебро или березовый деготь. В больное ухо вливали настой табака, а при глухоте из уха вытягивали влагу вставленной подожженной бумажной трубочкой. Ожоги намазывали кровью из отрубленного собачьего хвоста и т.д.

В 1908 году, когда еще здесь не было учреждено губернаторство, на пароходе прибыл владивостокский губернатор Флуг. Знакомясь с заброшенным, диким краем, он заинтересовался одним из серьезных вопросов в области — медицинским. В то время на Камчатке долгие годы был один доктор Тюшов. Он, отвыкший от культурной жизни, не имел связи с Россией и в продолжение зимы (8-9 месяцев) лечил домашними и знахарскими способами и средствами. Флуг спросил у доктора Тюшова: "Есть ли в Петропавловске больница и медикаменты?" Доктор ответил: "Есть, — и вынул из кармана коробочку, в которой лежало несколько порошков и маленький пузырек с йодом, а в бумажке — рулончик бинта, — вот вся наша больница и аптека".

Лечение детей

Все страдания, связанные с тяготами быта в камчатской глубинке, я переносил стойко, утешая себя молитвой и верой в то, что Господь Бог даст силу, чтобы преодолеть встретившиеся на моем пути трудности. Я видел воочию плоды своей пастырской деятельности. Так, например, в одной из подземных юрт, где жили эвены, я при виде изнывающих от чесотки и грязи детишек попросил мать разрешить мне вымыть и вылечить двух ее мальчиков в возрасте 6-8 лет. Несчастная, не понимая значения моей заботы, воспротивилась этому и, оберегая своих детей от чего-то чуждого, неведомого, отказала в моей просьбе. Ведь ее мальчики, по тогдашнему обыкновению, никогда не мылись. Я долго убеждал ее согласиться с моими доводами о значении мытья для здоровья, обещая излечить детей.

Видя непонимание матери и ее упорство, я сделал другой подход. Этой полудикой эвенке я предложил:

— Давай-ка я помою менее любимого из твоих сыновей!

Она, немного подумав, наконец согласилась и указала на старшего. Тогда я согрел на костре воду, приготовил простыни, мыло, полотенце, бинты и мазь. При виде всего этого младший мальчик бросился защищать своего старшего брата... от мытья и лечения. Он царапал меня, что-то кричал, а мать сердито ворчала, недоверчиво и боязливо глядела на меня. Ласковыми уговорами я успокоил малыша, а старшенького принялся мыть теплой водой. Ему это вскоре, по-видимому, понравилось, но больше всего его занимала мыльная пена.

Спустя более десяти дней, на протяжении которых я настойчиво мыл и перевязывал его болячки, мальчуган преобразился. Он стал выглядеть замечательно: чистый, без струпьев и ран, довольный и веселый. Мать пришла в неописуемый восторг. Она радовалась, смеялась, благодарила меня, а главное, настойчиво принялась просить меня сделать таким же белым, здоровым ее любимца — младшего сына. Первоначально я сделал вид, что не соглашаюсь выполнить ее просьбу, но потом "смилостивился" и обещал заняться младшим мальчиком при условии, если мать станет помогать мне в этом и будет учиться, как надо следить за чистотой и здоровьем своих детей после моего отъезда. Наделил я эту юрту щедро перевязочным материалом, мазью, мылом и детским бельем.

Когда я закончил лечение мальчиков и собрался ехать в другие стойбища, мать, обращаясь к моим проводникам, сказала:

— Расскажите во всех юртах, что когда приедет инаклек (друг, приятель) Нестор, то его не надо бояться и ему можно давать детей "чистить водой", как он моих "вычистил". Только пусть "сало" (мыло), которым он мазал моих мальчиков, не едят, оно невкусное. Я сама съела кусок, после чего у меня еще и теперь болит живот.

И мне всюду, куда я ни приезжал, приходилось, в числе прочих забот, объяснять назначение мыла.

Эпидемии

В те годы в Камчатской области из-за отсутствия ветеринарной помощи часто болели и гибли ездовые собаки и олени. Серьезной борьбы с эпизоотией не проводили. Только с 1910 года в городе Петропавловске появился ветеринарный инспектор, он же и единственный врач на всю огромную область.

Население также страдало от разнообразных заболеваний, в частности от кори, считающейся у нас обычной детской болезнью. Там она поражала только взрослое население, при этом смертность была невероятно большая. В первые годы моего пребывания эпидемия кори охватила почти все уезды Камчатской области. Тогда врачей здесь не было, кроме населенного пункта Гижигинска, где имелся доктор, но и он

бездействовал, испугавшись необычного в его медицинской практике явления — массового заболевания и смертности взрослых от кори. Его растерянность доходила до того, что он при вызовах не смотрел больных, а требовал, чтобы они подходили к закрытому окну, и сквозь оконные стекла выкрикивал "медицинские советы". В большинстве же случаев он безнадежно махал рукой, когда видел, что отчаявшийся в получении медицинской помощи больной уходил.

Во время эпидемии кори в жалкой, холодной юрте, в острожке, ютилась семья туземцев, которая довольствовалась самой скромной участью — жизнью в трудах и заботах, а малые дети и подростки были утешением и отрадой для родителей, но безжалостная болезнь разорила и разрушила это гнездо. Сначала умер отец семьи, а за ним — двое детей-подростков, в полубреду на полу юрты умирала мать, а между трупом отца и умирающей матерью сидел холодный и голодный малыш, бессознательно теребя одежды мертвого отца. Зловещий ветер жалобно стонал за пологом юрты и своим завыванием напоминал погребальный плач, единственное похоронное пение над безвестными телами. Костер уже давно догорел; собирая топливо, умерла старшая дочь; умерла, наконец, и мать, а замерзающее от холода дитя тянуло ее омертвевшую руку, ползало по материнской груди и что-то лепетало сквозь слезы. Ответа не было. Немного прошло времени, когда и этот истощенный, плачущий ребенок замолк навеки. Спаслась только девочка-подросток, которую приняли добросердечные соседи и которая рассказала мне эту печальную повесть о своей семье. Никто не знает о них, никому не нужна жизнь бедных обитателей суровой пустыни. Если умерший был крещен, то его запишут в число умерших, помолятся; а если он был язычник, то разве только сожгут его труп на костре, и буйный ветер разметет пепел по окрестностям.

Необычные болезни

Мною было замечено, что от постоянного употребления в пищу вяленой (пресной) рыбы — юколы (ее сушат на открытом воздухе, она бывает усеяна тучами мух и комаров) среди жителей возникают желудочные заболевания. Туземцы страдали от глистов, причем страдания их носили чрезвычайно тяжелый характер. Подвергшиеся заболеваниям худели, постоянно жаловались на боль в боку и в "нутре" (в животе). Вследствие заболевания желудка и кишечника, камчадалы становились необычайно нервными, иногда припадочными и начинали имяречить — от слов "имя" и "рек". Это такое своеобразное психическое расстройство, когда люди от испуга принимались непроизвольно выкрикивать то, о чем они подумали в данный момент. В беспамятстве или при неожиданном испуге больной мог исполнить буквально все, что ему громко приказывали, повторяя при этом вслух приказание. В момент болезненного испуга одержимые становились безропотными. По окончании припадка, придя в себя, эти робкие по натуре люди начинали стыдливо плакать и извиняться перед окружающими за то, что поступили неладно, сами не зная, что делали.

Подобное заболевание не было известно тогда никому из медиков, и проявления его я нигде потом не наблюдал. Подобное имяречение проявлялось порой и в трагикомических формах. Например, в селении Маркове Анадырского уезда местный священник-камчадал, а с ним и все население встретили меня. по обыкновению, весьма радушно, с уважением к моему духовному сану. После краткого богослужения в церкви я перешел в квартиру батюшки настоятеля. Все направились за нами во главе с начальником уезда В. Диденко (о нем, между прочим, упоминает писатель Тихон Семушкин в своей книге "Алитет уходит в горы"). Диденко, за его простоту и приветливость в обращении с камчадалами (в отличие от других чиновников), ласково называли "дядей Володей". Подходившую ко мне паству я благословлял; рядом со мной стояли: с правой стороны — маленького роста, с благодушным лицом Диденко, а слева — высокий, суровый на вид священник, отец Агафопод Шипицын. И вот для того, чтобы

наглядно продемонстрировать проявление "имяречки", дядя Володя легонько толкнул одну старушку, приближавшуюся ко мне, и негромко, но властно сказал: "Бей его!"

Совершенно неожиданно эта смиренная женщина, сделавшись невменяемой, принялась бить меня своими кулачонками со словами: "Бей его!.. Бей его!.. Бей его!.." Этот припадок кончился так же внезапно, как и возник. С просветленным лицом старушка убежала, часто повторяя: "Что я наделала!.. Что я наделала!.."

На другой день после этого случая я захотел увидеть несчастную. Мне сказали, что она все время плачет и скорбит по поводу происшедшего. Придя ко мне, старушка принялась умолять:

— Прости меня, старую дуру... Я все это с испугу наговорила и поколотила тебя вчера... Дядя Володя меня испугал. Тогда во мне возникло желание проверить эффект. Я топнул ногой и громко крикнул: "Что, добивать меня пришла?" Старушка опять стала невменяемой. Она набросилась на меня с кулачками, повторяя исступленно:

— Добивать!.. Добивать!.. Добивать!.. С трудом удалось мне успокоить больную. Придя в себя, она рассказала:

— Я не знаю, откуда, когда пришло это несчастье в нашу семью, но имяречкой болеем и я, и мой муж.

Из дальнейшего несколько бессвязного ее рассказа мне стало ясно, что достаточно внезапного потрясения, и одержимые начинают делать и говорить непроизвольно, бессознательно то, что им прикажут. Припадок продолжается недолго, после чего больные мгновенно приходят в себя. Причины возникновения имяречки трудно определить, но предполагают, что заболевают ею жители Камчатки на почве недостаточного и скверного питания юколой, которую, как я уже говорил, вялят под открытым небом с весны до осени.

В Ключевском селении я посетил священника отца М.Е., у которого были жена, дети и самая маленькая — двухлетняя дочь. В момент моего прихода матушка сидела в комнате и держала на руках эту малютку. У меня невольно вырвалось громкое восклицание:

— Какая славная Ниночка!

А кто-то из присутствующих камчадалок сказал:

— Ниночка, пококетничай!

В этот момент ее отец, неся на стол стопу тарелок, споткнувшись, уронил их, и они с грохотом разбились, вызвав у присутствующих женщин испуг. И так же, как несмышленая малютка по-детски склонила головку и приподняла рубашонку, все находившиеся в комнате камчадалки начали непроизвольно повторять все Ниночкины жесты, выкрикивая:

— Ниночка, пококетничай!.. Ниночка, пококетничай!..

Все начали также кокетничать и неожиданно подняли свои подолы, как ребенок свою рубашонку.

Наблюдал я еще и такие случаи.

Группа камчадалов и камчадалок была занята переблением пера убитых охотниками уток. Во время работы шла мирная, тихая беседа. Неожиданно к ним подошел один из охотников. Он поставил к стене дома винтовку, и она, упав, выстрелила. От внезапного резкого звука все занятые работой впали в невменяемо-болезненное состояние имяречения. Они принялись что-то выкрикивать, в исступлении бросая друг в друга перья и пух. Смятение и шум встревожили собак, лежавших неподалеку. Они бросились таскать битую птицу, чем еще более усилили болезненное состояние несчастных. Поднялся такой дикий крик, началась битва с собаками и между людьми, бросавшимися птичьим пухом. И только охотник смог всех успокоить.

Несколько женщин сидели и чистили диких уток, а собаки, бегая кругом, подбирали потроха и грызлись. Несчастные имяречки бросили работу и, подражая собакам, невольно начали грызться между собой.

Одна имяречащая женщина вздумала убить палкой суслика и стала сторожить его у норы. Когда суслик показывался, поднимаясь на задние лапы и мотая головой, имяречка так же мотала головой и, несмотря на все усилия, не могла сделать ни одного движения, чтобы убить суслика.

Однажды в церкви во время богослужения церковный сторож неожиданно зацепил подсвечник и повалил его, он покатился по наклонному полу. Большинство молящихся туземцев в церкви были имяречащие, они с испугом почти поголовно так же упали на пол и покатились, подражая движению подсвечника, приговаривая:

— Катится!.. Катится!.. Катится!..

Однажды ко мне пришла женщина, а я в это время умывался и намеренно властно приказал ей: "Умывайся скорее!" Она мгновенно схватила мыло, намылила лицо, платок на голове...

Однажды к берегам Камчатки прибыло военное морское судно "Якут". Находившийся на его борту врач, знавший о существовании здесь болезни имяречения, решил проверить случаи, вызывающие возникновение припадков. Он задумал весьма опасный опыт, приняв, правда, предохранительные меры. Он усадил в 3 лодки камчадалов и камчадалок, не страдавших имяречением. Среди них поместил женщину-имяречку с грудным ребенком, сам сел рядом с ней, а сидящим на других лодках приказал строго следить за лодкой, в которой сидела женщина с ребенком. Решено было переправиться на противоположный берег. Как только лодки отчалили, доктор громко крикнул:

— Брось в воду ребенка!

Вздрогнувшая от неожиданности и испуга больная начала выкрикивать эту фразу, но при этом противоречила себе: "Нет, не брошу!" И даже был миг, когда она сделала попытку бросить ребенка, но материнское чувство оказалось настолько глубоким, что взяло верх над болезнью. Она судорожно прижала его к своей груди, и вслед за этим наступило просветление. По мнению судового врача, это был единственный, исключительный случай, когда здравый смысл, материнский инстинкт одержали верх над болезнью.

Постепенно я привык к случаям проявления имяречения.

Но в 1907 году, когда я еще молодым иеромонахом оказался в непривычной мне суровой обстановке камчатского быта, меня поразил вот какой случай. В Гижигин-ске в ночь под Рождество я совершал предпраздничную заутреню и Божественную литургию. Когда по ходу богослужения было провозглашено многолетие, по старинному русскому обычаю, в этот момент в церковной ограде выстрелили из старой пушки. Храм был наполнен молящимися, на клиросе пел хор ребятишек под управлением регента. Выстрел так всех напугал, что в церкви поднялся невероятный шум и гам. Раздались нелепые выкрики и непроизвольный хохот. Имяречащие кричали то, о чем думали в момент выстрела. Один из певчих в испуге что-то исступленно крикнул и засмеялся. Тогда все хористы, вместо пения "многая лета", громко расхохотались. Еще не будучи знаком с подобными случаями, я принял этот безобразный хохот и шум в храме за проявление кощунства, а потому с чувством глубокого огорчения и возмущения ушел, расстроенный, в свою комнату. На другой день мне объяснили причину шума и смеха во время богослужения.

Из рассказов жителей различных селений полуострова (особенно на западном берегу Охотского моря), а также тунгусов я узнал и о существовании еще одной необычной болезни, которую камчадалы называли одним словом "надобность". Надобностью, как мне объяснили, болеют только женщины-матери или незадолго перед рождением ребенка, или после родов. Но болезнь эта весьма редкая. В нервном припадочном состоянии женщина настойчиво требует у кого-либо из своих родственников удовлетворить ее каприз: доставить ей какой-либо предмет или одежду — головной платок, кофту и т.п., указывая, что она через пространство видит и знает: в таком-то селе или в городе (допустим, в Охотске), в сундуке или в ящике лежит шелковый

розовый головной платок или шаль. Но ни дом, ни обитатели этого дома, ни сама местность просящей незнакомы, она там никогда не бывала, но ясно видит то, что просит ей привезти, хотя бы это было за сотни и тысячи верст. Кто-то из ее родных должен на собаках ехать и выпросить или купить требуемую вещь, так как в противном случае больная не успокоится и будет подвергаться припадкам.

Черная оспа

Аминь глаголю вам, понеже сотвористе
единому сих братии Моих менших, Мне сотвористе.
Мф. 25, 40.

В 1916 году я, будучи епископом, отправился на собаках в глубь Камчатской области и доехал до селения Гональского. По неоднократным прошлым посещениям оно запомнилось мне как многолюдное. Теперь же, въезжая в село, я обратил внимание на то, что собаки из моей упряжи против обыкновения не издавали радостных звуков, почуяв жилье. Впрочем, некоторые из них неуверенно взвыли, но встречного лая от местных собак не последовало. Меня поразила мертвая тишина. Во всех избушках окна были заколочены, а на кладбище я. обнаружил много новых могильных крестов. Только один человек — сельский староста — вышел мне навстречу. На мой недоуменный вопрос по поводу необычного безлюдья он сказал: "Черная оспа здесь. В жилищах покойников штабелями складывают, могил не успеваем рыть, да теперь, кроме меня, и некому, но и я не могу: земля глубоко промерзла. В живых осталось всего лишь восемь человек, я девятый, но на ногах только я один. Остальные лежат...".

Мы вошли в избушку. На полу вповалку на соломе лежали умирающие. Среди них особенно тяжелое впечатление производили мечущиеся в агонии роженица и рядом с ней умирающая повивальная бабка, желающая помочь в тяжелых, страшных, трагических родах. Тела и лица больных были покрыты черными кровавыми гнойниками. Некоторые из больных узнали меня. Они радостно восклицали:

— Владыка, дорогой, как мы рады, что дождались тебя! Мы — люди верующие, причасти нас скорее, и тогда мы спокойно умрем.

И было так чудесно, когда свет Христовой радости осенил ужасные черные лица умирающих, для которых смерть в присутствии священника и при его молитвенном напутствии явилась желанным избавлением от мучений. Трудно передать их искреннюю, непосредственную духовную радость, когда они причастились Святых Тайн. Растроганный, я молитвенно напутствовал их уход в Жизнь Вечную, оставив этот мертвый дом.

Продолжая свой путь дальше в глубь Камчатки, я и в других селениях наблюдал такую же жуткую картину мертвого запустения. Мне необходимо было определить поселение, еще не захваченное эпидемией, чтобы установить карантинный пункт со строжайшим запретом дальнейшего проезда. А причиной внезапной вспышки этого тяжелого заболевания стал совершенно дикий случай. На западном берегу Охотского моря на одном из японских рыбзаводов заболел черной оспой и умер японец. Рыбопромышленники втиснули труп в пустую бочку, забили ее и поставили вместе с бочками, наполненными рыбой. Это и послужило причиной быстрого распространения эпидемии по всей Камчатке. Когда я приехал в Ключевское, узнал, наконец, что последнее селение, в котором еще есть больные черной оспой — это Еловка. От нее дальше простирается снежная пустыня, которая и стала заслоном для оспы. В Еловке был устроен карантин.

В глуши камчатской

О вера христианская, святая,
Как много утешенья ты даешь!
Земную жизнь ты озаряешь светом рая
И от земли нас к Небесам ведешь!

Селение Ключевское — старинное. Оно расположено в живописной местности. Высокий, со снежной округлой вершиной вулкан постоянно выбрасывает огненный фонтан, и зарево это видно далеко, на расстоянии 200-300 километров. По склонам Ключевской сопки, не всегда заметно для взгляда, движется, сползает пылающими ручьями лава.

В январе 1917 года, когда я был в Ключевском, неожиданно дрогнула земля, закачались строения, и сами по себе зазвонили в местном храме колокола. Подземный грохот продолжался, почва под ногами сотрясалась. Дым и пламя слились воедино, и небо затянуло черной зловещей пеленой. В селении возникла паника. Люди в страхе бегали по улицам, не зная, где укрыться от грозной стихии, потрясшей все село. Ездовые собаки сорвались с привязи и с воем разбежались. Обезумевшие от страха люди пытались уйти подальше от смертоносной огнедышащей горы. Я, увидев растерявшуюся женщину с группой малых детей, схватил двоих ее ребят, помог им уйти подальше от места катастрофы. На местной реке кое-где вскрылся лед, и вода фонтаном взвилась вверх. Много людей, искренно верующих в Бога, спешили к церкви. Однако здание ее покосилось, войти внутрь храма было невозможно. Тогда на паперти под непрекращающийся гул землетрясения, под всполохи вулканического извержения я отслужил молебен об избавлении от грозного бедствия.

Позже я узнал, что землетрясение прошло полосой в 400 километров, достигнув отдаленных Командорских островов, где также были разрушения и человеческие жертвы. Особенно страшно это землетрясение было тем, что колебания почвы происходили волнообразно, а это особенно разрушительно.

Чаепитие у прокаженного

В один из моих объездов края я попал в отдаленное от населенных пунктов место. Суровая северная пустыня поразила меня своим безлюдьем. И вдруг везущие меня собаки неожиданно опрометью бросились в сторону через непроходимый, густой кустарник, так что мой возница не успел и даже не в силах был удержать собак. Обычно подобные случаи объясняются тем, что собаки, учуяв какого-либо зверя, бросаются за ним вдогонку. Но на этот раз история была другая.

Прорвавшись с моей нартой через кустарник, собаки притащили нас к одинокому, низенькому срубу-избушке. На пронзительный лай из сруба вышел молодой камчадал. Вслед за ним с изумленным взором показалась молодая женщина. Как выяснилось, мы въехали в запрещенное место. Оказывается, здесь жил прокаженный, он-то и встретил нас.

Увидев их, испугавшихся за меня и моих спутников, я спросил мужчину, изуродованного лепрой:

— А это кто?

— Это моя жена, но она вполне здорова.

Узнав с моих слов, что я епископ, оба они принялись упрашивать меня зайти к ним в избушку и окрестить недавно родившегося ребенка.

Жилище их состояло всего из одной комнаты. Этот сруб и скудную обстановку в нем они соорудили своими силами. В самодельной люльке, подвешенной к низенькому потолку, безмятежно спал младенец. В углу на полочке я заметил бумажную иконку и огарок восковой свечи. В избушке было гнойное зловоние: правая сторона лица и тела мужчины были покрыты гнойниками от бугорчатой проказы.

Супруги засуетились. Для крещения младенца они согрели воду. Затем женщина достала из ящика деревянную чашу-купель. При этом она объяснила, что еще до рождения ребенка сама выдолбила из пня эту купель в надежде, что когда-нибудь ей удастся тайком позвать в опасную зону батюшку из Ключевского селения для крещения ребенка. Я окрестил младенца и, по просьбе родителей покумившись с ними, остался на целый день их гостем. Мои каюры, управлявшие собаками, оставались вдалеке, ожидая меня у костра, где они устроили себе обед.

За чаепитием я узнал, что молодой человек неожиданно заболел проказой и его тотчас же изгнали из селения как опасно заразного. На мой вопрос, как же совершенно здоровая женщина оказалась с ним здесь, в пустыне изгнания, жена ответила просто, без рисовки и совершенно искренне:

— Ведь я — его законная жена. Мне жалко его, моего друга и спутника жизни. Я добровольно навсегда пришла с ним в эту безлюдную местность, помогаю ему в домашней работе и ухаживаю за ним. А теперь вот у нас радость — есть сыночек крещеный! Никуда я от них, моих дорогих, не уйду.

Ребенок, как я убедился, был совершенно здоров. Питалась эта трогательно дружная семья рыбой из речной протоки, ягодой и кореньями. Меня особенно поразили сооруженные ими деревянные нары — это общее супружеское ложе, где вместе с заживо разлагающимся прокаженным спит его здоровая жена.

Какова дальнейшая участь моих неожиданных пустынных кумовьев — не знаю, но я навсегда сохранил в сердце память об этих замечательных людях. Особенно запала в душу эта маленькая, худенькая женщина с большим любвеобильным сердцем.

Первые школы

Все виденное в тогдашней Камчатской области не удивляло, а ужасало меня. Для туземцев не было открыто ни одной школы, и среди них не было ни одного грамотного человека. Эти темные люди не имели никакого представления ни о науках, ни об обучении, и еще в мою бытность, в первые годы, когда я что-либо читал по книге или писал, они смотрели на меня с непониманием и удивлением, шептались между собой и, по-видимому, считали меня ненормальным. Я твердо решил: с учреждением Камчатского братства, на пожертвования открыть ряд школ для детей оседлых племен, а для кочующих устроить школу с интернатом.

Обрусевшее население камчадалов все же было счастливее туземцев, так как по Камчатке уже открывались школы. В Петропавловске были высшее, начальное и мною организованное второклассное училища. В нескольких больших селениях работали церковно-приходские школы. Для коряков же и чукчей первую школу открыл я.

Напрасно я пытался в доступной для их понимания форме разъяснить, что такое грамота, для чего надо учиться. Не помогали и привезенные мною прекрасные наглядные пособия и красочные плакаты. Слова "школа", "грамота", "учение" были для них только отвлеченными, непонятными звуками. Тогда я решил пригласить некоторых родителей, свободных от охоты и домашних дел, наведаться в школу и присмотреться, как и чему обучаются их дети.

Происходило это в селении Тилечики, куда я перевез прекрасные здания школы и приюта для детей кочующих туземцев. Эти дома строились во Владивостоке, и в разобранном виде с русскими рабочими я переправлял их на пароходе Добровольного флота. Когда школа была поставлена и открыта, тогда уже кое-кто из родителей, наконец согласился отдать своих детей на учение, а некоторые и сами пришли на занятия. Они с удивлением смотрели, как их дети учились читать и писать; взрослых поражало, как ребенок смотрит в книгу и произносит мудреные слова, затем что-то на бумаге царапает и опять говорит вслух.

Наконец прошел учебный год. Дети оказались очень способными и понятливыми. К началу нового учебного года эвены и чукчи привели значительно больше детей, да и сами попросили разрешения учиться вместе со своими ребятами. Так на Камчатке возникла первая школа с обучением на русском и корякском языках. Огромной радостью для меня было то, что в конце концов и взрослые, и дети поняли, что такое грамотность и какая от нее польза.

Вспоминаю еще некоторые интересные подробности из жизни местного люда. Представители камчатских народностей, населявших эти необозримые просторы северо-востока страны, не имели фамилий. Исключение составляли давно обрусевшие камчадалы и казаки — пришельцы с берегов реки Лены и из Якутска. Тунгусы и орочены разделялись по родам (например, Долганский род, Уяганский и т.п.). А чукчи и эвены различались по юртам, присваивая себе имя старшего обитателя юрты. Все это приводило к путанице. Вот почему во время одного из моих пребываний в Петербурге, где я решал ряд неотложных проблем, мне дали право присваивать отдельным семьям, из числа просвещаемых мною туземцев, фамилии, составляя при этом надлежащую книгу записи населения.

Для того, чтобы туземцам стало ясно и понятно значение фамилии, я давал их сообразно с характерными чертами главы семьи или по способностям. Например, у меня учился эвен — староста всего своего острожка. Он отличался особой сообразительностью, причем научился быстро, красиво и ровно писать. Ему я дал фамилию Писарев. И надо было видеть его радость, его гордое сознание отца, у которого дети, и внуки, и дальше, из рода в род, все будут Писаревы, в память его умения красиво писать. А другой туземец — один из лучших охотников на медведя — получил фамилию Медведев.

Некоторым для памяти фамилии приходилось вырезать на дощечках или кусочках кости, потому что если я делал отметку с указанием присвоенной фамилии на бумаге, они эту бумажку употребляли на курево. Меня, тогда молодого иеромонаха, удивляло и угнетало то обстоятельство, что подавляющее большинство населения, как мужчины, так и женщины, курили табак, а также жевали привозимую американцами лемесину или жвачный листовой табак. Поразило меня еще и такое зрелище, наблюдаемое в одной из семей: ребенок не более четырех лет сосал материнскую грудь, а потом вскарабкался на колени к отцу, взял у него из рук дымящуюся трубку с табаком и сунул себе в рот. При этом он даже не поморщился. На мой недоуменный вопрос отец ответил спокойно:

— Пусть привыкает! Все равно будет курить, тем более что уже привык и даже не кашляет. Наоборот, плачет, если у него отнять трубку.

Погребение умерших

Ни с чем несравним поразительно жуткий обычай сожжения умерших коряков-язычников. Мне пришлось присутствовать при кончине, а затем и погребении корякского мальчика. Замечу, что наиболее тяжелое впечатление производит подготовка трупа к сожжению.

В юрту, где находится умерший, сходятся все сродники и знакомые. Они выражают соболезнование членам семьи, а затем покойника кладут на земляной пол и покрывают большим шаманским бубном. Пока все не соберутся и не сошьют новую белую меховую посмертную одежду из шкуры белого оленя, никто не смеет лечь спать, хотя бы это продолжалось три или более ночей. Но для того, чтобы не было скучно и не дремалось, сродники садятся на землю вокруг умершего и на его трупе (на шаманском бубне) непрерывно играют в карты. Кстати, карты этим полудиким людям привозили "цивилизованные" отечественные и зарубежные скупщики пушнины.

Когда уже все готово к сожжению, труп поднимают нерпичьим ремнем из подземной юрты через дымовую трубу и везут на нартах или несут на костер. Вместе с телом кладется все, что служило человеку при жизни: табак, сумочка с пищей, лыжи, лук,

стрелы и т.п. Костер раскладывается очень большой, и две женщины стоят по краям кострища до тех пор, пока пламя не коснется их одежды. Собравшиеся вокруг пылающего костра завывают и кричат "атавхун", то есть "счастливый путь". Такой посмертный обряд мне пришлось видеть впервые.

Коряки веруют в загробную жизнь и в достойное воздаяние за пережитые на земле невзгоды, за добро и зло. По их верованию, умерший отправляется на охоту за соболем и сгоняет лучшего соболя навстречу охотникам — своим сродникам. Если гремит гром, коряки говорят, что это покойник бегает на лыжах за соболем.

Моей первейшей обязанностью православного священнослужителя было просвещать пребывающих во тьме обитателей края. Признаюсь, очень тяжело было мне, молодому и неопытному. Но, невзирая на трудности, я дал обет — не покидать Камчатку. Я прилагал все свои силы и знания для облегчения участи местных жителей.

Наводнение

В 1907 году, в первой половине августа, вследствие проливных дождей, от бурных горных потоков в Гижигинском уезде случилось большое наводнение, причинившее много бед и несчастий. Потоками воды были смыты все запасы рыбы, в том числе и корм для собак, были снесены жилища и юрты тунгусов с их меховой одеждой и всем домашним скарбом. Вдобавок ко всему, от селения Гижиги до границ Охотского моря был недоход рыбы, которая для коренного населения являлась основным продуктом питания, заменяющим собой и хлеб, которого тогда там не было.

Тунгусы, пострадавшие от наводнения и возникшего вследствие этого голода, не имели оленей, что лишало их возможности добывать пропитание для своих семейств. Я был очевидцем их безвыходного положения. Меня охватывало отчаяние при мысли о том, что я ничем не могу помочь несчастным страдальцам. Я написал призывные письма Владыке Евсевию во Владивосток, епископу Андрею в Уфу, а также отцу Иоанну Сергиеву в Кронштадт. Мои послания достигли цели спустя лишь год. В ответ я получил ободряющие письма, кроме того. денежную помощь и продуктовые посылки для пострадавших от стихийного бедствия. Особенно меня воодушевило и утешило краткое, но вдохновенное письмо отца Иоанна.

"Отец Нестор!

Дерзай и уповай пред лицем пославшего тебя на апостольскую проповедь. Терпи, как Апостолы, уповай на помощь Божию, утешай новую паству твою надеждой Жизни Вечной. Переводом посылаю тебе 400 рублей на голодающих.

Протоиерей Иоанн Сергиев".

С первых же шагов своей пастырской деятельности я стремился облегчить участь коренного населения Камчатки. Но дальность расстояния до европейской России, отсутствие телеграфного сообщения и регулярной прямой транспортной связи препятствовали скорому осуществлению моей мечты. Поэтому на первых порах мне приходилось довольствоваться воззваниями и письмами к родным и друзьям о сочувствии моему начинанию. Памятуя о том, что "сила Божия в немощах совершается ", я не впадал в уныние, а постепенно и обдуманно начал готовиться к далекому путешествию в Петербург. Я никогда не был там, и меня, скромного, захолустного иеромонаха, пугала чопорная, чиновная, сановная столица, которую я представлял себе недоступной для меня.

Пока же мне приходилось еще много и долго трудиться как пастырю без всякой поддержки в одинокой работе. Изза отсутствия материальной помощи или совета от своей Российской Церкви я твердо решил организовать специальное Камчатское братство с установлением хотя бы скромного денежного фонда для бесперебойной широкой работы по улучшению жизни туземцев.

Рождественская ночь

В священный час ночной.
В книге звезд страницу за страницей.
Читаю я о жизни мировой, А мысль моя стремится вольной птицей,
Но предо мною все та же темнота.
Вдруг за таинственной звездой с востока.
Так лучезарно засиял свет издалека,
То небо возвестило рожденье на земле Христа.

Неописуемая радость охватывала меня каждый раз, когда я с крестом и Евангелием входил в соприкосновение с язычником и, подобно садовнику, бросал слова Истины в живую человеческую душу, когда видел, как под благодатным теплом и светом Христовым наливаются и зреют эти семена, как появляются первые всходы на Божией ниве. Радостно бывало у меня на сердце, когда темный, полудикий язычник, трепетавший перед всем в мире, во всем видевший только мрачные силы, вдруг, просветленный, открывал свои духовные очи и, озаренный светом Божией любви, постигал, что во Вселенной царит не злой, а добрый Бог, Бог любви, любящий Своих детей Отец, Который любит и его, жалкого, забитого тунгуса, чукчу или коряка.

Однажды, накануне праздника Рождества Христова, я приехал в одну отдаленную юрту, где заночевал. После длительной дружеской беседы за чаепитием уставшие обитатели юрты, коряки, расположились на ночлег вокруг костра на полу. Костер потух. В яме стало уже совсем мрачно и холодно. Чтобы не замерзнуть, все обитатели юрты, сбросив меховую одежду, голые забрались в общий меховой мешок — кукуль и в нем спали. Мне же было отведено место для ночлега на земляном полу, в другом конце юрты. Помолившись, я лег в своей меховой одежде и хотел было забыться, заснуть, но не мог. Меня волновали глубокие переживания и исключительная обстановка той рождественской ночи. В юрте наступила тишина. Все уже спали, но через открытое отверстие дымового выхода доносились до меня своеобразные звуки этой малообитаемой местности. Слышались завывания нескольких десятков собак, лежавших возле юрты, порой раздавался гул, наподобие отдаленного орудийного выстрела. Это от сильного мороза с треском разрывалась земля.

"Какие это совсем особенные люди, — подумал я о жителях этой северной пустыни. — Какие лишения и страдания переносят они, в какой нечеловеческой обстановке они пребывают, какая тьма, какая глубокая духовная тьма в этих людях! Но ведь они родились в этих диких условиях и не знали другой, лучшей, участи, для них была мила эта жизнь, полная лишений и страданий". Мне стало жутко и до боли тоскливо оставаться в холодном, мрачном подземелье в эту святую ночь. Я один — христианин, затерявшийся здесь, в пустыне, среди диких, но добрых людей. Они еще не знают Христа, не знают Его Рождества. Их дети не знали детской рождественской и новогодней радости, этого детского веселого праздника. Чтобы не поддаться тоске и унынию, я вылез из юрты взглянуть на красоту звездного неба и всею грудью вдохнул в себя свежий, чистый воздух: "А небо-то, небо!.. Какая красота!..".

Стояла морозная, сурово-угрюмая полярная ночь. Небо сияло лучисто-мерцающими яркими звездами. Они напомнили мне трепетный свет лампад в храме... Я вспомнил далекое, красивое детство: теплые, уютные комнаты родительского дома. Нарядная, сверкающая огнями свечей и блестящих игрушек, пахнущая хвоей, лесом елка окружена детьми, среди которых и я, радостный и по-детски счастливый в день Рождения Божественного Младенца...

И теперь, в снежной камчатской пустыне, я невольно задумчивым взглядом снова по-детски искал в небе ту звезду, которая привела некогда волхвов к яслям родившегося Христа. Всем сердцем я молился, чтобы Господь Сам научил Своему святому учению тех детей природы, которые спали рядом со мной безмятежным сном.

И небо, как бы вняв моим мольбам, неожиданно дало мне ответ, и я понял — это знак. Внезапно весь небосклон с северо-восточной стороны озарился необыкновенно радужным светом. Яркие лучи северного сияния многоцветно заиграли на ночном небе. Казалось, что из этого величественного сияния вот-вот появятся хоры Ангелов и повторится вифлеемское славословие рождественской ночи. Охваченный восторгом, я быстро спустился по бревну в юрту, разбудил всех ее обитателей, и мы все, выбравшись наружу, стоя на снегу, любовались красотой озаренного сиянием неба.

Перед нашим восторженным взором словно открылась во всем величии и славе Небесная Церковь. Этот незабываемый миг настолько очаровал и воодушевил меня, что я стал рассказывать стоявшим со мной под открытым небом туземцам неведомую и дивную историю Рождества Христова. Я видел, что у них появилось радостное, бодрое настроение. Вернувшись в юрту, мы снова раздули костер и, озаренные его пламенем, за чаепитием вели беседу о Христе.

Добрые семена, брошенные на чистые простые сердца в такой исключительный момент, быстро взошли и дали хороший плод. Луч Божественной благодати, ниспосланный с неба, коснулся в подземной юрте этих чистых сердцем, несчастных в своем тогдашнем одичании людей и озарил их Светом Христовой веры. Жители стойбища, познавшие через проповедь веру Христову, все крестились.

Пасха в лепрозории

С наступлением Пасхи так ясно и радостно снова и снова вспоминается и отпечатывается в сердце трогательноумилительное пасхальное богослужение на Камчатке в 1908 году, в незабываемом дорогом моем детище — изолированной в то время от мира колонии прокаженных. При мне же, в начале нынешнего века, в эту колонию были собраны больные лепрой из различных глухих мест Камчатки, ютившиеся до этого в суровой пустыне, будучи изгнаны из родных селений и юрт как заразные.

Созданная при моем участии колония прокаженных состояла из трех уютных деревянных домов на морском берегу, среди гор. В одном доме ютились страдающие лепрой женщины и дети. В другом — такие же больные мужчины, а в, третьем доме, стоявшем за изгородью, жила медицинская сестра А.М. Урусова. Эта женщина прибыла сюда добровольно, отозвавшись на наши призывы послужить неизлечимо больным страдальцам.

Самоотверженное служение сестры, ее ласковая, сердечная забота о несчастных и уход за ними значительно успокаивали больных, не давая им впасть в уныние. Умело отвлекая их от отчаянных намерений покончить жизнь самоубийством, рассеивая их мрачные думы, она своими заботами скрашивала их безотрадную жизнь. Словно ангел-хранитель, покрывающий их страдания лаской и любовью, являлась дорогая сестрица-мать, как нежно и совершенно справедливо называли больные сестру милосердия. Она обмывала им раны и струпья.

В колонию я периодически приезжал на собаках и привозил для ее насельников продукты питания и каждому, согласно возрасту и полу, различные материалы для работы и рукоделия, а также журналы, книги, игрушки детям, различные игры, чтобы отвлечь несчастных от гнетущих мыслей.

В одной из комнат я устроил скромную церковь в честь святого праведного многострадального Иова и совершал там богослужения, уделяя время для бесед и общения с насельниками этой колонии. Между нами установились близкие, дружеские отношения и взаимопонимание. За период моего полувекового священнослужения Православной Христовой Церкви мне приходилось встречать светлый праздник Пасхи и совершать пасхальное богослужение в самых неожиданных и разнообразных условиях. Я возносил молитвы, прославляя воскресшего Христа, в суровой камчатской пустыне, занесенной снежным бураном; в туземных юртах; на корабле в открытом море; на

суровом берегу Великого океана; на передовых позициях в войну 1914-1915 годов; в лазарете; в дореволюционных тюрьмах; в монастыре; в Московском Кремле; в Константинополе; в Египте (Александрии); в Китае; в Японии. Но особенно запомнилась Пасхальная ночь в камчатской колонии прокаженных, где я оставил частицу своего сердца.

На Камчатке, на краю вселенной,
В могильной тьме земли забвенной,
Вдали от мира, в безмолвии, под ризою небесной,
Украшенною яркими звездами,
В глуши, в снегах, меж морем и горами
Жили отверженные люди.
Вот с этими духовными детьми,
Страдающими телом и костьми
От злой, мучительной проказы,
Не видевших ни радостей,
Ничьей давно уж ласки,
Господь судил мне с ними встретить Пасху.
Без храма, без колокольных звонов,
Без роскоши и без парчи нарядной,
Без громких, шумных хоров
И без толпы парадной.
В беленькой, чистенькой хатке,
Убожеством и нищетой богатой,
Там прокаженные стояли с возжженными свечами, И Божий дом молитвенный, украшенный цветами,
Сияющие взоры всех, исполненные умиленья,
- Все это возвещало о наступившем дне Христова Воскресенья.
В ризе скромной, под завесою алтарной,
С настроеньем лучезарным,
Со свечами и крестом
Я воспел песнь у престола,
Ту, что Ангелы на Небе первые воспели,
Их молитвы в сердца наши долетели.
Гимн воскресный в грудь ударил прокаженным,
И они с натугой, гласом хриплым и болезнью изнуренным, но душою умиляясь, пели песнь Воскресного канона. Позабыты миром, отлучены света, эти люди - Наши братья — Господа молили о прощении своих грехов, о мире всего мира.
В первый раз им от рожденья,
В день великий, в день спасенья
Довелось быть за обедней в Пасху, во Христово Воскресенье.
И влекомые Христовою любовью,
Исповедались и приобщились Его Тела, Его Крови.
«Христос Воскрес! Христос Воскрес!»
- От радости тогда они кричали.
«Воистину, воистину Христос Воскрес!»,
- Им эхом волны моря, горы отвечали.
Но вот прошел тот день, настал разлуки нашей час,
И жаль мне расставаться с ними стало.
Но добрые воспоминанья навек остались у нас,
Хотя в духовном единении мы пробыли так мало.
А как отрадно было им со мной — судите сами!

Когда они, колена преклонив, с поникшей головой Молили Господа о ниспослании непогоды,

Чтоб не было дороги мне; меня ж молили со слезами: «Родной ты наш отец! Еще, еще хоть день останься с нами».

Да, сердце ведь не камень!

Их слезы разогрели мне его опять,

И я остался с прокаженными друзьями,

Чтобы молитву и дружную беседу продолжать...

Буран и другие происшествия

Мчатся тучи, вьются тучи, Невидимкою луна
Освещает снег летучий: Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем Надрывая сердце мне.
А.С. Пушкин

Часто, пересекая Камчатку и направляясь на материк, я проезжал места, прилегающие к реке Анапке. Здесь постоянно бушуют бураны, невероятно опасные для путников, едущих на оленях или собаках. Причиной непрерывных метелей является своего рода ущелье — место между речками Пустой и Аналкой, по местному названное Щеки.

В 1911 году, в один из своих очередных проездов по злосчастной Анапке, я пересек это ущелье, но встретился там, как говорится, лицом к лицу со смертью. Неожиданно налетевший буран снежной пеленой разделил наших пять оленьих подвод, растянувшихся на огромное расстояние. Мы потеряли друг друга из виду. Олени выбились из сил, падали от голода и невозможности преодолеть снежную пургу. Подвода с провизией затерялась где-то в снежной пустыне, и мне с моим спутником-каюром пришлось пять суток бороться со встречным ветром, заносившим нас снегом. Таким образом, мы, забрасываемые снегом, оставались голодными, так как, кроме снега, нам нечем было питаться. К тому же морозы стояли настолько сильные, что руки и ноги, обутые в меха, коченели. Мой возница, каюр-эвен, молодой парень, предложил начать поиски затерявшихся спутников и нарты с продуктами. К поясу каюра, по его совету, я привязал нерпичий ремень длиной около 8 саженей. Другой конец ремня привязал к своей нарте. Возница с остолом (палкой) в руках принялся ходить по радиусу вокруг нарты, надеясь обнаружить отставшие подводы, в том числе и подводу с продуктами. Он долго ходил вдали от нашей нарты, и я со страхом думал о том, что бедняга уже замерз в сугробах. При одной этой мысли меня бросало в холодный пот. Я терял силы, пытался кричать, но мой голос тонул в бешеном вое снежного вихря. Тогда я принялся подтягивать к себе ремень, но сил у меня не хватало. Сознание одиночества в беспредельной снежной пустыне и предсмертный страх заставили меня читать самому себе отходные молитвы перед смертью, казавшейся неминуемой.

Первый признак смертельного окоченения проявился прежде всего в непреодолимом сне со сладостными сновидениями. По своему содержанию они были несложные: я видел себя в родном доме, в тепле, в семейном уюте, и будто мама угощает меня различной вкусной пищей. А когда чрезмерным напряжением воли я отгонял сон и просыпался, ощущая, как колючий снег и морозный ветер обжигали мое лицо, тогда снова предсмертный страх повергал меня в отчаяние и снова прошибал холодный пот.

Наконец, когда я впал в окончательное изнеможение в жутком томлении предсмертного страха, каюр подтянул себя за ремень, приблизился к нашей нарте и, обессиленный, упал в снег.

Между тем уже на шестые сутки буран начал утихать и выяснилось, что и наши олени и олени наших спутников погибли от голода. На шестые сутки отчаянных мучений в снежной пустыне буран прекратился. Пришлось на себе тащить нарты. Когда мы выбрались из снеговых ям и посмотрели друг на друга, у каждого из нас на лице запечатлелся испуг. Самих себя мы не видели, но при виде спутников сердце сжалось от боли. Вследствие голода и нечеловеческих страданий, мы были похожи на выходцев из могил. Слезы катились из моих глаз и ледяными каплями падали на меховую кухлянку. Однако хуже всего было то, что во рту у меня все воспалилось, и, невзирая на мучительный голод, я ничего не мог есть, кроме снега.

Вижу, духи собралися средь белеющих равнин Бесконечны, безобразны, В мутной месяца игре Закружились бесы разны, Будто листья в ноябре. Сколько их! Куда их гонят? Что так жалобно поют? Домового ли хоронят, Ведьму ль замуж выдают?

А. С. Пушкин

Вспоминается еще и такой случай, произошедший во время одной из моих поездок в глубь Камчатской области, едва не кончившейся трагически.

Вместе с коряками на ездовых собаках я отправился с Чукотки в селение Гижигу. Когда большая часть пути нами была пройдена и до Гижиги оставалось ехать около пяти часов, я, с согласия моих спутников-эвенов, отдал все, что было у нас съестного и для людей, и для собак, обитателям одной из последних юрт на нашем пути: ведь приближались к своему дому, где все есть. Стояла ясная, тихая погода, не предвещавшая ничего опасного для нашего последнего небольшого перехода.

Но неожиданно для нас начался снег с ветром, перешедший в неистовый буран; вскоре нас занесло так, что не стало видно ни зги. Собаки поджали хвосты и остановились, залепленные снегом, жутко завывая. Мы сперва не теряли бодрого расположения духа, так как были уверены в том, что буран к утру пройдет и мы тронемся в дальнейший путь на Гижигу. Но... пришлось просидеть на месте восемь суток!

И люди и собаки страдали от голода. Сначала коряки строгали тонкую стружку дерева "тальник" — "яый" и ели, но это нисколько не утоляло голод. Древесная стружка со снегом не могла быть нормальным питанием. Тогда эвены начали убивать наиболее истощенных из своих ездовых собак. Это была единственная возможность спасти остаток собак от голода, да и эвены жадно ели сырое мясо. Они уговаривали и меня есть собаку, но я предпочел жевать нерпичий ремень с отвратительным запахом жира, хотя это нисколько не утоляло голод. Только отчаяние вынуждало меня пытаться насытиться таким способом.

На исходе пятого дня нашего сидения под снегом неожиданно блеснул светлый луч спасения. Оставшиеся в живых собаки выбрались из-под снега и радостно, весело завыли хором. Мы объяснили это тем, что либо медведь близко, либо иной зверь, не ожидая ничего другого во время бурана.

Но вдруг к нам подъехали две собачьи нарты, и находившиеся при мне эвены закричали:

— Приехал Ванька, казак Падерин! Потеряв от голода самообладание, я выбрался из-под снега и взмолился, обращаясь к приехавшему казаку:

— Дай, Христа ради, хлеба!

Казак степенно улыбнулся и сказал:

— Погоди, батюшка, прежде благослови меня... я ведь с тобой два года не встречался. Благослови, а уж потом я тебе хлебушка дам.

Но в этот момент смертельной опасности от голода я забыл слова Христовой истины: не о едином хлебе человек жив будет, но всяким Божиим словом, исходящим из уст Его (Мф. 4, 4).

И я страдальчески продолжал просить:

— Нет, дай хлеба!..

После того, как я, опомнившись, благословил Падерина, с его помощью была укреплена нартами палатка, куда меня с опухшими ногами втащили к костру. Мы были накормлены похлебкой с юколой, хлебом и чаем. Падерин растер мои окоченевшие больные ноги, чем значительно облегчил страдания.

Наше вынужденное сидение под снегом продолжалось с 24 января по 1 февраля. А 31 января я, собравшись с силами, полулежа в брезентовом плаще, отслужил благодарственный молебен о нашем спасении, при этом казак Падерин был певчим. После богослужения и искренней молитвы мы все как-то преобразились: настроение было светлое, радостное, праздничное, бодрое. Я, благодарный Падерину за спасение, восхищался его самоотверженностью и недоумевал, как он мог в такой буран подъехать к нам.

Как выяснилось, Падерин со своими спутниками ехал из Гижигинска. Ураган застиг его недалеко от нас, а так как ветер был для них попутный, собаки, на которых они ехали, учуяли близость нашего месторасположения и, напрягая силы, притащили своих седоков к нам. Мы вместе пробыли еще трое суток, и я искренно говорил, что в этой сооруженной общими силами палатке согласен остаться на все время. Затем наступила ясная погода, и мы двинулись дальше.

Как ездовые, так и охотничьи собаки на Камчатке имеют большую цену, поскольку они кормят своих хозяев, а при езде заменяют лошадь. Всего на полуострове числилось 36000 собак. На их прокорм шло 7 миллионов штук сушеной и квашеной рыбы. Они очень смышленые, а также отличаются особым чутьем. Например, во время больших переездов по незнакомой дороге следует более полагаться на волю собак, доверие к которым никогда не подводило. Предчувствуя в дальнейшем пути какую-либо опасность, они не пойдут той дорогой, а свернут в сторону.

Так было со мной во время дальних путешествий зимой 1911 года. Желая попасть в жилые юрты до поздней ночи, я с коряками поспешил поехать с ночлега пораньше, но когда начались сумерки, проводник-каюр с трудом различал дорогу и, как ему казалось, должен был забирать вправо, а собаки тянули влево. Он бил собак палкой, кричал на них, они выли от сильных ударов, но продолжали тянуть влево. Пока не вмешался я, битва не кончилась, но все же каюр настоял на своем и погнал собак против их желания в правую сторону. Перед нами простиралась беспредельная снежная равнина. Собаки, позабыв недавнюю встряску, весело бежали по ровному, белому, пушистому снегу, как вдруг в один момент мы очутились в овраге глубиной 26 футов, за нами полетели вторая и третья подводы. Момент, когда мы летели, даже не был нами замечен, но когда мы оказались в глубочайшем рыхлом снегу, тут мы очнулись. К счастью, большой снежный сугроб спас нас от серьезной катастрофы. Наша нарта немножко поломалась, а мы отделались легкими ушибами. Сидя в позднюю ночь в этой глубокой яме, мой каюркоряк раскаивался за непослушание умным собачкам. Выбраться из этого глубокого крутого оврага было нелегко.

Сначала с большими усилиями поднялся один коряк и начал юколой манить из оврага голодных собак, держа в руках конец ремня, за который были привязаны собаки к нарте. Собаки подняли неистовый вой и, желая утолить мучительный голод, полезли по крутому подъему наверх, каюр их тянул, показывая юколу, а остальные коряки помогали собачкам поднимать по утесу нарту. Так постепенно с большими усилиями вытащили всех собак с нартами, а напоследок прицепили к ремню меня и потащили наверх, а я с полным послушанием и смирением перенес все толчки, обвалы снега и даже для ободрения похвалил коряков и поблагодарил их.

Но самое роковое происшествие случилось со мной в другой раз, когда эти же собаки подверглись смертельной опасности при моем ночном путешествии в селение Кирганик на восточном побережье Великого океана.

Было это в феврале. До нашей остановки оставалось лишь четыре версты. Мы пересекали замерзшую реку Кирганик. Наступила полная темнота. Первая подвода в

собачьей упряжи с грузом походной аптеки прошла благополучно. Во второй, гробообразной,повозке, крытой меховым пологом и меховым фартуком, ехал я и спокойно спал.

Вдруг лед, ставший уже тонким, треснул под повозкой, и я вместе с поклажей, возницей и собаками провалился в образовавшуюся полынью. От ледяных потоков, так внезапно ворвавшихся под полог, я немедленно проснулся и, захлебываясь, стал выбираться из-под мехового полога и фартука. К счастью, мы провалились на неглубоком месте. И, судорожно сорвав с помощью каюра полог, я смог встать на дно реки по пояс в ледяной воде. Она мгновенно проникла под одежду, ставшую непомерно тяжелой для моего ослабевшего тела. Стремясь выкарабкаться из воды, я выбивался из сил, захлебывался и терял сознание. Мои спутники-камчадалы с трудом спасли меня. Они вытащили меня из воды и как могли отжали воду из меховой одежды. Однако пустынная местность не давала возможности сделать привал и переодеться. В обледенелой одежде, продрогший, превратившийся в ледяную сосульку и измученный, я еще около суток добирался со своими спутниками до ближайшего селения. Когда же, наконец, меня внесли в теплое жилище, я ощутил резкое повышение температуры, а наутро заболел воспалением легких.

Но ничто не могло устрашить и остановить меня в стремлении до конца выполнить взятую на себя обязанность: нести слово евангельского учения к пребывающим в темноте и невежестве жителям Камчатки и создать для них лучшие условия жизни.

В 1909 году, во время плавания на пароходе вдоль Охотского побережья, мне пришлось пережить тяжелые часы неистового шторма, захватившего нас за Шатнарскими островами. Произошло это при следующих обстоятельствах.

В Удском уезде близ мыса Чумикан расположено селение Чумикан. Добраться до него трудно в любое время года. На обширном пространстве нет ни пастбища для скота, ни удобного места для огородов. Весна отличается сплошными густыми и холодными туманами, вследствие застоя льдин между Шатнарскими островами; в начале лета туманы чередуются с проливными дождями; осенью, до наступления холодных западных ветров, туманы не покидают злополучного уголка; наконец, с наступлением зимы приходит время пурги и метелей. Они бывают настолько сильны, что заносят избушки и прерывают всякое сообщение.

Казаки, гиляки и оседлые тунгусы составляли население поселка, в котором насчитывалось 15-20 жилых построек. Казенный полусгнивший провиантский склад и часовня с жалкой внутренней обстановкой — вот незавидная картина Чумикана. Большей частью это жалкие, грязные избушки казаков и убогие, деревянные, обложенные землей юрты пеших тунгусов. Число жителей около 100. Летом как здесь, так и по реке Тугуру появлялись оленные тунгусы для рыбного промысла. Так как овощи там не родились, единственным пропитанием служили рыба, нерпа, олень и медведь.

Чумикан хотя и принадлежал Владивостокской епархии, но его местоположение таково, что в летнее время духовные нужды его обслуживала Владивостокская епархия, а зимой — Якутская или Благовещенская. Чумикан для меня и, вероятно, для многих моих спутников остался надолго в памяти. Жители пригласили меня сойти с парохода, посетить их, вместе с ними помолиться и совершить требы. В их заброшенном селении они лишены были возможности видеть священника на протяжении нескольких лет. Погода благоприятствовала поездке, и компания из нескольких пассажиров, сколько мог вместить катер, отправилась в Чумикан. Все местное население ожидало меня на берегу. Здесь под шум морского прибоя я отслужил молебен и совершил церковные требы. Кроме того, для утоления духовного голода туземцев я провел с ними дружескую беседу, расспрашивая их о неотложных нуждах, и так как начинался морской отлив, мы должны были поспешить выйти на катере из речки. Пока мы проплывали речку, еще не было и признаков того несчастья, которое постигло нас через 10 минут.

До парохода, стоявшего в открытом море, нам оставалось ходу минут десять, как вдруг поднялся сильный ветер, туман скрыл от нас пароход, и постепенно разразился ужасный шторм. Пассажиры лежали вповалку на дне маленького катера и тяжело страдали от морской болезни, особенно мучился я, не переносивший ни малейшей качки. К тому же все продрогли, так как при отправлении в Чумикан был теплый августовский день и пассажиры оделись в легкие костюмы.

Сила шторма заставила пароход уйти в открытое море, где ему не грозила опасность от подводных камней. А наш катер, подобно щепке, бросало из стороны в сторону, волнами заливало нас и машину. Наконец после долгой борьбы со стихией команда обессилела, каменный уголь истощился, пресная вода кончилась, израсходованы последние спички, которыми мы поджигали платки и рубашки в надежде, что с парохода нас заметят и окажут помощь. Но все было напрасно.

Темная непроглядная ночь, беспрерывный холодный дождь и гигантские волны мучили нас. Даже люди маловерные и непонимающие смысла молитвы горячо молились Богу и давали всякие обеты: только бы спастись. У плывших с нами гиляков утонули дорогие охотничьи собаки, смытые с катера волной.

Измучившись так до крайности в продолжение 19 часов, мы были приняты на пароход с громкими, радостными криками: "Ура — спасены!"

Создание благотворительного братства

— Господь сказал мне: не говори "я молод"; ибо ко всем, к кому пошлю тебя, пойдешь, и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их: ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя, сказал Господь. И простер Господь руку Свою, и коснулся уст моих, и сказал мне Господь: вот. Я вложил слова Мои в уста твои.
(Иер. 1, 7-9)

Христос! Родной простор печален! Изнемогаю на кресте!
И челн Твой будет ли причален К моей распятой высоте?
А. Блок

Когда мне становилось особенно тяжело при виде людских бедствий и в тайниках моего сердца возникало сомнение в возможности преодоления безразличия и косности, я вспоминал Голгофу, Распятого за всех нас на кресте Иисуса Христа, Его светлый, многострадальный лик, и мне становилось легче. Ободренный, воспрянувший духом, окрепший телом, я твердо знал, что вслед за страданиями всегда приходит радость и торжество Воскресения!

Подводя итоги первых шагов моей пастырской деятельности, я пришел к выводу, что наступила пора приступить к мероприятиям по созданию Камчатского братства. Вкусив достаточно чужого горя и беспощадных бедствий исстрадавшегося населения Камчатки, я не только составил проект учреждения такого братства, но и наметил действенные пути его осуществления. Движимый стремлением быть полезным людям, жаждущим духовной пищи, я в 1910 году решил восстановить древний монастырь, основанный 200 лет назад монахом Игнатием (в миру казак Иван Козыревский). Обитель была создана им вблизи речушки Николки, впадающей в реку Камчатку. Когда я впервые прибыл туда, там никого не было. Осмотрев местность, где был ранее монастырь, найдя при помощи камчадалов следы бывшей обители, я решил использовать для восстановительных работ в качестве вполне пригодного материала лиственничный лес. Но для полного осуществления задуманного у меня не было денег. И в поисках выхода из создавшегося положения я стал возлагать большие надежды на задуманное мною Камчатское братство.

Мой архипастырь, владивостокский архиепископ Евсевий, внимательно и вдумчиво прочитал мой проект, написанный под впечатлением всего мною пережитого, и ответил:

— Блажен, кто верует! Вы, отец Нестор, молодой пастырь, но уже успели вкусить горя людского среди суровой жизни на Камчатке и по доброте своей сердечной ищете пути помощи посредством создания братства. Многое будет зависеть от Святейшего Синода, который имеет право утверждать подобные братства с такой широкой программой деятельности. Но если вы верите в благую возможность, я благословляю вас поехать в Петербург. Там в Синоде через митрополита Петербургского Антония (17) продвигайте ваш проект. Со своей стороны, я дам вам письмо к нему, Владыка Антоний председательствует в Синоде. Он — архипастырь гуманный и, быть может, пойдет вам навстречу. Расскажите ему подробно об ужасах, с которыми вы столкнулись в жизни насельников Камчатской области.

Обер-прокурор непримирим

И вот после долгих странствований я прибыл в Петербург — огромный, многолюдный, нарядный и шумный, город чопорных сановников, столицу Российской империи.

По прибытии я явился к первоприсутствующему [20] в Святейшем Синоде митрополиту Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому). Он принял меня ласково, внимательно выслушал и отвел мне келлию в Александро-Невской Лавре, где я мог продолжить разработку деталей, касающихся создания Камчатского благотворительного братства.

Я, молодой иеромонах, и не предполагал в своей безвестности и скромности, что мои слова — слова человека, прибывшего из далекой, в те годы неведомой широкой публике Камчатки, из дымных подземных юрт, — по приезде в столицу получат широкую огласку и известность, в том числе в докладах и в кулуарах Государственной Думы, а также в лекциях и в залах различных петербургских церковных и общественных учреждений.

В Александро-Невской Лавре, в моей скромной келлии, меня посещали некоторые члены Государственной Думы. В один из таких визитов мне сообщили, что проект задуманного мною Камчатского братства встретил одобрение и поддержку всех депутатов, независимо от политических взглядов и партийных группировок. Однако, как мне разъяснили тогда, принятие конкретных мер и оказание материальной помощи не входит в компетенцию Государственной Думы. Поэтому окончательного решения надо ожидать от Святейшего Синода. Тем не менее мне были обещаны исходатайствованные мною при докладе в Государственной Думе 25 тысяч рублей на восстановление Камчатской показательной трудовой обители, наподобие существовавших тогда Валаамского, Соловецкого и Шемановского (в Уссурийском крае) монастырей.

Между тем и митрополит Антоний благожелательно отнесся ко мне и моему проекту. Он посоветовал обратиться за содействием к обер-прокурору Святейшего Синода Лукьянову (18).

Не без робости вошел я в здание Синода и попросил дежурного чиновника доложить обо мне обер-прокурору. Когда дошла очередь, меня пригласили в кабинет. Суровый на вид, замкнутый, Лукьянов строго взглянул на меня, критически окинул холодным взглядом с головы до ног и, не дав даже отрекомендоваться, спросил отрывисто:

— Кто такой?.. Откуда? Зачем явились в Синод?! Я назвал себя и кратко объяснил причину своего дальнего путешествия. При этом я подал обер-прокурору проект устава Камчатского братства и свои доклады, касающиеся церковно-просветительской и

благотворительной деятельности на Камчатском полуострове. Однако Лукьянов не дослушал меня и заявил:

— Имейте в виду, что Святейший Синод не будет рассматривать устав Камчатского братства! Пусть этим займется ваш епархиальный архиерей.

На мою попытку внести некоторую ясность обер-прокурор с оттенком раздражения в голосе повторил:

— Я вам ясно сказал, что мы в Петербурге не будем этим заниматься, а вы можете возвращаться на Камчатку. Мне не о чем с вами разговаривать.

Кивнув головой в знак окончания аудиенции, Лукьянов сказал:

— Мне подали лошадей. Я должен ехать. Присутствовавший при этом управляющий синодальной канцелярией открыл дверь и выжидательно смотрел на меня, пока я не ушел.

Чрезмерно огорченный, оскорбленный за себя и своего архиерея, я покинул здание Синода. По дороге в Александро-Невскую Лавру я обратил внимание на ювелирный магазин в одном из домов на углу Невского проспекта и площади Николаевского вокзала. У меня моментально возникла мысль заказать здесь орденские знаки для задуманного мною Камчатского братства, что я и сделал. Эскизы, выполненные в соответствующих красках, с пояснениями, были при мне. Владелец ювелирного магазина Н.Г. Линдер внимательно выслушал меня и сказал:

— Если в дальнейшем моей фирме будет поручено изготовление орденских знаков для Камчатского братства, то я в виде подарка или, вернее, бесплатной премии сделаю все четыре модели.

Конечно, я охотно с этим согласился, хотя после холодного приема и отказа в Синоде с заказом можно было не спешить.

Спустя несколько дней, еще ничего не добившись, я отправился в ювелирный магазин. Линдер с многозначительной и довольной улыбкой раскрыл передо мною футляр с изготовленными орденскими знаками всех 4-х степеней. Они были выполнены прекрасно, с отделкой из золота, серебра и эмали. Я невольно залюбовался.

Орденский знак 1-й степени был в виде обычной звезды, с той лишь разницей, что в середине ее на фоне белой эмали была изображена голова Спасителя, так как Камчатское братство предполагалось назвать Спасским. Кружок белой эмали заканчивался крестообразно (синей и красной эмалью). Плоское кольцо являлось опорой острой звезды. Внутри, на белой эмали, написаны были золотыми буквами слова из Евангелия: "Убеди внити, да наполнится дом Мой".

Смысл этих слов, согласно евангельскому сказанию, означал следующее: когда господин пригласил к себе на пир знатных гостей, то все они отказались, ссылаясь на занятость и другие причины. Господин тогда приказал слугам своим выйти на перекрестки дорог и собирать всех бедных, убогих с приглашением "внити, да наполнят дом". Я полагал, что подобная надпись будет вполне соответствовать духу и смыслу Камчатского братства.

Между тем, пребывая в состоянии огорчения и неведения о судьбе задуманного мною проекта, я внезапно был ободрен и обрадован. Совершенно случайно и неожиданно для меня я, возвращаясь в отведенную мне келлию, встретил у входа в Лавру своего авву, епископа Андрея, постригавшего меня в монашество и благословившего на миссионерское служение на Камчатке. Он прибыл в Петербург из Казани по делам духовной православной миссии среди татар. Я рассказал ему о бездушном отношении к идее создания Камчатского братства со стороны оберпрокурора Святейшего Синода Лукьянова. При виде моего огорчения и некоторой растерянности Владыка Андрей предложил тотчас же ехать с ним к директору духовных дел инославных исповеданий Харузину (19), к которому он ехал по личному делу. По дороге епископ Андрей сообщил мне, что этот сановник — глубоко верующий христианин, истинный патриот, весьма гуманный и отзывчивый человек, в чем я сам скоро убедился.

Харузин внимательно слушал мой сжатый рассказ о далекой Камчатке и ее всеми забытых обитателях. Бегло ознакомившись с проектом устава, он подписался первым учредителем Камчатского благотворительного братства, после чего написал более ста адресов представителей столичной знати и дал от себя общее письмо для всех.

— Пойдите к каждому из них, — посоветовал он мне, — и никто не откажется стать в ряды членов учредителей Камчатского братства. Не смущайтесь, идите в их дома. Да поможет вам Бог. Такое великое и полезное дело вы, отец Нестор, начинаете, и долг для всех нас, русских людей, поддержать вас и помочь.

Снова окрыленный надеждой, радостно-возбужденный, я отправился по указанным адресам. И, действительно, нигде, ни от кого не было отказа в подписи. Ознакомившись с уставом, эти новые учредители братства давали и от себя дополнительные адреса. Таким образом мне удалось за короткое время собрать свыше двухсот подписей, в том числе от членов Государственного Совета, Государственной Думы, профессоров, директора Государственного банка, генералов и других высокопоставленных лиц.

У Государя Императора

Спустя некоторое время ко мне явился незнакомый гвардейский офицер, как я впоследствии узнал, флигельадъютант личной канцелярии Его Величества. С изысканной любезностью придворного служаки он вручил мне пакет от управляющего императорской канцелярией, генерала Мосолова (20). В пакете было извещение о том, что Государь Император приглашает меня в Царское Село для заслушивания моего сообщения о камчатской пастырской деятельности. Но предварительно для инструктирования я должен был прибыть к генералу Мосолову.

И вот я, всего лишь достигший 25-летнего возраста, в скромном монашеском одеянии, неискушенный в тонкостях придворного этикета, предстал пред статным, с бравой гвардейской выправкой и изысканными манерами царедворцем в орденах и лентах.

— Вам будет вручен пригласительный билет, — объяснил мне генерал Мосолов, — но предупреждаю вас, что в разговоре с Его Величеством надо быть простым, говорить без высокопарности и, главное, соблюдая придворный этикет, не задавать Государю Императору никаких вопросов.

Наконец — это было Великим постом — я получил пригласительный билет. В нем были указаны маршрут и время отправления поезда, которым я должен был следовать в Царское Село. Кроме того, было указано, что у Царскосельского вокзала меня будет ожидать придворный экипаж.

С вполне понятным волнением я готовился к аудиенции у монарха величайшей в мире Империи. Не зная еще какой оборот примет предстоящая беседа, я решил во что бы то ни стало просить царя оказать высокое покровительство в скорейшем утверждении Святейшим Синодом устава Камчатского благотворительного братства. Я думал, как мне лучше, без нарушения придворного этикета, убедительно, ярко обрисовать жалкое прозябание и постепенное вымирание камчатского населения. Предстояло дать понять царю, что мне одному, скромному священнослужителю, не по силам облегчить участь камчатского населения, поэтому, по благословению архиепископа Евсевия, следовало бы организовать Камчатское благотворительное братство.

По прибытии на Царскосельский вокзал ко мне подошли два дворцовых человека в красном придворном одеянии, специально посланные, чтобы встретить меня. Они спросили:

— Вы будете камчатский иеромонах Нестор?

Получив утвердительный ответ, они взяли меня под руки и повели к карете. Это несколько смутило меня, довольно молодого, и я возразил:

— Благодарю вас... Я сам... Ведь я не старик... не поддерживайте меня под руки.

Оба они молча улыбнулись. Один из них нес мой портфель с проектом устава Камчатского братства и модели орденских знаков.

Когда меня бережно усадили в карету с накладными сверкающими позолотой гербами, пара великолепных лошадей в роскошной упряжи помчалась по благоустроенной дороге, ведущей к царскому дворцу. Карета подкатила к крыльцу, с него сошел в парадной форме дежурный генерал. Он проводил меня в апартаменты, сообщив:

— Сейчас вас примут Их Величества.

Действительно, не прошло и пяти минут, как дежурный генерал в сопровождении придворных скороходов, одетых также весьма пышно, провел меня в царский кабинет. Я увидел возле большого письменного стола Императора в скромной полковничьей форме. Рядом с ним также в довольно скромном одеянии стояла Императрица Александра Феодоровна.

Помолившись на образ Спасителя, стоявший в углу кабинета, я затем глубоким поклоном приветствовал венценосных супругов. Государь улыбнулся и ласково произнес:

— Здравствуйте, отец Нестор! О вас и о вашем прибытии с Камчатки в Петербург я имел сведения из

Государственной думы. Я хотел бы опять видеть вас работающим на благо камчатского населения... Чем бы я мог быть вам полезен?

С этими словами Государь сложил ладони рук и попросил меня:

— Благословите, отец Нестор!

Получив благословение, он поцеловал мою, а я его руку. Таким же образом произошло мое знакомство с царицей.

— Расскажите, отец Нестор, о Камчатке, о нуждах ее населения, — негромко предложил мне Николай II, и в его голосе я почувствовал любознательность человека, заинтересовавшегося вдруг местами и людьми, доселе ему незнакомыми и неведомыми.

— Впрочем, — продолжил он, — когда я еще был наследником престола и совершал поездку по Дальнему Востоку, мне в числе многочисленных делегаций были представлены во Владивостоке камчадалы и коряки.

Дав этими словами направление нашему разговору, Император с Императрицей внимательно слушали мой рассказ о трудностях, встречавшихся в моей пастырско-миссионерской деятельности на далекой Камчатке. Попутно я рассказал им о несметных природных богатствах Камчатского края, о жалком, полном материальных и духовных лишений прозябании ее обитателей. Затем я перешел к вопросу о задуманном мною Камчатском благотворительном братстве во имя Всемилостивейшего Спаса, кратко изложив содержание устава, вручив Государю его проект, и наконец раскрыл футляр с великолепно исполненными образцами орденских знаков, а также развернул цветной рисунок с их эскизами.

Государь взял орденский знак 2-й степени, приложил к груди и вслух высказал восхищение, а об уставе сказал:

— Основательный устав и весьма ценный для оказания широкой помощи населению края.

При виде некоторого замешательства с моей стороны царь обратился ко мне с вопросом:

— А кто должен утверждать устав? Вероятно, Святейший Синод?

— Да, Ваше Величество, — ответил я, — Святейший Синод должен был бы утверждать, но неприветливый прием, оказанный мне обер-прокурором Лукьяновым и его предвзятость привели к тому, что устав даже не рассматривался на заседании Синода. Мне же было приказано возвращаться на Камчатку по той причине, что вопрос о создании братства касается Приморской епархии, хотя в проекте устава предусмотрено создание филиалов этого благотворительного братства в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других городах Российской империи. И это, следовательно, не епархиальное, а всероссийского масштаба общество, устав которого утверждается Синодом.

Государь между тем, рассматривая орденские знаки и приложенные к ним художественно исполненные эскизы, сказал:

— Очень красивые, но ведь это обычная орденская звезда, принятая у нас. Лучше несколько видоизменим ее.

При этих словах Николай II взял со стола сине-красный карандаш, зачеркнул им на эскизе некоторые звезды и провел замкнутую линию. Получился гофрированный крест с вогнутыми краями.

— Нравится вам, отец Нестор, такой орден? — спросил Император, не выпуская карандаш из рук.

— Даже очень нравится! — воскликнул я и неожиданно для себя, вопреки придворному этикету, спросил:

— Ваше Величество, не разрешите ли вы будущему Камчатскому благотворительному братству дать покровителя в лице наследника, цесаревича Алексия Николаевича? Ведь на отдаленной Камчатке живут чистые сердцем дети природы, и покровительство вашего августейшего сына облегчит их участь.

Государь обернулся к царице и, указывая на нее обеими руками, сказал, улыбаясь:

— Как мать!

Поклонившись Императрице, я повторил свою просьбу.

И царица со сдержанной улыбкой ответила:

— О да, я согласна, очень рада, что мой сын... любимый сын будет покровителем Камчатского братства... Это очень хорошо!

При виде моей неописуемой радости Государь сказал:

— Но, отец Нестор, имейте в виду, что наследник цесаревич сможет стать покровителем Камчатского братства только в будущем году, когда ему исполнится 7 лет и наступит его духовное совершеннолетие. И вы, отец Нестор, обязательно приезжайте на будущий год к нам с Камчатки к цесаревичу как к покровителю создаваемого вами братства.

С этими словами Николай II опять взял цветной карандаш и снова занялся видоизменением эскиза орденского знака 1-й степени. После мгновенного раздумья он изобразил на верхней части эскизного креста синим карандашом кружок с буквой "А" и вопросительно взглянул на меня. Я понял, что буква "А" означает имя наследника — Алексий.

Тем не менее на царский вопрос я ответил не сразу. Задумался. Ведь, признаться, мне не вполне понравилась поправка. Тем временем царь дал мне карандаш, и я на остальных трех эскизах изобразил эмблемы: "Н", "А", "М" (что должно было обозначать имена остальных членов царской фамилии: Николай — Император, Александра — Императрица и Мария — вдовствующая Императрица).

— Видите, — продолжал Государь, — получилось красиво, симметрично... Так ведь будет хорошо? Я эти ордена утверждаю.

Мне осталось только благодарить.

После небольшой паузы Государь, как бы что-то вспомнив, спросил меня:

— Отец Нестор, вероятно, у вас большие разъезды и большие расходы?

Я ответил, что получаю всего лишь 40 рублей в месяц, а за каждую подводу при каждой поездке необходимо платить по 6 копеек с версты. А мне приходится брать пять собачьих подвод. Поэтому вся надежда на будущее Камчатское братство.

— Вы ведь знаете, отец Нестор, — с горькой усмешкой сказал царь, — как поступают люди? С глаз долой и из сердца вон. Сначала вас, возможно, выслушают, много наобещают, а потом забудут. Поэтому приезжайте периодически к нам в Петербург. Обязательно приезжайте и здесь с нами решайте все наболевшие вопросы.

Я высказал сожаление по поводу того, что дальнейшие поездки для меня будут весьма обременительны.

— Не беспокойтесь, — успокоил меня Государь, — я распоряжусь о том, чтобы министр путей сообщения Рухлов (21) обеспечил вас постоянным бесплатным билетом по всем дорогам Российской Империи.

Отказ Синода

После приема в Царскосельском дворце я возвращался в Александро-Невскую Лавру будто в радостном сне. Кругом меня шумела нарядная столица, сверкали лакированные экипажи, звонко дребезжали трамваи, раздавался цокот копыт рысаков, проносивших в пролетках нарядных петербуржцев. В сизом сумраке угасающего дня расплывчато вырисовывались громады красивых и богатых домов, колонны и башни дворцов, купола храмов. А перед моим мысленным взором неотступно стояла угрюмо-пустынная Камчатка с ее убогим бытом и полудикими туземцами.

В этот же день я счел необходимым сообщить обо всем произошедшем при моем посещении царского дворца митрополиту Антонию. Владыка внимательно выслушал меня и со вздохом облегчения произнес:

— Ну вот и слава Богу! Видите, отец Нестор, какой вы счастливый, как все хорошо получилось. Вас, скромного иеромонаха, принял в своих царских чертогах хозяин Земли Русской и обещал удовлетворить все ваши камчатские нужды. Но, отец Нестор, не забывайте о том, что задуманного вами братства еще нет. Поэтому вам надо пойти к обер-прокурору Лукьянову и добиться обсуждения, а главное, утверждения устава Камчатского братства на ближайшем заседании Святейшего Синода. Тем более что орденские знаки уже одобрены Государем.

Вскоре после этого разговора в одной из влиятельнейших столичных газет "Новое время" была помещена информация от канцелярии двора Его Величества о том, что в Царскосельском дворце был принят Государем Императором иеромонах Нестор, прибывший с Камчатки. Это сообщение меня обнадежило, и я больше не сомневался в успехе своего начинания. А первоприсутствующий митрополит Антоний пообещал на очередном заседании Святейшего Синода поставить на повестку дня обсуждение проекта устава Камчатского благотворительного братства.

В назначенный для этого день я уже с утра находился в синодальном здании. Обер-прокурор Лукьянов, в силу непонятных мне причин, с видом оскорбленного вельможи при виде меня надменно закричал:

— Запомните, что никакого Камчатского братства не будет! Можете сейчас же уезжать на Камчатку!

Тем не менее, когда началось заседание Святейшего Синода, я, взволнованный, ходил взад и вперед в вестибюле на верхнем этаже синодального здания.

Когда заседание закончилось, навстречу мне вышел митрополит Антоний вместе с благожелательно отнесшимся ко мне членом Святейшего Синода, виленским архиепископом Никандром (22). Оба они предварительно знакомились с проектом устава братства и с одобрением отозвались о нем, утверждая, что подобный по широте и размаху устав благотворительной организации они встретили впервые. Подойдя к ним, здесь же в вестибюле, под благословение, я вопросительно взглянул на митрополита Антония, ожидая услышать от него долгожданную радостную весть об утверждении устава, но Владыка с оттенком раздражения в голосе сказал негромко:

— Ничего не вышло... Поезжайте обратно на Камчатку!.. Послужите-ка там еще лет... сорок!..

Он не закончил своей горько-иронической мысли, и ее как бы закончил с откровенной беспощадностью Владыка Никандр:

— Ну и посмеялись, отец Нестор, на заседании Синода над вашим Камчатским братством!..

Не щадящее моего самолюбия высказывание глубоко потрясло меня. Я пошатнулся и упал на каменный пол вестибюля, потеряв сознание. Я сильно ушиб голову. Когда меня привели в сознание, я лежал на. диване в какой-то незнакомой комнатке синодального

здания, огороженной ширмой. В ногах у меня сидел обер-прокурор Лукьянов. Вблизи него за столиком я заметил доктора в белом халате, наливающего из склянки в стаканчик лекарство. Голова моя была забинтована. На столике среди лекарств стояла большая тарелка с супом. Едва я осмотрелся, силясь осознать, что здесь происходит, как раздался безразличный, с некоторым оттенком раздражения голос обратившегося ко мне Лукьянова:

— Вот видите, отец Нестор, до чего вы голоден, слаб и падаете в обморок от истощения. Ешьте сейчас же этот суп! Подкрепляйтесь!

Нервы мои, вследствие тяжелых переживаний последних дней. были взвинчены до того, что я совершенно неожиданно для себя громко закричал:

— Я приехал в Петербург, в Священный Синод с далекой Камчатки не суп есть, а хлопотать об утверждении устава братства!

Лукьянов сердито скользнул по мне взглядом и с подчеркнутой суровостью ответил:

— Это дерзость!

И с этими словами встал, вызвал синодального дежурного чиновника, приказав ему:

— Отец Нестор должен здесь ночевать. Никуда его не пускайте. Он истощен, кормите его супом.

На мои попытки возражать, а также уйти в Лавру Лукьянов не обратил внимания. Взглянув строго на доктора, он сказал:

— А вы оказывайте ему медицинскую помощь. Укрепляйте его организм.

В это время за ширмой раздался незнакомый мне голос:

— Где здесь отец Нестор, монах с Камчатки?

Лукьянов насторожился, взял из рук вошедшего незапечатанный конверт, извлек из него карточку, прочел и сказал:

— Вот видите, вы больной, слабый, а вас на пятницу приглашают в Аничков дворец на прием к вдовствующей Государыне Императрице Марии Феодоровне. Но, повторяю, вам надо оставаться в постели! Вам нельзя ехать! Здесь указан номер телефона и надо уведомить, что вы по болезни не будете.

Я возразил и взял из рук Лукьянова пакет.

В Аничковом дворце

В пятницу на шестой неделе Великого поста, еще не оправившись полностью от ушиба, я, по приглашению вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, направился на прием в ее резиденцию — Аничков дворец в Петербурге. Там меня встретил приветливый и обходительный старик-генерал, еще довольно бравый и элегантный князь Шервашидзе (23). Вместе с ним я поднялся на второй этаж, и в огромном роскошном зале мы сели в ожидании приема.

Мимо меня прошли во внутренние апартаменты двенадцать фрейлин с шифрами [21], недавно окончившие Петербургский институт. Они шли на прием. Это продолжалось недолго, и вскоре генерал Шервашидзе объявил о том. что мне можно зайти в кабинет Государыни.

Скороход открыл дверь, и я увидел стоящую посреди кабинета немолодую женщину невысокого роста, в черном бархатном платье, с прической барашком. На мое приветствие Мария Феодоровна ответила грубоватым контральто:

— Здравствуйте, отец Нестор! Мой сын очарован вами. Он в восторге от вашей пастырско-миссионерской деятельности.

Я растерялся, напрягал усилия, собираясь с мыслями, не понимая, о каком именно сыне идет речь. Она поняла мое замешательство и пояснила:

— Мой сын — Николай II.

Усадив меня в кресло, Мария Феодоровна начала расспрашивать меня о жизни и деятельности на Камчатке, попутно интересуясь встречающимися нуждами и трудностями. Она признала важность и необходимость создания Камчатского братства. Ей понравилось, что покровителем его будет ее внук — престолонаследник Алексий.

— Вот почему мне так хотелось увидеть вас, отец Нестор, и поговорить с вами. Может быть, я смогу быть вам чемнибудь полезной, — полувопросом закончила она.

Я медлил с ответом, думая про себя о том, что "жалует царь, да не милует псарь", но, не решаясь высказать вслух столь резкую мысль, ответил:

— Очень жаль, что обер-прокурор Лукьянов упорно не желает даже ознакомиться с проектом устава и не хочет ставить его на утверждение Синодом.

— Ай-ай-ай, — воскликнула с сожалением Мария Феодоровна и, участливо рассматривая меня, спросила:

— Почему у вас, отец Нестор, такой бледный вид? В некотором замешательстве я объяснил ей:

— У меня на голове опухоль. Дело в том, что я упал на каменный пол в Синоде при известии об отклонении проекта устава Камчатского братства, потеряв сознание.

— Как это ужасно! — испуганно округлила глаза Мария Феодоровна. — Как же так! Мне Император рассказал, что у вас будет покровителем мой внук и что Государь утвердил ордена братства.

А когда я рассказал ей эпизод с тарелкой супа, предложенной мне обер-прокурором Святейшего Синода Лукьяновым, она произнесла, сочувственно улыбаясь:

— Это было бы смешно, если бы не было так грустно! Мария Феодоровна задумалась и сказала:

— Вот что, отец Нестор, я вас оставлю на некоторое время. Побудьте одни.

С этими словами она ушла во внутренние покои дворца. Прошло не менее получаса, пока открылась дверь и вернувшаяся Мария Феодоровна сказала на ходу:

— Отец Нестор, поздравляю вас! Теперь у вас есть Камчатское братство, у вас есть покровитель — цесаревич Алексий. В этот момент у Императора с докладом находится обер-прокурор Лукьянов. Я говорила со своим сыном по телефону и узнала, что на заданный Государем вопрос о Камчатке, о количестве находящихся там церквей, их состоянии, а также о нуждах православных христиан, о вашей миссионерской работе Лукьянов не мог дать обстоятельных, исчерпывающих ответов. Поэтому Государь Император велел вам, отец Нестор, совместно с оберпрокурором Синода рассмотреть устав Камчатского благотворительного братства и утвердить его архиерейскими подписями, когда возобновится сессия.

Аудиенция закончилась принесением Императрице благодарности с моей стороны.

Камчатский негр

Я возвращался в отведенную мне келию Александро-Невской Лавры, охваченный противоречивыми мыслями. С одной стороны, меня радовал благоприятный исход начатого мною дела, но в то же время как патриота, горячо любящего свою Родину, меня повергало в уныние то безразличие, бездушие, которое я почувствовал при встрече с Лукьяновым, ограниченным бюрократом, не живущим интересами России. Невежественная неосведомленность его и подобных ему сановников, да и другой столичной публики о состоянии богатейшего и к тому же пограничного края, каким являлась Камчатка, ужасали меня... Иногда дело доходило до анекдотической ситуации.

Однажды, когда я пребывал в состоянии душевной удовлетворенности в связи с утверждением Камчатского благотворительного братства, ко мне в келию в Александро-Невской Лавре пришел Ямбургский викарный епископ Никандр.

По поручению митрополита Антония он передал мне его распоряжение и благословение в ближайшее воскресенье выступить в зале столичного епархиального

дома с докладом о Камчатке и о моей пастырской деятельности. Я знал, что в Петербурге, на Стремянной улице, в епархиальном здании есть огромный лекционный зал, в котором обычно собирается много народу. Меня это несколько озадачило. Я растерялся и пытался отказаться от этого предложения, но епископ Никандр был неумолим. Он только пояснил мне, что послушать сообщение о Камчатке явятся все члены Святейшего Синода, в том числе три митрополита и архиереи.

Спустя некоторое время, по распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода, были разосланы пригласительные билеты. С волнением я начал готовиться к лекции. При мне было до двухсот негативов фотоснимков из жизни насельников Камчатской области. Пришлось срочно заказать цветные диапозитивы.

4 декабря, в день, назначенный для моего первого публичного выступления, я, естественно, нервничал. А тут, в довершение всех волнений, меня обескуражила и возмутила легкомысленная выходка одной из столичных газет.

Дело в том, что все столичные газеты поместили сообщение о моей предстоящей лекции. Но когда я однажды утром взял в руки "Петербургскую газету", то не поверил своим глазам. Прежде всего меня возмутила и удивила нелепейшая иллюстрация на страницах этого печатного органа. На ней был изображен монах-негр в черной рясе греческого покроя и в греческой камилавке. Монах этот был совершенно черный; оттопырив пухлые губы, он улыбался со страницы "Петербургской газеты", сообщавшей крупным шрифтом: "Камчатский монах Нестор-негр". Внизу под этим сообщением было напечатано:

"Иеромонах Нестор-негр прибыл с Камчатки и сегодня в епархиальном доме на Стремянной улице сделает доклад о Камчатке, где он служил, разъезжая по делам священнослужения на лодке с Камчатки на Ямайку. Он плохо говорит по-русски, но хорошо владеет английским языком. Вход на его лекцию для всех бесплатный".

Прочитав эти строки, я вознегодовал и в то же время готов был рассмеяться. Ведь я до сих пор не знаю английского языка, ни разу не был на Ямайке. Теряясь в оценке, чего больше в этом нелепом сообщении — глупости или издевательской наглости, — я не знал, что предпринять, и готов был отменить лекцию.

Взволнованный, я позвонил по телефону редактору. Когда раздался его деловито-вопрошающий голос, я ответил:

— Как вы слышите, господин редактор, с вами говорит на чистейшем русском языке иеромонах Нестор, такой же "негр", как вы... эфиоп!

— Что за дерзость? — пытался возмущаться редактор.

— А вот возьмите в руки сегодняшний номер редактируемой вами газеты и полюбуйтесь, как вы там расписали меня, — уже успокоившись, но с трудом сдерживая смех, ответил я, закончив свой протест требованием объяснить причину мистификации.

Спустя некоторое время раздался телефонный звонок, и редактор извиняющимся тоном сказал:

— Простите, отец Нестор, но, как я выяснил, произошло чрезвычайно досадное недоразумение, я бы сказал, проявление грубого невежества со стороны одного из наших репортеров. Видите ли, мы послали его в Лавру, где, как нам стало известно, остановился проездом иеромонах Нестор, известный своей миссионерской деятельностью на далекой Камчатке. Репортеру ведено было проинтервьюировать вас... Но этот, я бы сказал "строчкогон" и невежда, встретив в лаврских воротах выходившего монаха-негра, вообразил, что это вы. Он остановил его и, тыча пальцем в грудь, спросил:

— Камчатка?

Негр с недоумением ответил:

— Ямайка!

В дальнейшем разговоре ни репортер, ни негр-монах не поняли друг друга, так как беседа их происходила на разных языках. Остальное при написании заметки репортеру

подсказала его необузданная фантазия, подгоняемая его абсолютной неосведомленностью о Камчатке.

Позже стало известно, что в дни, когда я в Александро-Невской Лавре готовился к докладу, там же жил некий негрмонах с острова Ямайка, по имени Рафаил. Его-то и принял ретивый репортер за иеромонаха Нестора с Камчатки.

На этом история с негром не закончилась. В назначенное для лекции время я отправился на извозчичьих дрожках к Стремянской улице на угол Невского проспекта, но из-за толпы, собравшейся у входа в епархиальный дом, подъехать было невозможно. Я сошел с дрожек, но и пешком пробраться сквозь толпу было трудно. Улица была запружена народом. Люди различного возраста и общественного положения стремились к входу в здание, где должна была состояться лекция "негра с Камчатки". Меня толкали, не пускали вперед и не хотели выслушивать мои просьбы и объяснения.

— Вы же видите, батюшка, — волнуясь и даже не глядя на меня, объяснял какой-то мужчина из толпы, — мы сами никак не можем пробраться в зал послушать негра-монаха с Камчатки.

Я несколько раз пытался рассеять их ошибочные предположения, рассказать вкратце историю появления нелепейшей газетной информации о "негре с Камчатки", но меня никто не слушал. Наконец вместе с толпой счастливцев мне удалось протиснуться в прихожую епархиального дома. Но и здесь создалась пробка. Пробиться к лестнице мне долго не удавалось. Кругом меня стоял невообразимый шум. Все кричали, спорили и не слушали Друг друга. Я застрял в дверях с грустной мыслью о том, что дальше в зал мне вряд ли удастся пройти.

В это время меня сквозь пар, клубившийся в зале над головами сидевших там "счастливчиков", увидел отец протоиерей Дернов, недавно избранный председателем Петербургского отделения благотворительного братства. Он велел собравшимся в зале пропустить меня и сжато объяснил при этом сущность произошедшей ошибки о "негре-монахе".

Когда шум и говор утихли, в зал начали входить митрополиты, архиепископы и епископы. Они усаживались за большим столом. В центре их — Владыка Антоний. Он вынул из портфеля "Петербургскую газету" и, указывая на нелепую заметку о "негре" с Камчатки, спросил меня:

— Что это такое?

Я коротко объяснил. Все сидевшие за столом рассмеялись, называя меня в шутку негром.

Когда все встали и хором пропели молитву, мне предоставили слово для доклада. Замечу, кстати, что описанное мною невежество в вопросах, касающихся отдаленной от столицы Камчатки, было не единичным явлением, а свойственно многим представителям старой России. Поэтому в своей лекции я подробно рассказал о городе Петропавловске, о Камчатской области, об иерархах и святынях этого края. Упомянул о типах камчатских жителей, об их нравах и обычаях.

После моего доклада митрополит Антоний объявил о том, что сейчас по рядам пройдут сборщики пожертвований на Камчатское благотворительное братство. Была собрана огромная сумма. Среди золотых, серебряных монет и кредитных билетов были кольца, браслеты, серьги с бриллиантами, крестики и многие другие ценности. Немедленно по окончании сбора был составлен акт, и все собранное вручили мне в дар Камчатскому благотворительному братству.

В заключение состоялся духовный концерт любителей церковного пения, в основном учителей церковноприходских школ. Сумму, вырученную за свое выступление, они отчислили также в пользу Камчатского братства.

Продолжая еще некоторое время оставаться в Петербурге по делам, я был приглашен к старушке-вдове генеральше Александре Алексеевне Куракиной. Это была добрейшая и наивнейшая в своей оригинальной простоте знатная русская женщина. Она

по рекомендации вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны (как бывшая ее статс-дама) была приглашена в число членов-учредителей Петербургского отделения Камчатского благотворительного братства. Куракина сказала мне, что желает помочь и делом, и деньгами, тем более что ее удостоили избранием в вице-президенты столичного отделения братства. Особенно ей хотелось быть полезной в создании задуманного мною монастыря на Камчатке.

И вот, не долго думая, Куракина сняла с себя золотую цепь, украшенную бриллиантами и сапфирами, которую ей в молодости подарила при поездке в Данию Императрица Мария Феодоровна. А так как на цепи был еще лорнет, она сняла его и сказала:

— Мне кажется, что лорнет на Камчатке не нужен... А вот эту цепь разрешите, отец Нестор, преподнести в дар вашему благотворительному братству.

В дальнейшем при каждом посещении Петербурга я обязательно навещал Александру Алексеевну Куракину. И всякий раз она задавала мне вопрос:

— Нашли ли вы, отец Нестор, достойную, энергичную монашествующую братию для Камчатского монастыря?

Я отвечал ей, что это не так-то просто и я предполагаю посетить монастыри со строгим уставом для подбора деятельных, трудолюбивых монахов. Но старушка-генеральша не соглашалась со мной.

— Вы не понимаете меня, — твердила Куракина, — вы не понимаете, отец Нестор, как вы этим тормозите свое доброе дело. Вот вы остановились в Александро-Невской Лавре. Там очень много монахов, и не все они там нужны. Я рекомендую вам подходить к каждому встретившемуся в Лавре монаху со словами: "Стой, монах! Ты нужен на Камчатке в монастыре. Поезжай со мной!"

Как я ни старался убедить Куракину в том, что "отобранные" таким путем монахи не подойдут для сурового труда на Камчатке и вряд ли согласятся расстаться с сытой жизнью в столичной Лавре, старушка-генеральша продолжала настаивать на своем, и мы оставались взаимно огорченные.

Когда же я спустя день-два опять приходил к ней, она принимала меня с распростертыми объятиями и повторяла, сокрушенно покачивая головой:

— Ах, какая я дура! Как только, отец Нестор, вы ушли от меня, я задумалась над вашими словами и пришла к мысли, что вы правы. Не берите к себе на Камчатку столичных монахов!

Как-то во время такой беседы лакей доложил, что к Александре Алексеевне пожаловала графиня Мусина-Пушкина. Куракина, не задумываясь, ответила лакею:

— Скажи графине, что я сейчас очень занята. У меня отец Нестор с Камчатки. Я никого не принимаю. Пусть пожалует в другой раз.

Но в это время настежь распахнулась дверь и вместе с перепуганной горничной стремительно вошла старухаграфиня Мусина-Пушкина.

— Я к вам на минутку! — прохрипела она.

— Я не могу вас принять. Уйдите! — завопила Куракина. — Вы видите, у меня отец Нестор...

И как графиня ни пыталась броситься с широко распростертыми объятиями к Куракиной, та отстранялась и просила настойчиво:

— Оставьте меня! Приходите в другой раз! Ведь у меня отец Нестор.

Устав утверждается

Как-то я отправился с докладом к митрополиту Антонию. Владыка встретил меня радушно:

— Поздравляю вас с полным успехом! Сейчас по телефону звонил обер-прокурор Святейшего Синода. Он велел передать, что ждет вас завтра к 10 часам утра у себя на квартире, в доме на углу Литейной и Невского. Ну, теперь вам, должно быть, влетит по первое число.

Я ответил:

— Ну что ж, я к этому уже готов и другого ничего не жду. В назначенное время я вошел в домашний кабинет оберпрокурора Лукьянова. На этот раз, вопреки обыкновению, он впервые протянул мне руку. Видно, на него отрезвляюще подействовала беседа с Государем. Тем не менее довольно иронически Луьянов спросил:

— Ну что? Добились своего?

Не скрывая горечи и обиды, я ответил:

— Мне лично ничего не надо. Я забочусь о Камчатке и ее населении. Кроме того, если бы я не был уверен в успехе задуманного мною начинания, то не рискнул бы совершить тяжелую длительную поездку из ПетропавловскаКамчатского в Петербург. Без устава Камчатского братства мне нельзя возвращаться к обездоленным камчадалам.

— Все это так, — перебил меня Лукьянов, — но я интересуюсь сейчас другим: почему вы мне раньше не сообщили подробности о камчатской миссии, о количестве церквей, школ, о просветительской деятельности среди туземцев?

— Ваше Высокопревосходительство, с моей стороны было несколько попыток сделать это, но вы заявили, что вам некогда выслушивать меня. При первом моем посещении Святейшего Синода вы. Ваше Высокопревосходительство, приказали мне возвращаться на Камчатку. Что же касается письменного доклада, то я вам вручил не один, а пять докладов о Камчатке.

— Когда? — изумился Лукьянов.

— Во время первого визита, в присутствии управляющего синодальной канцелярией.

При этих словах синодальный управляющий делами, находившийся здесь же, растерянно замялся, но все же вынужден был пробормотать:

— Да... нет... впрочем, действительно, точно так было... Отец Нестор что-то такое вам передал.

Обескураженный Лукьянов принялся нервно рыться в своих бумагах, затем начал выдвигать ящики письменного стола. И только после того, как я заметил поданные мною доклады, он извлек их из-под вороха старых бумаг.

— Вот что, отец Нестор, — не спеша начал Лукьянов, как бы придумывая выход из создавшегося неприятного для него положения, — в таком случае приходите в Великий Понедельник в Синод к 12 часам дня. Совместно с вами мы рассмотрим проект устава Камчатского благотворительного братства в присутствии управляющего синодальной канцелярией. Утвердим ваш проект, и после праздника Пасхи, на летней сессии Святейшего Синода, архиереи подпишут его.

В понедельник на Страстной неделе в назначенное время я был в кабинете обер-прокурора Лукьянова. В присутствии синодального управляющего делами и еще одного чиновника начался совместный беглый просмотр устава. При этом Лукьянов, как бы в отместку за проявленную мной настойчивость, принялся безжалостно вычеркивать целые параграфы.

Я старался сдерживать свое возмущение, но управляющий канцелярией начал возражать и высказывался в защиту устава братства. В ответ Лукьянов сказал какую-то дерзость, и обиженный чиновник покинул кабинет оберпрокурора. Закончив просмотр устава, Лукьянов произнес:

— Ну вот, отец Нестор, теперь устав считается утвержденным. Вы спокойно можете возвращаться к себе на Камчатку.

Подавая на прощание руку, он сказал:

— Не поминайте меня лихом.

Я поблагодарил его за снисходительное отношение к созданию Камчатского благотворительного братства и пообещал приехать в будущем году по приглашению Императора.

Спустя год

Прошел еще год в трудах на ниве Христовой. И вот пришло время ехать в Петербург за получением

покровительства братства, о чем мне напомнил Владыка Евсевий, давший свое архипастырское благословение на далекий путь. Теперь у меня был выданный министром путей сообщений Рухловым документ на бесплатный проезд в 1-м классе по всем железным дорогам Российской Империи.

По прибытии в столицу я опять остановился в Александро-Невской Лавре, после чего явился к митрополиту Антонию и от него узнал, что обер-прокурор Святейшего Синода Лукьянов в отставке. Вместо него на этот пост назначен В.К. Саблер (24). Владыка Антоний посоветовал мне побывать у него в Святейшем Синоде или на квартире. Жил Саблер на Екатерингофском проспекте, на втором этаже огромного дома.

Рано утром я подымался наверх по устланной коврами лестнице. Навстречу мне спускался какой-то пожилой господин с приятным лицом и седой бородой. Он был в расшитом золотом мундире, с лентой через плечо, звездами, орденами и в парадной треуголке.

— Вы к кому? — обратился он ко мне вежливо.

— К обер-прокурору Святейшего Синода Саблеру, — ответил я.

— А кто вы такой? — заинтересовался незнакомец. Я назвал себя и объяснил, что прибыл в Петербург по приглашению Государя Императора.

— Вы очень удачно приехали! — улыбнулся мой случайный собеседник и, трижды поцеловав меня, назвался:

— Я обер-прокурор Саблер!.. Но, простите, сейчас иду к Государю с докладом... Кстати, сообщу о вашем приезде. Но вас прошу прийти ко мне сегодня же, если не затруднит, к 12 часам ночи.

В назначенное время я был в гостиной квартиры обер-прокурора. Здесь находились незнакомые мне архиерей, игумения и протоиерей. В первом часу ночи вошел Саблер. Вскоре он принял меня, был любезен и предупредителен.

— Садитесь, — сказал он, — я вам весьма рад. На днях вас примет Император и вручит вам покровителя Камчатского благотворительного братства.

Действительно, через 2 дня, 20 августа 1911 года, мною было получено приглашение в Петергофский дворец. Я захватил с собой орденские знаки 1-й степени для членов царской семьи, а также альбом с фотографиями Камчатки в подарок покровителю братства цесаревичу Алексию.

Во дворце меня встретил дежурный генерал и ввел в большой зал, в котором никого не было.

— Эти апартаменты в вашем распоряжении, — объявил он, — ждите здесь и будьте готовы к вызову. Их Величество будут принимать вас в Малом Александрийском дворце. Если что-нибудь вам потребуется, быть может завтрак или чай, позвоните.

Мне захотелось отведать царского чая. Просьба моя была немедленно выполнена. Затем меня повезли в

Александрийский дворец. По дороге, в парке, я встретил ландо, в котором ехали в светло-голубых платьях четыре княжны с фрейлиной.

Когда я вошел во дворец, открылась дверь и меня встретил статный офицер в гвардейской парадной форме — князь Иоанн Константинович (25) (сын известного тогда поэта, Великого Князя Константина Константиновича Романова (26), подписывавшего свои стихотворные произведения инициалами К.Р.). Он принял у меня благословение, после чего повел в вестибюль, расположенный внизу. Здесь на старинных стульях и креслах вдоль мраморных стен сидели военные и гражданские сановники.

Некоторым из них я был представлен, например королю Сербии Петру I Карагеоргиевичу (27), королю Николаю Черногорскому (28), известным тогда каждому по фотографиям в газетах и журналах в связи с происходившими балканскими войнами.

Спустя некоторое время меня пригласили к Императору. В небольшой, уютной, довольно скромно обставленной гостиной находились Государь с супругой и с ними красивый мальчик в матросской форме — престолонаследник Алексий.

Царь, указывая на своего сына, сказал, обращаясь ко мне:

— Вот покровитель вашего Камчатского братства, отец Нестор... Примите.

Я поблагодарил царственных родителей и сказал краткое приветствие покровителю Камчатского братства.

После этого Николай II задал мне ряд вопросов о моей миссионерской деятельности, а я, отвечая, подал покровителю братства — наследнику цесаревичу — альбом с видами Камчатки. Государь, ласково поглаживая сына по голове, сказал ему:

— Алешенька, ты потом посмотришь альбом. Давай-ка лучше расспросим отца Нестора о его путешествиях по Камчатской области да о его пастырской деятельности.

Когда я, выполняя монаршую волю, рассказал вкратце о пережитом, виденном и проделанном мною в этом далеком, забытом крае и преподнес в заключение царской семье орденские знаки Камчатского благотворительного братства 1-й степени, Николай II, принимая их, осведомился:

— Теперь у вас все хорошо?

— Да, Ваше Величество, — ответил я с благодарностью, — в настоящее время мною открываются отделения

Камчатского братства в Петербурге, Москве, Киеве и других городах. Но я осмеливаюсь просить Вашего Всемилостивейшего разрешения на один товарный вагон ежегодно от Москвы до Владивостока для отправки приобретаемого братством школьного оборудования, церковной утвари, медикаментов и других пожертвований.

Государь ответил:

— Ваша просьба будет исполнена.

— А что еще для вас сделать? — спросил царь и, как бы что-то обдумывая, сказал:

— Отец Нестор, наша семья желает подарить Камчатскому братству церковь. Для получения ее вам надобно будет заехать в Зимний дворец к графу Ростовцеву (29). А еще я и царица вручаем вам образ преподобного Серафима Саровского.

Царица спросила:

— Можно ли вам подарить шерстяные платья для взрослых и детей Камчатки, связанные моими дочерьми?

Я поблагодарил царя и царицу за подарки, высказав при этом мысль, что лучше всего устроить дарственную церковь в глухой части Камчатской области и освятить ее в честь святителя Иоасафа Белгородского, прославление мощей которого должно было произойти в Белгороде через 15 дней. Император удовлетворил и эту мою просьбу, спросив, буду ли я на прославлении мощей в Белгороде. Я ответил:

— Я такой маленький человек, что едва ли даже увижу что-нибудь в Белгороде, так как от такого множества людей меня затолкают в толпе.

Тогда Государь сказал:

— Вы, отец Нестор, будете официально участвовать в прославлении мощей, чему я буду очень рад. Все подробности о вашем официальном участии узнаете от Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, посетите ее в Москве, и она вручит вам от нашей семьи специальное иоасафовское облачение, такое, какое будет у всех участников — архиереев и священников.

Я глубоко поблагодарил Государя Императора за дарованную мне милость и долго переживал эту духовную радость. '

Наконец я попросил разрешения на право ношения Камчатского орденского знака военными чинами, о чем Государь обещал отдать соответствующее распоряжение, что и

было вскоре выполнено. Военным разрешалось носить, после ордена Святого Станислава, орденские знаки Камчатского благотворительного братства на орденской ленточке цвета русского национального флага.

По окончании аудиенции Государь благословил меня походным образочком преподобного Серафима Саровского и одарил многими ценными подарками.

По прибытии в Зимний дворец мне показали опись церковной утвари и огромные ящики с упакованной в них разборной церковью. Здесь же мне вручили дар царицы для нужд камчатского населения — несколько сот комплектов шерстяного белья, связанного в том числе и Великими Княжнами. А от себя Государь приложил пакет с деньгами (1000 рублей) на мои разъезды по Камчатке.

Через два дня меня пригласили в Аничков дворец ко вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. Как и в минувшем году, она была любезна и заботлива. Когда я вошел в ее кабинет, первым ее вопросом был:

— Чем я могу быть вам полезной, отец Нестор?

Я попросил у нее разрешения командировать на Камчатку десять сестер милосердия. Она удовлетворила эту просьбу. По моему совету медсестры были посланы из Сибирской общины Красного Креста, так как тамошние климатические условия совпадали с теми, что были на Камчатке. Сестры добровольно пошли на самоотверженную работу, я могу свидетельствовать о подвигах любви и милосердия с их стороны ко всем туземцам далекого уголка России.

Возвращаясь на Камчатку, я решил задержаться в некоторых городах Центральной России, чтобы содействовать открытию там отделений Камчатского благотворительного братства. Но предварительно потребовалось созвать в Петербурге собрание членов-учредителей, на котором временным председателем избрали новоладожского предводителя дворянства Шварца, заместителем председателя — протоиерея Александра Дернова — настоятеля столичного Петропавловского собора, а членами правления — многих представителей петербургской знати.

По прибытии в Москву я отправился в Кремль. Здесь, при Чудовом монастыре, был склад пожертвованных вещей для школ, а также церковной утвари, предназначавшихся для отправки на Камчатку через Владивосток. Я занялся созданием отделения Камчатского благотворительного братства в Москве. Председателем был избран настоятель Чудова монастыря, московский викарный епископ Арсений (30).

В Киеве после лекции в Духовной Академии о целях и задачах Камчатского благотворительного братства председателем его местного отделения избрали ректора, епископа Иннокентия (Ястребова) (31), моего бывшего учителя калмыцкого языка в Казани.

Во всех этих филиалах братства, согласно уставу, проводился энергичный сбор средств путем распространения орденских знаков. За право ношения орденского знака 1-й степени налагался пожизненный взнос в сумме 300 рублей, 2-й степени — 75 рублей, 3-й степени — 50 рублей и 4-й степени — 25 рублей. Попутно все отделения братства производили сбор школьных принадлежностей, церковной утвари, походных аптечек, одежды и т.п. Все это ежегодно отправлялось в предоставляемом по распоряжению Императора товарном вагоне во Владивосток, а затем на пароходе Добровольного флота на Камчатку. Во Владивостоке, на Седанке, на берегу Амурского залива, под наблюдением архиепископа Евсевия комплектовались в разобранном виде церкви и школы, а после доставки их на место назначения производились сборка и установка. Вскоре таким образом удалось открыть в разных частях Камчатской области школы, церкви, приют для детей местных кочевников и т.п.

Мне тут вспомнился один примечательный случай. В 1910 году к берегам Камчатки приблизился океанский пароход Добровольного флота "Кострома". В период русско-японской войны на этом судне был оборудован плавучий лазарет. А тогда "Кострома" совершала рейс из Петропавловска-Камчатского вдоль побережья на Чукотку

с остановками в промежуточных портах. На борту его находились туристы, можно сказать, прожигатели жизни: они коротали время за игрой в карты, флиртом и пьянством. Как-то ночью по небрежности судоводителя пароход на полном ходу налетел на Карагинскую косу; сев на мель, накренился, глубоко врезавшись килем в грунт. Снять его с мели не было никакой возможности. Во время аварии погиб один матрос, его похоронили на берегу. Помощи из Владивостока скоро ожидать не приходилось, а свои технические средства были недостаточны. Наконец на горизонте показалось японское судно. По международным морским правилам и традициям, оно должно было оказать пострадавшей "Костроме" помощь. Однако японцы с пиратской проворностью ограбили пароход, забрали все ценное, вплоть до того, что срезали с мебели бархатную обивку. Когда же из Владивостока прибыл русский спасательный пароход, от "Костромы" осталась одна коробка. Некоторое время спустя правление пароходства прислало на мое имя телеграмму. В ней управляющий просил, чтобы я во время моих зимних поездок на собаках вдоль побережья осмотрел, в каком состоянии находится "Кострома". Я выполнил эту просьбу. Мне и моим спутникам, прибывшим к Карагинской косе, предстало печальное зрелище. По возвращении в ПетропавловскКамчатский я составил акт обследования и отослал его в правление. В ответ дирекция пароходства прислала мне благодарность и сообщила, что за оказанную услугу пароход "Кострома", непригодный для дальнейшего эксплуатационного плавания, передается в дар Камчатскому благотворительному братству.

Впоследствии в селении Карага, неподалеку от места аварии, я из материалов, снятых с подаренного парохода, устроил зимовку [22] деревенской школы. Остов же этого злополучного судна я, в свою очередь, подарил местному населению.

Цели и задачи Братства

Твоим, о Боже, попеченьям
Я отдаю всю жизнь мою.
Со страхом и благоговеньем
Готовлюсь к оному я дню.
Я отдаюсь Тебе, Спаситель,
Умом, и сердцем, и душой,
И в оный день, о Вседержитель!
Готов предстать перед Тобой!
Свети во мраке ярким светом,
Мой благодатный путеводный огонек!
Свети язычникам Христовым Светом,
Чтоб Свет Твой всех к Тебе привлек!
Свети всем сбившимся с дороги,
Свети заблудшимся в пути!
Зови их всех к заветам Бога,
Чтоб верный путь могли найти!
Творить добро есть цель благая:
Господь поможет совершить.
Итак, свети, не уставая,
Чтоб Свет Христов во тьму пролить!

14 сентября 1910 года во Владивостоке было учреждено Камчатское благотворительное братство. При официальной церемонии открытия я произнес речь.

"Исполняя волю Высокопреосвященнейшего архипастыря нашего, вступаю я на эту кафедру, чтобы предложить вашему вниманию некоторые свои соображения о главной цели и задачах открываемого ныне православного Камчатского братства. Быть может,

даже для живущих здесь, на Дальнем Востоке, известие это так же ново, как, собственно говоря, еще ново для нас и всякое известие и сообщение о далекой Камчатке.

Да, надо сознаться, что для большинства русских людей открытие Камчатки совершилось не более чем какихнибудь двух, трех, ну, десяти лет тому назад, несмотря на то, что иностранцы и ближайшие соседи Камчатки — японцы, американцы — уже сотни лет, подробно исследовав природные богатства края, тайно и явно работают там на пользу своих стран.

Для большей наглядности приведу краткий рассказ из жизни камчатского путешественника. В Японии спрашивает он японцев, где они добыли и приобрели десятки тысяч белок, котиков, лисиц и другой пушнины. Те отвечают:

— На русской Камчатке.

В той же Японии спрашивает, где японцы добыли сотни тысяч пудов рыбы и запасли обилие икры? Получает ответ:

— На русской Камчатке.

Да, камчатскому путешественнику можно, не спрашивая ни японцев, ни американцев, где добыли, самому все это наблюдать и видеть по всему Охотско-Камчатскому побережью и в северных водах Камчатки.

Заехал камчатский путешественник в Россию, на родину; вот земляки в просвещенном центре России его и спрашивают:

— Вы откуда? С Камчатки?.. Ой-ой-ой. Да ведь это... Постойте-ка, да... да чья она? Она наша или иностранная? И охота вам жить с какими-то грязными дикарями-камчадалами? Бросьте их, оставьте. Идите лучше в Россию, тут своего дела много. А там даже и есть-то нечего — одна собачья пища.

Не так было бы больно это слышать, если бы говорили это не русские люди. Наконец, на самой Камчатке путешественник, видя кругом бедность, нищету, болезни, голод, нужду, хищения и беспомощность, спрашивает камчадалов и туземцев, кто же им во всех их бедах помогает и утешает?

И, о ужас — да будет всем нам стыдно!

Камчадалы отвечают, что "японцы нам — братья, и хотя берут у нас рыбу и пушнину, но и нам помогают..." Вы все слышали? Японцы — братья...

А мы зачем собрались сюда?

Выслушав рассказ камчатского путешественника, мне думается, каждый согласится: да, необходимо как можно скорее учредить русское братство для далекой (пока еще) земли, а то и в самом деле Россия, как недобрая мачеха, оставила ее на произвол судьбы, а при подобном внимании иностранцев она, действительно, легко может стать американской или японской.

Итак, чтобы Камчатская область не была забыта Россией, чтобы она не была одинока и беспомощна в суровых условиях жизни, чтобы на краю земли не раздавались упреки о русской христианской бессердечности, да будет у Камчатки попечитель — свое святое православное братство, а не японское.

В чем же задачи братства и каковы нужды Камчатки?

Дадим посильный ответ на эти вопросы, занимающие в данное время каждого слушателя. С помощью благотворительных, просветительских и врачебных братских учреждений, питаемых сочувствием всей православной России, братство должно служить деятельным стражем духовных и материальных интересов всех обитателей своей окраины, оно должно стать противовесом всяким богатообеспеченным иноверным и иноземным миссиям, обществам и братствам, дабы не дать им совершенно отторгнуть и подчинить себе обширный природнобогатый Камчатский край, представляющий собою окно во второе земное полушарие.

Содействие просвещению святым Евангелием остатков языческого мира, уцелевшего на дальневосточных окраинах, должно быть тоже одной из главных задач Камчатского братства. Тем более что некоторые камчадалы-язычники сейчас готовы

своими душами и сердцами для Христова евангельского посева и есть местами уже зрелая почва для Христа. Но гибнет она вследствие отсутствия духовных вождей, ибо что может сделать одинокий бесправный, необеспеченный миссионер против произвола всевозможных хищников и беспредельного самовластия горекультурных сограждан, окружающих камчатских туземцев!

Но, к сожалению, некоторые язычники даже при полном сознании пустоты шаманских верований все же пугливо держатся в стороне и от христианства вследствие нехристианского поведения русского населения. Язычники спрашивают миссионера:

— А где же светлый Бог вон у тех, которые день и ночь шаманят за картами и вином, грабят нас и дают грабить другим?

Что должен ответить простодушным язычникам миссионер, не имеющий около себя своих русских собратий? Разве мыслимо с успехом проповедовать Христа диким племенам и предлагать им войти в духовное единение с такой средой, от которой с ужасом отвращается их детское сердце?! Вот в этом случае православное братство и должно позаботиться, чтобы русское имя было любимо на Камчатке, чтобы там образовалась такая среда, которая силою добрых примеров и попечении не только удерживала бы просвещенных православных язычников под материнскою властью Святой Церкви, но и давала бы им чистое нравственное понятие, а не ложное и гнусное представление о жизни и вере православных христиан.

Теперь мы приблизительно знаем, чему может служить православное братство, и, несомненно, все в один голос скажем, что именно в настоящее время оно особенно нужно, что дело братства есть дело общегосударственное, жизненное и общенародное, требующее для себя дружной поддержки со стороны всех государственных учреждений.

Камчатская область нуждается в даровании тех же средств, какими три века просвещалась и покорялась Сибирь, то есть в умножении храмов, приходов, походных миссий, школ с ремесленными, слесарными и столярными мастерскими, с общежитиями для детей кочующих туземцев.

Есть нужда в больницах, в благоустройстве лепрозорных колоний — таков должен быть труд камчатских братчиков.

Но самое существенное, самое главное, чтобы у туземцев и вообще камчадалов была точка опоры в нравственной, трудолюбивой, богоугодной христианской жизни, чтобы были молитвенная купель для православного просвещения всей области и духовная врачебница. А в этом качестве незаменима мирная, святая, иноческая обитель, примерная показательная община трудолюбивых братии, послушников, учителей во всех отраслях хозяйственной, сельской, полевой, лесной, огородной, речной, морской работы, в добыче природных богатств.

Если громче, убедительнее кликнуть клич по Святой Руси, то найдутся смиренные, добрые люди, ищущие иноческого подвига, найдутся люди, жаждущие и равноапостольной миссионерской службы Богу и ближним (и сейчас уже есть желающие такого труда, только их надо поддержать, воодушевить и снабдить всем насущным для отправления в далекий край), и будут эти люди просвещать дикий край светом Божественного Евангелия и орошать неприветливую землю молитвенными слезами, а Бог поможет им в их полезных трудах.

История Камчатского края напоминает нам, что в начале 1711 года заботами первого камчатского миссионера, архимандрита Мартиниана, была устроена в Нижне-Камчатске святая Успенская обитель. Но грубая невежественная сила служивых людей, ссыльных и иностранцев разорила вконец Камчатскую область.

Дорогие братия! Так я дерзаю назвать решительно всех вас, православных русских людей, присутствующих здесь, и чрез ваши головы кричу всей православной России, без различия звания, состояния, пола и возраста, как братьям или братчикам отдаленной русской Камчатской окраины. Позвольте же больше не сомневаться в том, что уже

коснулась вашего сердца леденящая душу совокупность бед и печалей многострадальной забвенной земли.

Позвольте прочитать во всеуслышание ваше правильное, сердечное определение и заключение. Да, все жители

Камчатки хотя и питаются подчас по нужде собачьей пищей, а иногда лишены и этой пищи и живут, применительно к местным условиям и обстоятельствам, не в хижинах и лачугах, а в юртах и даже под землею, но все же носят те же духовные черты образа и подобия Божия, а следовательно, они — наши братья, а посему имеют одинаковое право с нами на радость и блага христианской культуры.

Если вы любите и жалеете Камчатку, если не желаете, чтобы русское Охотское море и весь Тихий океан, в котором нашли себе вечное упокоение многие русские самоотверженные воины, были подчинены желтому Востоку, то хотя бы ради этих самоотверженных подвигов своих братии, отстаивавших русское море для России, даже до мученической смерти, — ради их вы все должны прочно водворить на Камчатке русское братство, представляющее собою передовой оплот против коварного языческого Востока, и тем выдворить иностранное своевольное хищное лукавое братство, обращающее Камчатку в рабство. Бог в помощь всем вам! Служите — кто как и чем может. Кто не может послужить средствами, даже малой лептой, тот послужи добрым делом, советом, молитвой и просто сердечным сочувствием — все это дорого и приемлется братством с глубокой сердечной благодарностью от лица Камчатской области и от лица приемлющих.

Покров для нас — братское знамя нерукотворного образа Всемилостивого Спаса. Надежда у нас на небесное предстательство приснопамятных православных просветителей Сибири и Камчатки. Источником благодатного воодушевления да послужит нам обращенный к каждому рабу Божию великий завет Христов: изыди на пути и халуги, и убеди внити, да наполнится дом Мой [23] (Лк. 14, 23)".

Церемонию учреждения братства возглавил архиепископ Евсевий. Председателем совета Братства был избран протоиерей Владивостокского кафедрального собора А. Муравьев; его членами — протоиерей Н. Чистяков, камчадал-протоиерей И. Коноплев, начальница женской гимназии А.Г. Кравцова и другие.

Кроме перечисленных лиц, деятельными членами совета Братства были архиепископ Николай, заслуженно названный апостолом Японии за плодотворную архипастырскую деятельность, генерал-губернатор Гондатти, игумения Руфина (32) — настоятельница женского Чердынского монастыря и многие другие.

Весьма успешно развивалась деятельность Петербургского отделения Камчатского благотворительного братства. Через год после его основания в нем числилось 258 членов. Средства, собранные в столичном отделении, шли в основном на устройство церквей, школ, приютов, лечебниц и станов. В частности, на столичные пожертвования был создан и отправлен на Камчатку так называемый Первый Петербургский стан для села Теличики Гижигинского уезда. Отсюда же была отправлена церковь для камчатских сел Накики, Пенжино и других, а также оборудован приют для коряков, открыта больница и богадельня в Теличиках.

Камчатское благотворительное братство через три года после создания насчитывало уже 1900 членов и имело свои отделения во всех уголках Российской Империи — от Петербурга до Владивостока.

После одного из моих пребываний в Перми, при возвращении из столицы на Камчатку, я задержался на своей родине, в Вятке. Посетил здешнего епископа Филарета (33). Он обрадовал меня сообщением о том, что для оказания содействия в расширении религиозно-просветительской работы на Камчатке туда в мое распоряжение командируется из города Глазова протоиерей Даниил Шерстенников (34). По прибытии в Петропавловск он возглавил местное отделение братства, а впоследствии был епископом Охотским, викарием Камчатской епархии, с тем же именем Даниил.

Каждое освящение вновь открываемых храмов или благотворительных учреждений привлекало огромное количество местных жителей. А освящение храма в Олюторске ознаменовалось массовым крещением коряков, а также вступлением в церковный брак, доселе ими презираемый.

В 1911-1917 годах Камчатское благотворительное братство имело в своем распоряжении огромные суммы денег, исчислявшиеся сотнями тысяч рублей. В течение пяти лет было выстроено семь новых церквей и открыто восемь новых школ. Таким образом, к 1916 году в Камчатской области существовало 35 церквей, 38 часовен со святыми престолами, 42 школы.

Из истории миссионерства на Камчатке

Входите тесными вратами: потому что тесны
врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.
(Мф. 7,1314)

Обратим наш взор в глубь веков, ко времени покорения Камчатки и просвещения этого темного, языческого края светом Христова учения. Первый священник-миссионер архимандрит Мартиниан, по некоторым свидетельствам, прибыл на Камчатку из Казани в 1705 году. Но во время восстания и войны камчадалов с пришлыми людьми и сборщиками ясака [24] в 1718 году он был мученически убит и брошен в реку Большую.

Особенного внимания достоин главнейший продолжатель дела отца Мартиниана — молодой казак Иван Козыревский. С малых лет оставшись сиротой, Козыревский подпал под дурное влияние и воспитывался в среде вольной казацкой дружины и сборщиков ясака, где усвоил грубые нравы и вольности, присущие духу того времени. Он был соучастником убийства знаменитого покорителя Камчатки Владимира Атласова, и за сию вину, а также за беспощадное убийство некоторых камчадалов, неистовое и жестокое обращение с местным населением

Козыревский и Огодухин были наказаны Петром I. Вместо смертной казни им присудили исследовать "соседственные с Камчаткой" Курильские острова. Ведено было собственноручно построить кочи [25] и отправиться на них в путь на изыскание новых земель, граничащих с Камчаткой, и присоединить их к России. Оба провинившихся казака выполнили это повеление. Геройски отважно совершил Козыревский трудное морское путешествие по неведомому морю и увековечил свое имя подчинением России курильцев, с которых собрал ясак мехами. Своим отважным походом он отбыл наказание и искупил свою вину. Он приплыл к южной части Камчатского полуострова — Лопатке и присоединил под Российский государственный флаг большие острова — Шумшу и Парамушир.

Но сам Иван Козыревский, движимый чувством раскаяния, решился посвятить свою жизнь иноческому служению ив 1711 году принял на Камчатке монашество с именем Игнатий. Отец Игнатий построил здесь первую монастырскую пустынь на незамерзающей реке Николке, впадающей в реку Камчатку, где в 1654 году близ Ключевской сопки было первое русское зимовье казака Ф. Алексеева. С глубокой самоотверженностью стал он служить Камчатскому краю, просвещая его светом Христовым.

При своей обители отец Игнатий устроил убежище для калек и престарелых камчадалов, а на прилегающей к монастырю земле занялся обработкой полей, огородничеством, выращиванием корнеплодов, ведя тяжкую борьбу с суровой природой. В этом далеком северном трудовом монастыре он создал столярную и слесарную мастерские, изготавливал рыболовецкие снасти. Он привлекал к этому делу камчадалов, обучал их земледельческим трудам, заинтересовывая их в этом своим трудолюбием.

Монастырь просуществовал около 18 лет. В 1732 году отец Игнатий, к тому времени уже иеромонах, был вызван в Москву и по постановлению Тайной канцелярии лишен сана и расстрижен, а обитель, осиротевшая без своего руководителя, была разграблена и сожжена во время камчатских бунтов в том же 1732 году. Причина лишения сана отца Игнатия неизвестна: вероятнее всего то, что горячий патриот отец Игнатий не пришелся по душе временщику Бирону.

Отец Игнатий оставил на молитвенную память написанный им синодик — небольшую тетрадь с изложением своих преступлений и с просьбой помолиться Богу об упокоении его многогрешной души, о прощении его грехов.

После разорения обители следует период кровопролитных битв, смут и волнений среди туземцев, восставших на защиту своих прав. Истощилось долготерпение жителей Камчатки, притесняемых приказчиками, сборщиками ясака, которые действовали насильственно, принудительно, брали податей больше, чем требовалось по закону. Притом сборщики жестоко, бесчеловечно обращались с беззащитными людьми. Без зазрения совести они отнимали у них всю добытую ими пушнину, любой мех и даже меховую рухлядь. Жизнь человеческая ничего не стоила, она насильственно отнималась за кожу и мех убитого зверя, хотя мех в те времена ценился очень дешево.

Но вернемся в дни моего пребывания на Камчатке.

Место бывшей Игнатиевой пустыни было избрано мною под монастырь, который я намеревался восстановить. Там, где была первая Никольская церковь, по сие время стоит крест в ограде, и место это носит название Монастырь. По берегу незамерзающей реки Ключевой пустующий участок земли на протяжении пяти верст и поныне хранит названия, дающие возможность безошибочно определить места существовавших именно здесь монастыря и казачьей крепости. Так, после участка земли, именуемого Монастырем, следуют пелоч [26], казармы, конюшни, банюшки, балаганы для рыбы (навесы), мельница (остатки видны в воде), вершины Ключа, баты [27].

Жители селения Ключи и ближайших заимок круглый год промышляют для себя и собак рыбу в незамерзающей реке. 19 декабря 1910 года я ездил на собаках из селения Ключи для осмотра вышеописанного участка земли и реки Ключевой под монастырь и видел, как рыба кижуч шла сплошной стеной, а все заливы (по очертаниям ковшеобразные) представляли из себя как бы огромный чан или котел, в котором кишели десятки тысяч рыбин. Ключевские крестьяне, забредя в непромокаемых шарах (сапогах) в воду, бьют рыбу палками и баграми и выбрасывают ее на нарты.

В июле и августе в реке Ключевой появляется рыба азабач (красная), с сентября по февраль — кижуч, постоянная рыба — гольцы. Бывает также застойная рыба, то есть застаивающаяся в протоках. Чавыча и другая морская рыба промышляется в реке Камчатке в 15 верстах от селения Ключи.

Местность бывшего монастыря покрыта невысоким березняком, а строевой лес (7-9 саженей) — лиственница, топольник, береза и ель — есть в 30-50 верстах от селения Ключи (удобный сплав по реке Камчатке).

С Усть-Камчатска до Ключей и Толбачика ходит катер Камчатского торгово-промышленного общества. Земля в долине реки Камчатки и на месте, избранном под монастырь, плодородная, на ней особенно хорошо произрастают корнеплоды, созревает ячмень, конопля. Привилось также пчеловодство.

Помолившись Богу, 27 марта 1911 года некоторые ключевцы и представители духовной, полицейской и сельской властей отправились на собаках к месту, избранному мною под монастырь, для водружения креста. Я отслужил молебен, окропил святой водой крест, землю и реку Ключевую и тем молитвенно утвердил сие место за будущей святой обителью Всемилостивого Спаса и святителя Алексия, Митрополита Московского, — небесного покровителя Камчатки.

После упомянутых нами отца Мартиниана и отца Игнатия дело проповеди христианства на Камчатке сильно покачнулось. Возродилось оно в 1743 году, когда начала свою работу Камчатская духовная миссия во главе с ее начальником отцом архимандритом Иосафом (Хотунцевским)35. Труды этой первой миссии были чрезвычайно успешны. Все население Камчатского полуострова, за исключением немногочисленных племен кочевниковтунгусов, было просвещено Святым Крещением. Построено несколько церквей и часовен, а также открыто на полуострове четыре школы, где обучалось свыше 200 детей, что при общем населении полуострова в 6,5 тысячи составляет большой процент, особенно для тогдашнего времени. Правда, школы нуждались во многом, например, вместо бумаги, дети писали на бересте, но самоотверженными трудами работа поддерживалась.

К сожалению, миссия просуществовала только восемнадцать лет, и за этот срок новообращенные камчадалы не были должным образом утверждены в христианской вере. Сменившие же работников миссии отдельные миссионеры-священники далеко не всегда оказывались на высоте положения, не обращали должного внимания на христианское воспитание паствы и потому камчадалы-христиане часто ничем не отличались от язычников. Попрежнему они оставались суеверными, прибегали к шаманству. Туземцы, проживавшие на материке, долгое время не поддавались влиянию миссионеров, да и вообще относились к русскому человеку с недоверием, или, точнее, со страхом, потому что пришлый народ обращался с ними жестоко и бесчеловечно. Жестокое насилие — грабежи, батога, цепные оковы, пытки, застенки — вот тяжелый удел несчастных аборигенов, у которых отбирали не только добытую пушнину, но и с самих людей снимали последнюю меховую одежду.

Много усилий было потрачено русскими на введение здесь хлебопашества. Для этого с реки Лены на Камчатку специально посылались пахотные крестьяне. На реке Милькове была устроена первая водяная мельница. Хлебопашество насаждалось строгими принудительными мерами, но суровые климатические условия и неплодородная почва не давали камчадалам возможности успешно заняться земледелием, а главное и почти единственное средство пропитания — рыбная ловля — часто прерывалось из-за попыток введения земледелия: камчадалы пропускали ход рыбы, не успевали сделать годовой запас юколы себе и своим ездовым собакам и голодали.

Так как о Камчатском крае не было постоянной заботы, а главное, не было верных, честных и осведомленных руководителей и блюстителей порядка, то всякие начинания обычно не доводились до конца, и по причине беспечности все рушилось и разорялось. В 1840 году уже не осталось и следа от построенных здесь заводов, больниц, школ и других культурно-просветительских учреждений, и нужно было все начинать сызнова.

В период Крымской войны Церковь на Камчатке находилась под управлением великого духом и разумом архипастыря, одного из виднейших Камчатских просветителей, первого тамошнего епископа Иннокентия (Вениаминова), о котором я вкратце уже упоминал. Это был действительно истинный пастырь того духовного стада, которое поручено было ему волей Божией. Был он любвеобилен, ласков со всеми, широко отзывался на все духовные и материальные нужды паствы. Лично знакомился со всей своей огромной епархией, предпринимая объезды. Поднял снова на должную высоту миссионерскую работу. Этот даровитый Владыка много, плодотворно и ревностно потрудился в архипастырском служении на далекой окраине нашей Отчизны. Он возжег яркий светильник Православия среди алеутов, колошей, чукчей, коряков, тунгусов, якутов, гиляков, ламутов, камчадалов; заложил твердый фундамент Православия в Америке, на Аляске. В то же время он совершал огромную научноисследовательскую работу, так что его труды по исследованию Тихоокеанского побережья до сих пор имеют большую научную ценность.

К сожалению, хотя Владыка Иннокентий носил титул епископа Камчатского, местом пребывания его была Америка, Аляска, город Ситке. И потому его плодотворная, большая работа задевала Камчатку только краем, но все же приносила добрые, святые плоды.

Сибирь — далекая, холодная, отчужденная от тогдашней Центральной России — дала Русской Православной Церкви великих иерархов и святителей: Иннокентия (36) и Софрония (37) Иркутских, Иоадна (38) и Павла (39) Тобольских, а также ряд других известных иерархов, в том числе и упомянутого уже Иннокентия (Вениаминова). Вот его краткое жизнеописание. Глухое село Анчинское Иркутской епархии. В семье никому неведомого священника церкви этого села Евсевия Попова родился четвертый сын — Иван. С пятилетнего возраста, оставшись без отца, он был взят на воспитание своим дядей — диаконом Димитрием Поповым.

За два года маленький Ваня так преуспел в учении по Псалтири и Часослову, что уже семи лет от роду в церкви читал Апостол. Далее он учился в Иркутской духовной семинарии, отличался хорошей успеваемостью, был добрым товарищем. По внешности выделялся среди сверстников крупным ростом, полнотой. Характер имел малообщительный и молчаливый.

У него была врожденная страсть к техническим знаниям. Ваня часто тайком убегал из семинарии к часовому мастеру, интересовался работой часового механизма.

Еще будучи ребенком, он без посторонней помощи собрал для класса часы, детали к которым нашел на улице. Станок и колеса были сделаны им при помощи обломка ножа и шила, выброшенных семинарским экономом в мусорный ящик; циферблат — из обрывка бумаги, а стрелки — из лучин. Затем Ваня сделал для многих одноклассников карманные часы.

По обычаям того времени ректор семинарии давал фамилии учащимся при окончании курса обучения сообразно их внешности и духовным качествам. Таким путем Ване Попову была присвоена фамилия Вениаминов, в память об иркутском епископе Вениамине, незадолго перед тем скончавшемся и отличавшемся при жизни величественной осанкой, спокойным характером.

Молодого Вениаминова готовили к поступлению в духовную академию, но в те далекие времена семинаристам за год до окончания духовной семинарии разрешалось жениться при условии принятия священства. В период длительного весеннего ледохода на реке Ангаре ректор семинарии, живший в Иннокентиевском монастыре, оказался отрезанным от семинарии. Иван Вениаминов, не дожидаясь его возвращения, подал заместителю ректора прошение о разрешении на женитьбу, на что получил согласие. После женитьбы Иван Вениаминов был рукоположен в сан диакона в Благовещенской церкви. Это дало ему повод впоследствии шутя говорить, что Ангара решила его судьбу — ехать не в духовную академию, а в... Америку, так как ему пришлось жить со своей семьей в русских североамериканских владениях. Он научил местных жителей плотницкому, столярному, кузнечному и слесарному ремеслам, а также изготовлению кирпича, каменной кладке и часовому искусству.

Изучив наречие местных народностей, энергичный пастырь Вениаминов перевел Евангелие и многие молитвы на язык североамериканских туземцев [28].

В 1893 году у отца Иоанна умерла матушка, и он в 1850 году, уже будучи архиепископом, переселился на берег Охотского моря, в порт Аян, соорудил там церковь, в коей навсегда оставил свой архипастырский жезл.

Во время войны 1854-1855 годов английские корабли вошли в пустынный порт Аян, где взяли в плен находившегося там мирного жителя — священника Махо-ва. Как раз в это время архиепископ Иннокентий, совершая объезд епархии, возвратился из Якутска в Аян. На Нелькане Владыка встретил свою старшую дочь, спросившую отца:

— Зачем вы едете в Аян? Ведь там англичане.

— А зачем я им нужен? — спокойно возразил архиепископ Иннокентий, — да если и возьмут в плен, то себе в убыток, меня ведь кормить надо.

21 июля 1854 года в Аянском храме, когда Владыка Иннокентий совершал богослужение, в бухту вошла вражеская эскадра. На борту одного из английских кораблей содержался в заключении пленный священник Махов. Английские моряки объявили архиепископу Иннокентию и о его пленении. Владыка ответил им с достоинством и кроткой улыбкой такими же словами, какие он говорил дочери. На следующий день англичане, пристыженные словами православного архипастыря, освободили из плена мирных, безоружных священнослужителей.

В 1861 году архиепископ Иннокентий поселился в Благовещенске и на парусном судне совершал объезды епархии. Туземцы горячо любили своего Владыку, совершавшего богослужения на их родном языке и этим привлекшего их к Православной Церкви.

После того как Владыка Иннокентий из Камчатской епархии был поставлен митрополитом Московским, темп миссионерской работы на Камчатке сразу упал. Это произошло в основном из-за того, что в 1861 году была закрыта Камчатская миссия, и на Камчатке оставались только отдельные миссионеры, которые должны были в то же время выполнять и обязанности приходских священников на огромном пустынном пространстве.

Я имел счастье лично знать дочь Владыки Иннокентия — Екатерину Ивановну Петелину. Она жила и скончалась в Казани. Будучи еще мальчиком, я с напряженным вниманием слушал ее рассказы о Владыке Иннокентии, о его плодотворной архипастырской деятельности на далеких окраинах нашего необъятного государства, в том числе и в Камчатской области.

Владыка Иннокентий был для меня лучшим примером, лучшим учителем того времени на священнослужительском и миссионерском поприщах.

Изумительно красивы жизнь, подвиги, дела и яркое горение веры в Бога скромного человека и святителя Церкви Христовой — Иннокентия (Вениаминова). На могиле этого замечательного архипастыря лежит распятие и на надгробии написано: "Архиерейство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне, присно и во веки веков. Аминь".

За обозримое время Камчатская Церковь управлялась епископами из самых разных мест обширной дальневосточной русской окраины: первоначально, вместе со всей Сибирью, из Тобольска, потом из Иркутска, с Аляски, из Якутска, Благовещенска, Владивостока и, наконец, в лице меня, недостойного, Камчатка получила своего самостоятельного епископа в 1916 году.

Расцвет миссионерской работы на всем Дальнем Востоке и, в частности на Камчатке, за последние годы особенно связан с именем Владыки Евсевия. Он родился в 1860 году в семье бедного тульского священника, отца Иоанна Никольского. С 1897 года, со званием епископа Курильского, Камчатского и Благовещенского, он стал духовным предводителем всего дальневосточного края.

Первоначально он жил в Благовещенске, но с 1899 года Благовещенск был выделен в отдельную епархию, и Владыка Евсевий переехал во Владивосток. Огромная полоса земли — от Камчатки до Китайско-Восточной железной дороги включительно — находилась под его духовным водительством. В продолжение двадцати лет неустанно, непрерывно работал он на этом огромном святом поприще, построил и освятил сто семьдесят одну церковь, возвел монастыри, открыл миссии, оживил всестороннюю духовную работу в крае.

На Камчатке он был дважды. До него архиереи сюда добирались только семь раз: трижды владыка Иннокентий и по разу епископы Павел, Макарий, Мартиниан и Гурий (40). Владыку Гурия я знал лично — держал его жезл во время приездов в Казань.

Для Камчатки посещения эти были крайне редки, и, например, огромный Анадырский край так и остался без архиерейского посещения. Анадырцы даже писали Владыке Евсевию ходатайство с просьбой побывать у них.

Я глубоко счастлив тем, что Господь Бог привел меня начать работу на Камчатке именно во время управления епархией Владыки Евсевия, быть его помощником на поприще камчатской работы и впоследствии стать его викарием на Камчатке.

В трудах и заботах

С тоской в очах, с огнем в груди Ты в мир отверженный иди. И пусть любви твоей лучи, Как пламя, будут горячи… И пусть гремит, как Божий гром, Твой голос в сумраке ночном… И будит тех, кто духом мертв, Чей путь без звезд и храм без жертв, Кто во тьме скитается без сил, В нощи шаманства свой светильник погасил… А ты, как фимиам, в огне любви гори, О вечной правде неумолчно говори…

В десятых годах нынешнего столетия приамурским генерал-губернатором был видный сановник, в звании придворного шталмейстера, И.Л. Гондатти.

Первоначально, в 1880 году еще молодым деятелем, И.Л. Гондатти был уездным начальником на Чукотке, где оставил о себе добрую память среди туземцев. Впоследствии он был начальником амурской исследовательской экспедиции.

Умный, просвещенный и деятельный Гондатти видел и понимал, что технически и культурно отсталая Россия того времени утрачивала свое влияние на Дальнем Востоке, что в свою очередь давало повод англо-американским и японским хищникам безнаказанно и почти бесконтрольно хозяйничать на наших далеких, забытых окраинах. Вот почему он с глубоким сочувствием, с большим вниманием относился к моей пастырской деятельности и всячески содействовал успешному осуществлению идеи создания Камчатского благотворительного православного братства.

Мне запомнился такой эпизод. Проездом из Петербурга на Камчатку я находился в летних архиепископских покоях на Седанке, близ Владивостока. Тогда же у Владыки Евсевия находился в гостях приамурский генерал-губернатор. И мне совершенно случайно пришлось быть свидетелем следующего разговора между начальником края и правящим архиереем.

— Когда я давал отцу Нестору свое благословение на создание Камчатского благотворительного братства, — произнес Владыка Евсевий, — у меня, признаюсь, возникло сомнение в успешном выполнении этого полезного начинания. Ведь мне во Владивостоке приходилось за пятак нанимать хоругвеносцев при совершении крещенского крестного хода. Кто же, думал я тогда, согласится субсидировать, затрачивать средства на какое-то благотворительное Камчатское братство? Но молодой и энергичный отец Нестор работал и на Камчатке, и в Петербурге не покладая рук. Он писал и печатал воззвания, посещал сотни лиц, убеждая их вносить свою лепту в дело Божие. Он исходил и изъездил во имя Господне всю Камчатскую область.

— Да, — согласился генерал-губернатор, — есть люди, которые оставляют в жизни яркий, немеркнущий свет, распространяющийся далеко в потомство. Их деяния благоухают ароматом особой, неземной, благодати... Видно, отец Нестор из таких. Ведь только горение его души и сердца зажгло верой в Бога камчатских туземцев, которых он тысячами обратил в христианство. Надо отдать должное и открыто сказать, что сановная и власть имущая Россия только благодаря отцу Нестору повернулась, наконец, лицом к Камчатке. Не было ни одной стороны жизни насельников Камчатской области, которой отец Нестор не касался бы: он строил храмы, часовни, школы, приюты, лечебницы, организовывал походные аптеки. Нет такого кочевья или населенного пункта на Камчатке, где не знали бы милостивого, доброго, приветливого иеромонаха.

Не скрою, мне было приятно слушать столь положительное суждение обо мне и о моей деятельности из уст двух влиятельных лиц. Однако я не успокаивался на

достигнутом, зная, сколько впереди еще дела, сколько неизбежных трудностей, досадных неприятностей и неудач. Но я был уверен в том, что с Божией помощью их одолею.

Но еще больше, чем похвалой архиерея и губернатора о моей пастырской деятельности, я был до глубины души тронут проникновенными словами стихотворения, посвященного Камчатскому братству. Автор, напечатавший его в одном из тогдашних изданий, мне неизвестен. Тем более мне кажется, что стихотворение воплотило мысли не одного, а многих лиц, знакомых с многогранной деятельностью нашего братства.

Над Камчатскою областью, Далеко заброшенной, Бурями овеянной, Братство Православное Спаса Милосердного, Что весною солнышко, Тихо поднимается, Ярко загорается. Единеньем крепкое И любовью спаяно, Братство Православное За собратьев горестных, Темных, обездоленных И на край закинутых, Дружно ополчается.

Со крестом, с молитвою, С образом Спасителя - Церкви окормителя. Как и предки русские, Ты сильна не множеством, О рать Православная, А могуча верою И рукою щедрою, Да сердцем отзывчивым, Чтоб согреть холодную, Накормить голодную, Просветить ту темную Паству ту Камчатскую Всей любовью братскою.

Помоги же, Спасе наш,
Братству Православному Укрепляться, шириться
И с любовью многою Светлою дорогою
Идти к обездоленным.
С жертвою посильною,
Да с душою умильною,
Со словом ободряющим,
С гласом призывающим.
Всем усопшим братчикам
В праведном селении Дай успокоение,
Царство бесконечное
И блаженство вечное,
И Владыке-учредителю,
И почетным попечителям,
Братчикам-сотрудникам,
Пастырю-ревнителю Ты пошли, о Господи,
Доброе здоровье,
Мир и благоденствие,
Радость, долгоденствие.

В стремлении расширить круг деятельности Камчатского благотворительного братства я посещал различные города нашей Родины. В частности, в Перми мне привелось побывать в 1910,1911 и 1914 годах. Здесь в обширном зале Стефановской часовни я выступал с докладом о Камчатке, рассказывал о жителях, их быте и нуждах. Свои лекции я сопровождал так называемыми "туманными" картинами. Они производили на слушателей особое впечатление.

В 1911 году, с благословения Преосвященного Палладия (41), мною в Перми было открыто отделение Камчатского благотворительного братства с многочисленными членами, вносившими свои добровольные пожертвования. Мне удалось вдохновить на трудный подвиг трех сестер милосердия Пермской Мариинской общины Красного Креста:

А.М. Урусову — начальницу этой общины (о ней я уже упоминал), А.А. Кашину и М.Г. Волкову-Жукову, добровольно отправившихся в неизвестную даль.

Население Камчатского края впервые увидело самоотверженный труд русских женщин в лице этих трех медицинских сестер милосердия. Их энергичная работа заключалась не только в огромной помощи больным, но зачастую хозяйская, поистине материнская забота в устройстве быта приносила большую пользу туземцам. Этим сестрам население всегда выражало чувства глубокой благодарности и признательности.

По примеру этих трех медсестер пошли на самоотверженный труд и сестры из других общин Красного Креста, например Т. Казанцева, Иванова и др.

С открытием Камчатского братства на пожертвования духовных миссий приобреталось много всего необходимого и полезного для походных аптек, а также носильное и постельное белье, продукты питания для лепрозориев (хлеб, молоко, овощи, консервы и т.п.). В таких колониях уже были условия готовить больным горячую пищу. Там вместо нар появились кровати, кухонная и столовая посуда (для каждого больного отдельная). Специально для больных приобрели лодку, невод, сети для ловли рыбы, материал для шитья и вышивания. Учитывалось удрученное состояние неизлечимо больных, а посему для отвлечения от тяжелого душевного гнета сестры милосердия старались занимать прокаженных каким-либо посильным для них трудом.

На севере Камчатской области мною был открыт и оборудован приют с амбулаторией для детей оседлых и кочующих туземцев, в нем самоотверженно трудилась заведующая приютом — медсестра М.Г. Волкова. Местность была здесь дикая, суровая. Питаться приходилось только рыбой. Священник-камчадал слабо знал русский язык. Для посещения больных и оказания им медицинской помощи сестре приходилось много ходить пешком, ездить на лодке, а зимой на лыжах и на собаках.

Впоследствии я открыл еще один приют в бухте барона Корфа в большом здании из восьми комнат. Десять плотников едва успели достроить его к прибытию последнего парохода. Помогая им, приходилось работать и мне, и сестре милосердия, и ребятам. Общими усилиями нам удалось соорудить еще колонку и оборудовать две ванны. Неизбалованное вниманием местное население не верило, что все это сделано для их детей, которые здесь будут жить, питаться, учиться и пользоваться бытовыми услугами даром. Детишки первое время с непривычки во сне падали с кроватей. Среди них было много способных к ремесленному обучению (я имею в виду мальчиков), а девочки успешно занимались рукоделием и шитьем. И взрослое население, и дети любили посещать церковь, внимательно следили за богослужением. Я повседневно ощущал их искреннее нежное отношение ко мне, их духовному пастырю. По словам сестры милосердия, туземцы при полном отсутствии телеграфной и почтовой связи за 2-3 дня узнавали о том, что "папа Нестор" едет к ним. Они выезжали встречать меня на нартах, лыжах и радостно приветствовали. Порой, когда где-нибудь в пути пурга заносила меня снегом, они находили меня и заботливо сопровождали до своего селения.

После каждой такой поездки я, с помощью туземцев, на месте своего пребывания водружал крест или сооружал церковь, приют или школу. После моей проповеди и соответствующей подготовки многие крестились, принимая православную христианскую веру.

Сестра милосердия Т. Казанцева пробыла в Камчатской области шесть лет. По прибытии в Петропавловск она поступила в распоряжение уже бывшего тогда врачебного инспектора доктора А.Ю. Левинского и была назначена им в район западного побережья Охотского моря. Здесь ей пришлось, преодолевая трудности и лишения, обслуживать семнадцать населенных пунктов.

Преисполнен духовной красоты самоотверженный труд сестры милосердия Анны Ивановны Томсон. Она прибыла в колонию прокаженных одной из последних. Как и ее предшественницы, эта милая старушка была для больных заботливой и доброй, как мать. В начале 1917 года на Камчатке в том месте, где находилась основанная мной колония для прокаженных, произошло сильное землетрясение. Случилось это стихийное бедствие глубокой ночью.

Дом, где размещались больные, был огорожен плетнем, а домик, в котором жила сестра милосердия, стоял несколько в стороне от больницы. В момент страшного землетрясения он был разрушен. Анна Ивановна жила одна, и никто не мог прийти к прокаженным и сказать, что их любимая сестра милосердия придавлена обломками рухнувшего домика. Горевшая висячая лампа упала и разбилась, а разлившийся керосин

вспыхнул. Пламя быстро распространялось. Пожилой женщине грозила смерть от огня. Кругом никого не было. Но произошло непредвиденное.

Неизвестный русский охотник со своей собакой проходил в эту ночную пору по горам. В момент землетрясения и бушевавшего снежного бурана он сбился с пути. Ощупью, наугад вместе с собакой спустился он с горы и совершенно случайно пришел к горящему дому. Услыхав человеческий стон, охотник спросил:

— Кто здесь? Что произошло?

— Спасите меня!.. Снимите балки и бревна, придавившие меня, — слабым голосом просила несчастная старушка. — Я сестра милосердия из колонии прокаженных... Очень волнуюсь за судьбу моих больных... Кто их успокоит?.. Живы ли они? Освободите и ведите меня к ним.

Охотник быстро и ловко погасил огонь, вытащил женщину из-под развалин и, придерживая ее, повел к зданию больницы. Здесь произошла трогательная сцена. Сестра милосердия заплакала от радости, что дом, в котором находились прокаженные, цел и все больные невредимы. А несчастные прокаженные в момент ночного землетрясения страдали не столько от страха, сколько от волнения за судьбу любимой ими сестры милосердия. Их пугало, приводило в недоумение то, что она пришла к ним в жуткие минуты. Вот почему, когда они увидели ее, хотя и израненную, измученную, но живую, радости их не было конца.

Когда землетрясение кончилось, а волнения и страхи улеглись, неизвестный путник, по просьбе Томсон, отправился в Петропавловск и обо всем произошедшем в колонии прокаженных сообщил мне.

Немедленно, взяв с собой все необходимое, я на собаках с походной аптекой поехал к месту катастрофы. Прибыв в колонию, я утешил больных и ободрил ослабевшую после пережитого сестру милосердия Томсон.

На Камчатку прибыли по моей просьбе из Петербурга десять сестер милосердия. Они получили назначения в разные места области. Работать этим сердобольным женщинам приходилось чрезмерно много, причем часто заменяя доктора. Попутно они обучали местное население шитью, кройке, приготовлению горячей пищи, прививали навыки гигиены. Кроме того, приходилось им помогать школьному учителю и проводить культурно-просветительную работу.

Сестры эти явились истинными ангелами-хранителями для многочисленных туземцев. С любовью, лаской и с большим, глубоким знанием дела пришли они на помощь больным, страдающим людям.

Туземцы также отвечали им любовью. Первоначально, видя женщин с крестом на груди, они принимали их за священников. А потом, узнав сестер милосердия в деле, они стали называть их матерями.

Христос посреди нас

Вы — соль земли. Вы. — свет мира.
Мф. 5,13-14.

Говоря о миссионерской работе, необходимо упомянуть и о первом (к сожалению, единственном) Камчатском миссионерском съезде, проходившем в 1914 году в селе Иоасафовском на севере Камчатки. Ни телефона, ни телеграфа между разбросанными на огромные расстояния селениями Камчатки не существовало. И тем не менее устной передачей, крылатой вестью пронеслось известие о готовящемся съезде по всем миссионерским станам, по всем церквам.

Событие это приобретает еще больший смысл, если мы представим жизнь камчатских миссионеров, где общение друг с другом было чрезвычайно затруднено. Даже встреча двух-трех священников была событием. Коряки-дикари впервые увидели здесь

соборное торжественное богослужение с участием диакона, какового они ранее никогда не видели. Всего лишь за два года до съезда в селении Иоасафовском, где собрались миссионеры, не было ни церкви, ни школы, ни постоянного священника; не было даже землянок, а люди жили в грязных ямах-юртах с входом через дымовую трубу. На ровной снежной площади селения Иоасафовского, тогда именовавшегося Тиличиками, было разбросано восемь юрт.

Помню, когда я впервые приехал туда, эти юрты с отверстиями посредине напоминали мне маленькие действующие вулканы. Время от времени сквозь густые клубы дыма из отверстий показывались человеческие фигуры коряков и корячек, они пугливо поглядывали на меня. Вой полутора сотен собак был мне встречным гимном. С недоверием и не очень ласково приняли меня коряки. Даже крещеные всячески старались уклониться от выполнения христианских правил, отказывались от венчания, исповеди и причастия. Русского языка они совершенно не понимали. Но прошел год, и мы с ними стали друзьями...

За сотни и тысячи верст съезжались миссионеры. На собаках, оленях неслись по снежной пустыне их легкие сани.

Некоторые подвергались смертельной опасности. Так три священника и четыре псаломщика были застигнуты на Анапке жестокой пургой. Несчастные батюшки, занесенные снегом, вынуждены были отсиживаться в течение семи дней. Один псаломщик, Е. Слободчиков, едва не сделался жертвой пурги, он отстал от своих спутников, почти замерз в одиночестве, но спасся чудом и, прибыв на съезд, с умилением отслужил благодарственный молебен.

Съезд совпал с первой половиной Великого поста. Ежедневно в Иоасафовском храме совершались великопостные богослужения, причем все священники служили поочередно, и каждый день произносились проповеди. Храм был переполнен богомольцами — русскими и коряками. Все они говели. Поучения произносились для них как на русском, так и на корякском языках. Много прибыло и язычников-коряков, интересовавшихся происходящим.

В первые же дни съезд возбудил огромный интерес во всех окружных оседлых и кочующих туземных племенах. Коряки приходили на заседания, внимательно слушали и глубоко интересовались всем, о чем там говорилось. На съезде были выработаны приемы миссионерской работы, создалась атмосфера дружественной взаимопомощи и общения. Мною был сделан доклад, в котором подробно рассказывалось о положении камчатской миссии в то время. Вот главные положения моего выступления.

"Жизнь крещеных тунгусов и коряков (кочующее племя) протекает вдали от священников-миссионеров и учителей. Батюшку большинство туземцев видят раз в год или даже в несколько лет. Поэтому крещеный туземец, предоставленный самому себе, за неимением духовного руководителя в продолжение кочевой жизни, не помнит свое православное имя, забывает, как правильно изображать даже наружный знак молитвенного общения с Православной Церковью (знамение креста), не говоря уже о внутренней молитве, которой он и не научен. Ни учением православной веры, ни церковной молитвой и обрядами, ни Святыми Таинствами — ничем еще не был связан прочно с Православием камчатский туземец. После всего этого можно ли удивляться и ужасаться тому, что он не оставил шаманства, что не прерывает связи со злыми духами, умилостивляя их жертвоприношениями. Можно ли осудить его за то, что он не внимает православному учению, а слушает наговоры шамана и верит ему. Ведь шаман живет рука об руку с туземцем, да нередко и сам-то шаман из тех же крещеных тунгусов или коряков, а священника нет поблизости.

Северная природа Камчатской области, суровая и дикая обстановка, лишения, болезни, голод, эпизоотии, холод, непогода — все это мало радости оставляет в душе человека, и несчастный, одинокий, беззащитный дикарь ищет где-либо успокоения, облегчения от всех этих невзгод и не находит нигде, как только в колдовстве, наговорах,

заклинаниях и шаманстве. Вот что значит быть вдали от туземной крещеной паствы ее пастырю и учителю!

Надеть туземцу крест при крещении и думать, что уже сделано все нужное, и на этом успокоиться — этого мы, миссионеры, не должны допускать. Да не оскорбится слух доброго пастыря в слышании сей горькой правды, если только пастырь чувствует себя по своей совести в этом смысле виновным. Но мы, миссионеры новообразованной камчатской миссии, должны осознать такое горестное положение, должны объединить свои усилия в деле постоянного и частого общения с туземной паствой.

Нам ныне, слава Богу, прибавлено содержание, а с ним увеличивается и ответственность. Будем же, по мере сил, не жалея себя и разъездных денег, чаще навещать туземную крещеную паству, коснеющую в язычестве.

Бесспорно, есть несколько серьезных причин, которые снимают часть обвинений с пастырей-миссионеров, редко посещающих туземцев. Ведь каждый священник-миссионер в камчатской миссии в то же время и приходской священник большого села, где постоянно приходится выполнять прямые обязанности по приходу; тут же миссионер состоит заведующим, а некоторые — даже законоучителями в церковно-приходских школах. Все это не дает им возможности надолго и часто отлучаться к аборигенам, находящимся на далеком расстоянии и рассеянным по обширной тундре и горным хребтам края.

Из всего вышеизложенного видно, что нужно принять какие-то меры к устранению препятствий в посещении отдаленных стойбищ и острожков камчатских туземцев; необходимо установить более тесную, близкую, постоянную духовную связь между крещеными туземцами и священником-миссионером, чего можно достигнуть только путем широкого церковно-школьного строительства. В доступных местах и районах оседлой и кочевой жизни туземцев нужно как можно больше открывать церквей, часовен, школ, молитвенных домов, миссионерских станов и походных миссий.

Жизнь крещеных коряков протекает в более худших условиях, чем тунгусов, так как им часто приходится жить среди язычников. Крещеные коряки не знают даже своего русского имени и называют себя корякским именем. Я могу привести сотни примеров, когда при посещении корякских юрт я спрашивал имя какого-либо крещеного. Он первоначально называл прозвище, а когда спросишь русское имя, он задумается и часто говорит:

"Не знаю" ("ко"). Или бежит в соседнюю юрту спрашивать старух или стариков, не знают ли они, как его зовут порусски, потому-де батюшка спрашивает. Тут начинают вспоминать и перебирать имена: Семен, Иван, Петр. В этом случае не знаешь, что делать, как назвать, какое из этих имен выбрать, и невольно согрешаешь. Потом справляешься в исповедных росписях и сверяешь их с посемейными списками в уездном управлении, и оказывается — не Семен, не Иван, не Петр, а по одной справке Илья, по другой Алексий. Это не выдумка, а горький факт, который, наверное, много раз повторялся и повторяется с каждым священником, записывающим имена коряков в юртах. Эти кочующие коряки не знают также и времени своего рождения, так что приходится определять его на глаз. Среди коряков еще прочно держится верование в заклинание злого духа, а умилостивление его сопровождается жестоким обрядом принесения (через заклание) в жертву лучших ездовых собак. С таким жестоким, грубым и разорительным верованием дикаря миссионерам нужно усиленно бороться. Нужно помнить, что собака для жизни туземца более необходима, чем лошадь для русского крестьянина, и цена ездовой собаки, равно как и охотничьей, — от 50 до 150 рублей. Борясь с подобными варварскими обычаями, миссионерам необходимо установить с коряками более тесную связь и частое общение. Примером благотворного влияния на духовнонравственную жизнь крещеных коряков может послужить Иоасафовский миссионерский стан. Видно, что здесь с постройкой благолепного храма и школы не только местность просветилась, но и образ обитателей изменился к лучшему. Прекратились жестокие сожжения умерших людей на

кострах, жертвоприношения и заклинания злых духов, отпадает верование в колдовство и наговоры, налаживается законная супружеская жизнь, оставляется [29] многоженство.

Отчего все это произошло? Благодаря влиянию церкви, школы и тесному общению священника-миссионера с местным населением. Все мы — миссионеры, и должны искать удобного случая и возможности для устройства школ, церквей, походных миссий, и сами должны уделять больше внимания, времени и забот просвещению и спасению душ туземной паствы".

В завершение съезда прошли крестные ходы. Все население, еще недавно первобытное, дикое, приняло праздничный, торжественный вид. Дома, землянки, школа, храм были украшены национальными флагами, всюду красовались гирлянды из зеленого кедровника и разноцветной материи. Возле храма высилась арка с надписью: "Христос посреди нас".

Утром 23 февраля после литургии был совершен крестный ход к языческому священному месту — апапелю, где язычники-коряки почитали присутствие невидимой силы божества и для его умилостивления приносили жертвы в виде убитых собак, оленьего мяса, рога, жира, табака и пр.

После бесед и молитв во время съезда коряки Иоаса-фовского села решили раз и навсегда оставить почитание апапеля и уничтожить его. На этом месте была в то утро устроена арка с надписью: "С нами Бог". Стоя у апапеля, я спросил язычников-коряков:

— Что это такое?

— Это наш апапель, где мы умилостивляем злого духа.

— А это что такое? — спросил я, указывая на церковь.

— Это твой апапель, — отвечали язычники, — где живет добрый дух.

— А для чего же вам два апапеля, может быть, довольно одного?

Тогда коряки-язычники заявили:

— Пусть будет один твой апапель, а наш худой (дурной) нам больше не нужен.

Коряки единодушно обещали больше не почитать апапеля, вырыли на этом месте яму, сложили в нее все остатки прежних жертвоприношений, часть их сбросили в море, а на месте апапеля водрузили святой крест.

Закончился съезд праздником, трогательными играми туземцев: гонками на собаках и оленях, борьбой, бегом скороходов и прочими излюбленными развлечениями туземцев. Победителям я раздавал подарки. Вечером были устроены иллюминация, бенгальские огни, ракеты, фейерверк. Надо было видеть восторг и удивление дикарей на этом чудесном зрелище. Их наивная, искренняя радость невольно передавалась и нам.

В понедельник 24 февраля молебном с акафистом святителю Иоасафу официально съезд закончился. На память о нем все священники, его участники, получили в подарок по полному комплекту церковного облачения, которые были приобретены благодаря Камчатскому братству.

На рубеже двух эпох

Сменяйтесь времена, катитесь в вечность годы,
Но некогда весна бессменная взойдет.
Жив Бог! Жива душа, и царь земной природы —
Воскреснет человек: у Бога мертвых нет.
Вечная слава вам, славы достойные!
Там в тиши под землей
Спите спокойно, российские воины,
Вечная слава и вечный покой!

В 1914 году архиепископ Владивостокский Евсевий командировал меня в Святейший Правительствующий Синод в Петербург за получением 25000 рублей, ассигнованных после моего доклада разными учреждениями по ходатайству Государственной думы.

Я ехал в вагоне 1-го класса сибирского экспресса. За окном проплывали необъятные просторы матушки-Руси, занятой повседневным мирным трудом. Ничто не предвещало военной бури. Жизнь шла своим чередом. Поезд, врезаясь в таежные дебри, мчался на запад, миновал суровый, гористый Урал, пронесся с грохотом по ажурному мосту над многоводной, привольной Волгой, быстро приближаясь к столице. Но по прибытии в Петербург я был поражен известием о том, что в июле 1914 года Германия и Австро-Венгрия объявили нам войну, и уже на полях сражений проливается кровь. Неудивительно поэтому, что в Святейшем Синоде мне объявили о том, что в связи с началом военных действий ассигнованные Камчатскому братству 25000 рублей мы не получим, так как они будут переданы на военные нужды, а я должен был получить их только после войны.

Тогда же, выполняя волю Владыки Евсевия, я посетил Валаамский монастырь, где намеревался найти молодых послушников для воссоздаваемой мною на Камчатке обители. Однако все молодые послушники были мобилизованы в армию. Я немедленно телеграфировал архиепископу Евсевию о затруднениях в моих хлопотах по делам братства. Владыка телеграфировал ответ: "Война, по-видимому, будет недолго. Продолжайте оставаться. Выполняйте возложенные на вас задания".

Получив такое категорическое распоряжение, я почувствовал себя как бы скованным, бесполезным в тяжелую годину испытаний, выпавших на долю нашей Родины и русского народа. Поэтому попросил разрешения оказывать посильную христолюбивую помощь раненым воинам как в лазаретах, так и на передовых позициях в действующей армии. Я сформировал и возглавил санитарный поезд (в составе врача и санитаров), после чего приступил к оказанию первой медицинской помощи воинам кавалерийских и других родов войск на фронте, но более всего моему санитарному отряду пришлось потрудиться в лейб-гвардии драгунском полку.

Мне как начальнику санитарного отряда приходилось ездить верхом на лошади вдоль линии огня и руководить не только врачебным и санитарным персоналом, но и обозом с медикаментами. Неоднократно случалось смотреть в глаза смерти под градом пуль, среди рвущихся с оглушительным грохотом фугасов и снарядов, утешать напутственной молитвой умирающих воинов-страстотерпцев, а раненым облегчать страдания оперативной медицинской помощью. Любовь к ближнему и к Родине побеждали, заглушали во мне вспышки страха перед смертью. С таким же настроем я выполнял нередко даваемые мне командованием военные поручения, отправляясь на передовые позиции в сторожевую охрану. Приходилось подолгу находиться в окопах среди солдат, напутствуя их молитвой на бранный подвиг за Родину, за Русскую землю. Довольно часто мне поручали как вестовому срочно, под смертоносным огнем перевозить секретные донесения, а также бывать в разведке и участвовать в конной атаке.

На протяжении двух военных лет я стойко переносил все тяготы фронтовой жизни. За участие в боевых операциях в период нахождения в действующей армии, а также за организацию санитарного отряда я получил высшую для священнослужителя воинскую награду: Крест на Георгиевской ленте, а также ордена Святой Анны 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й степени и, утвержденный императорским рескриптом в период войны, орден Святого Николая (42) (все с мечами и бантами). Эти высокие боевые награды за проявленное мужество при защите

Родины сохранены за всеми имеющими их и поныне, согласно декрету теперешнего правительства, В связи с этим вспоминаю, как в 1945 году после освобождения Харбина от японских захватчиков мне, проживавшему там, привелось быть представленным маршалу Р. Малиновскому. Этот легендарный герой Великой Отечественной войны, увидев мои боевые ордена и знаки отличия, заинтересовался, когда и при каких обстоятельствах меня ими наградили, и со вниманием выслушал мой рассказ, затем подтвердил декрет, сказав:

— Вы имеете право достойно носить все эти боевые награды.

В конце 1915 года архиепископ Евсевий писал мне в действующую армию о том, что без меня мое детище — Камчатское благотворительное братство со всеми духовно-просветительными лечебными учреждениями — может погибнуть. Поэтому Владыка просил по возможности скорее вернуться на Камчатку.

Повинуясь своему правящему архиерею, я сердечно распрощался с фронтовиками и выехал к месту моего постоянного служения. Многообразные и сложные чувства переживал я при этом. Мое сердце как бы раздвоилось. Я скорбел об участи русских воинов, проливавших кровь за мирное благоденствие народа и независимость Родины, и в то же время мне было до слез жаль обездоленных, несчастных жителей Камчатки.

По прибытии в Петропавловск я немедленно создал Комитет по сбору средств для оказания помощи русским воинам. В числе первых я внес в фонд этого благотворительного Комитета имевшиеся у меня ценности.

Зиму 1916 года я провел в заботах по сбору средств и оказанию помощи раненым и увечным. В то же время я не прекращал своих пастырских поездок по краю. Во время одной из них я простудился и заболел воспалением легких. Болезнь протекала в весьма тяжелой форме, и я был при смерти, но по милости Божией начал поправляться. Как-то, еще не вполне оправившийся и болезненно впечатлительный, я лежал в отведенном мне помещении. Вдруг большая крыса прыгнула на мою кровать. Это мерзкое животное повергло меня в непонятный ужас, и у меня начался жуткий бред.

Тогда ухаживавшие за мной сердобольные люди решили для моего укрепления отвезти меня в село Апачи. Там среди девственно-нетронутой дикой природы, у подножия вулканов я должен был почувствовать себя лучше, тем более что в этой местности имеются горячие целебные источники. По прибытии в Апачи я убедился, что устройство их примитивное. Кроме небольшой кое-как сделанной загородки и одинокой скамьи, ничего здесь не было. А по дороге сопровождавший меня врач сказал:

— Посмотрите, кругом хвойный лес. Вы здесь сможете хорошо отдохнуть и поправить здоровье.

С этими словами он пошел осмотреть местность, а казак-возница отправился на поиски хвороста. Я остался один и от нечего делать вошел за изгородь, сбросил с себя одежду и начал купаться. Вода в источнике была настолько горячая, что терпеть было тяжело, но в то же время я почувствовал во всем организме некое облегчение. Мне даже показалось, будто бы с моего тела спала какая-то пелена. После купания в источнике я выздоровел.

Епископская кафедра

Тако да просветится свет ваш пред человека, яко да видят
ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех.
Мф. 5, 16.

По возвращении в Петропавловск я получил из Владивостока по действующему уже тогда телеграфу распоряжение архиепископа Евсевия срочно прибыть к нему. При первой же представившейся возможности я явился. Архиепископ Евсевий усадил меня за письменный стол и велел составить доклад о моей пастырско-миссионерской деятельности. Это, по его словам, было необходимо для разрешения вопроса о создании на Камчатке епископской кафедры. И тут же сказал:

— Кандидат на эту кафедру один — архимандрит Нестор. Ибо Нестор — это Камчатка, а Камчатка — это Нестор.

Святейший Всероссийский Синод избрал священноархимандрита Нестора, начальника Камчатской духовной миссии, епископом Петропавловским с хиротонией в Петербурге — в Александро-Невской Лавре или в Казанском соборе, "по его благоусмотрению".

Когда управляющий канцелярией Святейшего Синода запросил лично меня (необходимо было представить на заседание Синода ответ об избрании места хиротонии), то я сказал:

— Прошу доложить мою искреннюю просьбу, что я желаю получить архиерейскую хиротонию во Владивостокском кафедральном соборе от руки моего духовного аввы, нашего архиепископа Евсевия, избравшего мое недостоинство епископом на Камчатку. Для осуществления хиротонии необходимы дополнительно архиереи, а на Дальнем Востоке есть епископы в Японии, в Благовещенске, Чите и Никольск-Уссурийске.

Управляющий мне троекратно повторил, чтобы я серьезно подумал, пока не поздно, так как, в противном случае, я теряю большие прогонные средства, оплачиваемые мне от Петербурга до Петропавловска, что составляет огромную сумму, и весьма удивился моей настойчивости и полному отказу от них.

Архиепископ Евсевий с отеческой радостью воспринял мое искреннее желание, чтобы хиротонию совершали во Владивостоке, куда к 16 октября (воскресный день) Владыка Евсевий пригласил всех вышеупомянутых архиереев.

По возвращении в архиерейскую церковь на Седанке, где было мое наречение во епископа, я произнес речь. Приводя эту речь, оглядываюсь на пройденный мною долгий жизненный путь в этом сане и снова и снова глубоко сознаю я свою немощность и свое недостоинство.

В раннем детстве я молил Бога сделать меня архиереем, ибо тогда по-детски прельщался я внешним блеском и красотой епископского служения. Но когда Господь исполнил мою детскую молитву, я осознал тяжесть архиерейского омофора и вот уже сорок пять лет сгибаюсь под этим бременем.

Только Божия помощь и благодать дают силы нести это бремя, молитвы великих пастырей и архипастырей — живых и усопших уже руководителей и наставников: епископа Андрея, митрополита Антония, отца Иоанна Кронштадтского, митрополита Евсевия и других, которые ходатайствуют о Божией помощи и Божием благословении мне, немощному. Добрые имена моих духовных руководителей снова, как и сорок пять лет назад, повторяю я с любовью и благодарностью, отвечая им на любовь любовью, на молитву молитвой, смиренно прося Бога принять и мои недостойные молитвы по Своей неизреченной благости.

"Ваше Высокопреосвященство, богомудрые архипастыри и отцы!

Взирая нашим земным человеческим взглядом, казалось бы, не мне, недостойному, не получившему высшего богословского образования и происходящему из военно-светской семьи, не мне подобало предстоять на сем святом месте в настоящий знаменательный момент архиерейского наречения и в преддверии восприятия епископского сана. Но от Господа стопы человеку исправляются, и судьба моя от лица Божия исходит.

Всемогущий Промысл Божий чрез благословение моего учителя, духовного отца, святителя высокоиноческой жизни епископа Андрея и приснопамятного молитвенника отца Иоанна Кронштадтского предуказывал мне еще в 1907 году путь пастырского служения в Камчатской области, и во все время многотрудного моего служения на Камчатке десница Божия управляла мною, немощным.

Верую, что и ныне благодатью Всемогущего Бога, предуказанием богомудрого иерарха камчатских церквей архиепископа Евсевия Святейший Синод избрал и утвердил о бытии моему недостоинству епископом богоспасаемого града Петропавловска-на-Камчатке.

Покорясь всеблагому о мне Промыслу Божию, изливающему на меня благодать Святаго Духа, в восприятии высокого жребия святительского служения, я смиренно преклоняю главу свою под это благое иго. Но при искреннем сознании своих немощей и греховности моя совесть смущается пред величием настоящего святого момента. Страх и трепет прииди на мя.

Да можно ли не смущаться при сознании высоты и величия воспринимаемого епископского сана! Высота и величие архиерейского служения есть отображение высоты любви и смирения Самого Иисуса Христа, сошедшего с Небес ради нашего спасения. Смогу ли я, слабый и убогий, быть носителем ига Христова, заключающегося в кротости и смирении сердца, в служении ближним до самоотвержения?

Господи Боже мой, вверяющий мне стадо словесных овец Твоих для соблюдения их в правой вере, для спасения их душ! Правилом веры и образом кротости яви мя стаду моему. Не для себя, а для моей паствы должен я поставить цель моей жизни. Архипастырское служение в Камчатской области, населенной туземцами, еще во множестве пребывающими в язычестве, должно быть служением особенно высоким, миссионерским и равноапостольным. Само наименование Камчатского епископа Петропавловским по кафедральному граду и собору, освященным в честь святых Апостолов Петра и Павла, поставляет меня быть подражателем этих первоверховных Апостолов, просветителей всея вселенныя, подражателем их трудов и подвигов в деле евангельского благовествования, подражателем святым Апостолам в Божественном служении, в несении неизбежно встречающихся на миссионерском поприще всяких трудностей и невзгод.

За истекшие девять лет я до некоторой степени уже изведал ту тяжесть креста, которую Бог судил мне нести с юного моего возраста при трудных условиях миссионерского служения в Камчатской области. Подобно тому, как некогда Апостол Павел поведал коринфянам о всех перенесенных им ради спасения душ человеческих трудностях, невзгодах и лишениях и тем свидетельствовал, как сила Божия в его немощах совершалась, так и тем более я не умолчу и не хвалясь собой (да и нечем мне похваляться), а во славу Божию свидетельствую пред Святою Церковью, как сила Божия в моих немощах совершалась. Совершая дело евангельской проповеди и пастырского миссионерского служения в обширной суровой Камчатской области, среди язычников-шаманистов, поклонников злой темной силы, приходилось неоднократно подвергаться смертельной опасности, мерзнуть под снегом, будучи занесенным снежным бураном, изнуряться голодом, погибать в волнах морской пучины, претерпевать напасти от хищного зверя, изнемогать в тяжелых болезнях, и Господь всегда оберегал меня, немощного, на всех путях моего миссионерского служения. Налагая этот крест на меня. Господь не только не дал мне упасть под его тяжестью, но даже покрывал всякие невзгоды и все мои немощи великими Своими милостями не ради меня, а ради прославления Его святого имени, для просвещения языческой паствы.

Далекие камчатские обитатели, пребывающие постоянно в духовной и материальной нужде, холоде и голоде, ныне взысканы милостью Божией. Под святым покровом образа Всемилостивого Спаса и под высоким покровительством наследника цесаревича Алексия Николаевича объединяются православные русские люди и составляют собою святое Камчатское братство и своей любовью и благотворительной деятельностью оказывают большую помощь и поддержку миссионерскому делу на Камчатке. Из далекой Камчатки, из мрачной и убогой жизненной обстановки я неоднократно имел счастье предстоять в светлых чертогах пред лицом Государя и всей царской семьи и был осыпан царскими милостями и дарами для Камчатской миссии, для бедной, а также для прокаженной камчатской паствы.

Ныне, слава Богу, умножается число храмов Божиих на Камчатке, благодаря развивающейся деятельности Камчатского братства и его отделений. Но все же еще ощущается недостаток церквей. Нелегко приходится иногда совершать богослужения и исполнять церковные требы в туземных юртах. Все невзгоды, встречающиеся на тернистом пути миссионерского служения, кажутся ничтожными, когда учение и проповедь миссионера о Боге, о христианской вере и жизни, о спасении душ человеческих через Святое Крещение достигают успеха и касаются душ темных язычников, неведающих Истинного Бога, сидящих во тьме и сени смертной. Сколько радости

испытывает миссионер, когда он видит, как к нему доверчиво идут навстречу сами язычники-туземцы, жаждущие познания истинной Православной веры и ищущие жизни под покровом Церкви Христовой.

Туземцы — это дети природы, это мягкий воск в руках, владеющих им. При таких условиях открывается широкое благодатное поле деятельности миссионерам, но еще очень мало пастырей, готовых сейчас пойти на этот святой путь. С грустью приходится сказать, что жатва обильна, а делателей мало. Будем молиться Господу Богу, да низведет Господь делателей на жатву Свою.

Ныне, в эти знаменательные дни духовного торжества в жизни Камчатской области, достойно, с благоговением вспомним бывших немногих духовных деятелей на Камчатке от дней ее покорения под державу России с 1689 года.

Первый пастырь и благовестник святого Евангелия, ступивший в 1705 году на камчадальскую землицу, архимандрит Мартиниан положил начало Святого Крещения язычников-камчадалов. Будучи отцом своей паствы и честным защитником ее от пришлых грабителей, притеснявших туземцев, он сам претерпел от них притеснения и пытки, а в довершение принял мученическую кончину от руки злодеев, которые, истязав архимандрита, утопили его в Большой реке. С благоговением я принял в свое наследие Камчатскую миссию, основанную на мученической крови этого первого миссионера, миссию, которая не раз еще подвергалась тяжелым испытаниям, гонениям и даже прекращению ее благовестнической деятельности.

Не может быть предана забвению память монаха Игнатия (Козыревского), который основал первую Камчатскую пустынь, разрушенную во время камчатских междоусобиц в 1730-х годах. Слава и благодарение Богу! Ныне здесь положено новое начало устройства святой Спасовой обители. Бог даст, этот рассадник благочестия, насаждаемый опытной рукой благочестивого игумена Свято-Троицкой Уссурийской обители (43) отца Сергия, через учеников его и послушников разовьется и послужит священной купелью для просвещения Камчатского края.

Живым образом восстает пред нами блаженной памяти первый начальник Камчатской духовной миссии архимандрит Иоасаф (Хотунцевский), впоследствии епископ Кексгольмский, человек положительного твердого характера. Он был строителем церквей и школ на Камчатке и неутомимо странствовал по необозримой камчатской пустыне с евангельской проповедью. Этот святитель еще в 1740-х годах находил нужным и полезным для успешного просвещения Камчатки учреждение там епископской кафедры.

С чувством истинного сыновнего уважения простираю я ныне взор вдаль, за ограду иркутской Свято-Вознесенской Иннокентьевской обители (44), где почивают останки бывшего труженика и исповедника в Камчатской миссии в 1750-х годах архимандрита Пахомия, который после многолетних камчатских трудов, живя на покое в Вознесенском монастыре, сгорел во время бывшего там пожара.

Нельзя также обойти молчанием доброй памяти имена просветителей тунгусов, коряков и чукчей, истинных тружеников иеромонахов — убиенного Флавиаиа и Иосифа, протопопов Стефана и Никифора — начальников Камчатской проповеднической свиты.

Преклоняюсь с чувством душевного умиления пред равноапостольным миссионерским служением приснопамятного первого святителя епископа Камчатского Иннокентия, впоследствии бывшего митрополитом Московским. Его труды и подвиги на Камчатке достаточно хорошо известны всем нам.

Вечная память и со святыми упокоение да будет всем этим печальникам о просвещении и спасении душ камчатских обитателей.

В заключение моего слова сыновне припадаю к твоим стопам, мой священноначальник, богомудрый архипастырь и духовный отец, святитель Евсевий. Прошу твоего отеческого наставления, столь необходимого для меня, молодого и неопытного, постоянного твоего руководства как архипастыря, богатого духовным и

жизненным опытом. Я же пребуду в послушании, сыновней покорности, преданности и любви к тебе до скончания моей жизни.

Сыновне припадаю ко всем вам, Преосвященнейшие архипастыри, предстоящие пред Господом Богом в молитвах за меня, недостойного, и прошу: благословите меня, да приидет чрез возложение ваших святительских рук на мою грешную главу благодать Всесвятого Духа и восполнит и уврачует мои немощи. Помолитесь, дабы Господь помог мне посильно подражать в добрых подвигах всем бывшим просветителям Камчатки.

Помолитесь и за вверяемую мне камчатскую паству, да просветит ее Господь словом Истины, да откроет ей Евангелие правды, соединит ее Святой Своей Церкви и сопричтет ее к избранному Своему стаду, а мне, грешному, да даст Господь сил, крепости и умения право править слово Истины. Аминь".

16 октября 1916 года архиепископ Владивостокский Евсевий при вручении мне жезла епископа Петропавловского сказал: "Радостно приветствую тебя и поздравляю со знаменательным в твоей жизни событием: возведением в сан епископа. Радуюсь по этому поводу не только я, но, несомненно, еще больше меня возрадуется вверяемая тебе камчатская паства.

Сам ты хорошо знаешь, как сильно всегда жаждали жители Камчатки видеть архиерея, получить от него наставление. К сожалению, вследствие отдаленности, епархиальный архиерей не мог часто посещать Камчатку. Жители даже главного города — Петропавловска видели у себя архиерея не более одного раза в десять лет, а в отдаленных селениях — ни разу.

Будучи начальником своего детища — Камчатского благотворительного братства, — ты по-прежнему, не боясь трудностей и опасностей, станешь, как и раньше, посещать самые отдаленные уголки, поучать паству, совершать торжественные богослужения и оказывать добро ближним. Тебя, посвятившего себя с юных лет священнослужению в диких, отдаленных краях, местные жители любят и уважают за проповеди о Христе, за добрые дела. Иди же на вверяемое тебе высокое служение!

В надежде на помощь Божию твори дело Божие, дело архипастыря со всяким усердием. Ты не новый человек на Камчатке, ты и людей, ее населяющих, хорошо знаешь, любишь, а это в значительной степени облегчит трудность архипастырского служения.

Осенив себя крестным знамением, возьми в свои руки жезл сей как символ вверяемой тебе власти и преподай свое архипастырское благословение ожидающим этого благословения людям".

16 октября (старого стиля) 1916 года по милости Божией совершилось посвящение меня в сан епископа Петропавловского, второго викария Владивостокского и Камчатского епископа с пребыванием в городе Петропавловске.

Во Владивостоке это большое церковное торжество было весьма радостно воспринято как православным, так и иноверным населением, сердечно и ласково приветствовавшим новопосвященного епископа камчадальскими хлебом-солью — свежей рыбой. Для меня было сугубо радостно, что на посвящение меня в архиереи во Владивосток прибыла моя любимая, дорогая мамочка, Антонина Евлампиевна, и соучаствовала во всех церковных торжествах.

Все военно-морские и гражданские власти города оказали содействие по устройству в адмиральском доме парадного обеда в честь впервые совершавшегося большого события — архиерейской хиротонии.

После торжества к вечеру все пять архиереев поехали на Седанку, к месту жительства архиепископа Евсевия.

Владыка пригласил всех гостей и мою маму в свой большой кабинет, откуда открывался дивный вид на Амурский залив. Сам Владыка Евсевий присел к столу посмотреть последнюю почту. И вдруг при полной тишине он огласил Указ Святейшего Синода: "Архиепископу Евсевию Владивостокскому и Камчатскому о бытии архиепископом Приморским и Владивостокским, а епископу Петропавловскому о бытии

епископом Камчатским и Петропавловским с самостоятельным управлением Камчатской епархией и с жительством в городе Петропавловске-на-Камчатке".

Владыка Евсевий, прочитав указ Синода, всплеснул руками и сказал:

— Вот дак так! Утром посвящал своего викария, а сейчас уже я его потерял вместе с моим любимым титулом "Камчатский"! Но я искренно рад, что сей титул перешел именно Владыке Нестору, настоящему Камчатскому епископу, с чем я радостно и поздравляю моего дорогого, молодого Владыкочку Нестора.

Я всю свою жизнь оставался сыновне преданным моему авве и рад, что нам пришлось вместе быть членами Всероссийского Поместного Церковного Собора 1917—1918 годов в Москве.

Благодарно вспоминаю те счастливые дни, когда моя дорогая мама присутствовала и молилась на посвящении во епископа ее родного сына, которому она с детства преподала самые лучшие религиозно-нравственные назидания и добрые примеры родительского воспитания, желая направить на жизненную дорогу для служения Церкви и Родине на пользу и во благо.

Когда пришло время маме возвращаться, то я попросил начальника Владивостокской таможни осмотреть ее чемодан и опечатать пломбой во Владивостоке, чтобы потом на двух таможенных остановках ей не тревожиться. Начальник любезно позвонил в таможню, чтобы на квартире осмотрели чемоданы, запломбировали и вручили маме свидетельство о просмотре багажа. Мама, возвратившись домой, написала мне письмо:

"Когда чиновник таможни вошел в купе, то я достала из сумочки свидетельство о запломбированном чемодане, а сама не посмотрела ранее этого свидетельства. Чиновник прочитал его и, всматриваясь в мое лицо, спросил:

— А вы кто такая?

— Антонина Евлампиевна Анисимова, мать епископа Нестора, только что посвященного в архиерея.

Тогда чиновник вернул свидетельство. Там было написано: "Чемодан Ея Преосвященства [30], госпожи Нестеровой осмотрен во Владивостокской таможне и запломбирован; ничего запретного или требующего налога в вещах нет". Мы вместе посмеялись".

После посвящения меня в сан епископа я возвращался на Камчатку вместе с архиепископом Японским — Сергием. Он следовал в Японию в город Хакодате, на остров Хоккайдо, куда пригласил и меня, чтобы совместно освятить новый японский храм.

После торжественного освящения храма в честь Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца, было многолюдное собрание православных японцев в честь восстановления церкви на острове Хоккайдо. На собрании произносились речи и приветствия. Мне также пришлось выступить с приветствием, в котором я сообщил, что впервые был в городе Хакодате в 1907 году, после жесточайшего тайфуна, когда сгорел и православный храм. И вот теперь через девять лет японцы построили каменный роскошный храм.

9 ноября 1916 года, в день моего рождения, в 9 часов утра я прибыл на пароходе в Петропавловск, ставший теперь моим кафедральным городом. Власти города и население устроили мне торжественную встречу. Непосредственно с парохода я в сопровождении губернатора, всей администрации города и представителей различных слоев населения от самой пристани до собора проходил с крестным ходом при торжественной музыке "Коль славен наш Господь в Сионе...".

Учащиеся петропавловских школ и народ по-праздничному радостно встречали тогда первого архиерея. Среди многих приветствий было и теплое приветствие представителей китайской колонии Петропавловска. Буддисткитаец Сун-Ин-Тун поднес мне архиерейский жезл (посох) из Мамонтова клыка, выточенный в корякской юрте, с признанием в добрых чувствах ко мне. Туземцы, особенно коряки и чукчи, умело и

художественно изготовляли из Мамонтова или моржового клыка любые резные вещи или предметы обихода. Все это они создавали простым рабочим ножом, которым всегда режут корм собакам, раскалывают сухие дрова. Однажды в корякской юрте хозяинкоряк увидал впервые мою митру из золотой парчи с вышитыми на ней цветами и красивым узором. Я рассказал коряку значение этого головного убора и спросил его, может ли он принять мой заказ и сделать точно такую же митру из стоящего в юрте огромного Мамонтова клыка, который был выше человеческого роста. Он ответил:

— Могу сделать. Только прошу не торопить, обещаю управиться за 40-50 дней.

Мне показалось, что срок слишком маленький, но он заверил, что этого времени для него достаточно.

Этот клык коряк распаривал в горячей воде, затем разрезал на соответствующие части и за отсутствием всякого материала для закрепления фрагментов, придавая где нужно округлую форму, скреплял их, вставлял в фаску [31].

Мастер рельефно вырезал по митре соответствующие иконки (с четырех сторон), скопировал весь узор, вышитый цветами на моей парчовой митре, а борт митры опушил собольим мехом. В этой митре я совершал в Москве церковные службы и крестные ходы. Впоследствии я подарил ее Московскому археологическому институту.

После Поместного Собора

В конце февраля 1917 года беспроволочный телеграф ежедневно передавал из Петербурга важные новости и тревожные известия о неспокойствии на войне, на наших фронтах; о нежелании воевать наших воинских частей, о революционном настроении в столице и других городах, об отречении от престола Государя Николая II, об организации Государственной Думой Временного правительства и, наконец, о созыве 15 августа 1917 года Всероссийского Поместного Собора в Москве. На выборных началах участвовали не только епархиальные архиереи, но и по епархиям выборное духовенство и миряне в соответствующих пропорциях. Участвовали в Соборе все епархиальные епископы (немногим более 100 человек); вместе же с выборными членами и мирянами, участниками Собора, было около 770 человек.

Временное правительство не смогло удержать управления государственным кораблем, и в конце октября оно было сметено.

В этот период Церковный Всероссийский Собор, продолжая реформу Православной Всероссийской Церкви, отделенной от государства, при строго церковном и соборном соблюдении канонических установлении, на общем пленарном заседании всех членов постановил после ряда прений подавляющим числом голосов всего Собора восстановить Патриаршество в Русской Православной Церкви, бывшее 200 лет тому назад на Руси, но уничтоженное императором Петром I.

Патриархом Тихоном Владыка Евсевий был назначен митрополитом Крутицким. Скончался он в 1922 г. Могила его в Ново-Девичьем монастыре. Всякий раз я с благоговением посещаю ее, благодарю доброго авву, молюсь о его упокоении: "Архиерейство его да помянет Господь Бог во Царствии Своем".

Я как епископ Камчатский и Петропавловский представительствовал на Соборе, имея поручение от Камчатского Собора духовенства и мирян. В том же Соборе участвовал, имея голос от мирян, камчадал П. Новограбленный.

В 1918 году осенью мы возвращались на Камчатку в свою епархию, но поскольку прямой путь через Сибирь до Владивостока был нарушен сибирскими междоусобицами, то мне пришлось ехать на Камчатку окружным путем: через Киев, Одессу, Крым, Константинополь, Александрию, Египет, Суэцкий канал, Порт-Саид, Гонконг, Шанхай...

В Константинополе я растерялся, так как у меня было только несколько бумажных керенок, нигде не признаваемых. В Турции над моими керенками менялы только посмеялись. Но мне улыбнулось неожиданное счастье. Я случайно узнал, что в

Константинополе находился в то время господин Беклемишев — главный представитель Российского Добровольного флота. Я обратился к нему с просьбой взять меня на пароход "Томск", отплывавший вскоре на Камчатку, в счет моей уплаты по прибытии. На что он категорически возразил:

— Вы, Ваше Преосвященство, всегда, будучи на Камчатке, без отказа исполняли любые просьбы Добровольного флота и весьма много пользы приносили нам во время зимних поездок по Камчатской области, а посему мы вам отведем каюту на "Томске" и не считайте себя нашим должником.

Я от глубины души поблагодарил Господа и человека, оказавшего мне содействие в непредвиденном путешествии домой на Камчатку. "Томск" плыл 84 дня с небольшими остановками в попутных портах, но с большой задержкой из-за отчаянного, страшного, длительного шторма в Индийском океане.

Все же я, благодарный всем и за все, добрался до Петропавловска-Камчатского, где исполнил все епархиальные дела, много служил, и на следующем пароходе, прибывшем в Петропавловск, имел возможность пройти по Восточному побережью Берингова моря, посетив камчатские селения, где так радостно меня встречала моя паства. Я крестил давно приготовленных к принятию Православия дорогих моих детей природы, оказал посильную помощь походной аптекой больным и отправился в обратный путь. Увы! Наш пароход не пустили в Петропавловск, так как там происходило восстание.

Так больше мне и не пришлось вернуться на мою любимую, дорогую Камчатку. Но сердце мое осталось там, среди любимых мною камчадалов. И молитва моя неугасима за всю Камчатскую землю со всеми ее туземцами.

Я отправился через Японию в Харбин (Маньчжурию), где некоторое время служил и управлял Камчатским миссионерским подворьем и Домом трудолюбия и милосердия. Впоследствии Святейшим Патриархом Алексием и Священным Патриаршим Синодом я был назначен епархиальным архиереем Харбинским и Маньчжурским, с возведением в сан митрополита, и Экзархом по Восточной Азии (27 июля 1946 г.).

Молитвенно и смиренно благодарю Тебя, Господи, даровавшего моей скудости пронести ниспосланные Тобою три креста послушания моего: пастырского, иноческого и миссионерского в предопределенный Тобою период времени в Камчатском крае. Слава Богу за все!

При всех недостатках и немощах моих я, укрепляемый верою и любовью, по совести исполнял вверенное мне служение во имя Господа Иисуса Христа. И моим бывшим духовным чадам оставляю то же завещание апостольское, какое было мной положено в основу моей проповеди: "Живите достойно благовествования Христова, чтобы мне, приду ли и увижу ли вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном, духе, подвизаясь единодушно за веру Евангельскую" (Флп. 1, 27). "И чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, — и Бог мира будет с вами" (Флп. 4, 9).

Аминь.

От редактора

Воспоминания митрополита Нестора публикуются впервые. Машинописный экземпляр рукописи предназначался Владыкой для его духовных чад и близких ему людей. Есть сведения о существовании более полного текста мемуаров с редкими фотографиями, хранившегося после смерти Владыки у одного из его келейников.

По признанию автора, воспоминания были написаны после его освобождения из лагерей. На сей труд его благословил Патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский), с которым митрополита связывали близкие отношения: Патриарх не раз приезжал отдыхать к Владыке Нестору в бытность его митрополитом Кировоградским и Николаевским.

Исходным материалом для данной книги воспоминаний в какой-то мере послужили другие работы Владыки, как изданные, так и неопубликованные, а также его устные рассказы, ибо рассказчиком он был замечательным.

Текст воспоминаний печатается с небольшими сокращениями чисто редакторского характера. Публикатор благодарит наместника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры архимандрита Кирилла (Начиса) за предоставление наиболее выверенной машинописной копии воспоминаний митрополита Нестора, а также О.Т. Ковалевскую, взявшую на себя труд получить из Центрального архива кино-фото-фонодокументов в СанктПетербурге ряд снимков, публикуемых здесь впервые.

Необходимые краткие справки даются редакторами в сносках.

Биографические сведения о лицах, упомянутых в тексте, даются в комментариях.

Комментарии

1. Епископ Варсонофий (Курганов, 1839 — 8.1.1904) — сын священника Пензенской епархии. После окончанияПензенских духовных училища и семинарии (1856) и рукоположения во иерея (26.10.1857) служил около 10 лет в родном селе (до смерти жены). По окончании Казанской духовной академии (1870) оставлен при ней помощником инспектора. Удостоен степени кандидата (1872) и магистра (1873) богословия. Законоучитель Казанского учительского института (1876). Возведен в сан протоиерея (30.4.1887). Ректор Орловской духовной семинарии (3.2.1889). Пострижен в монахи (27.2.1889), возведен в сан архимандрита (2.3.1889). Ректор Казанской духовной семинарии (25.2.1891). Хиротонисан во епископа Великоустюжского, викария Вологодской епархии (21.6.1892). Епископ Глазовский, викарий Вятской епархии, настоятель вятского Успенского монастыря (10.12.1894). Почетный член Казанской духовной академии (1903). Внес крупное пожертвование для учреждения стипендии имени

Высокопреосвященного Никанора (Бровковича), архиепископа Херсонского и Одесского (бывшего ректора Казанской духовной академии). По мысли жертвователя, на проценты с этого капитала должен был содержаться "один из беднейших студентов духовного звания, отличающийся благонравием и успехами". Епископ Варсонофий скончался в Вятке от воспаления легких.

2. Митрополит Одесский и Херсонский Борис (Вик, 28.8.1906 — 16.4.1965).

3. Архимандрит (позже епископ) Андрей (князь Ухтомский, 26.12.1872 — 4.9.1937) — родился в с. Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Окончив 5 классов гимназии, поступил (1887) в Нижегородский имени гр. Аракчеева кадетский корпус, по окончании которого был принят в Московскую духовную академию (1891). Определен учителем русского языка в 1-й класс Казанского духовного училища (9.11.1895). Пострижен в монахи (2.12.1895), рукоположен в иеромонаха (6.12.1895). Инспектор Александровской миссионерской семинарии (1897), наблюдатель Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита (1899). Хиротонисан (4.10.1907) во епископа Мамадышского, викария Казанской епархии (был первым Казанским викарием по делам миссионерства). С 25.6.1911 — епископ Сухумский, а с 22.12.1913 — епископ Уфимский и Мензелинский. Духовником епископа Андрея был Владыка Антоний (Храповицкий). Играл видную роль в "революционном Синоде".

Участвовал в созванном в Омске (1918) Сибирском Поместном Соборе, где был избран в созданное на Соборе Временное Высшее Церковное Управление, руководил духовенством III армии адмирала А.В. Колчака. Арестован большевиками в Новониколаевске (февраль 1920), но через десять месяцев выпущен, после особого заявления, в котором Владыка "раскаивался в прежних нападках на советскую власть за ее декрет об отделении Церкви от государства"; направлен в Уфу "под надзор верующих". В программе созданного там Уфимского братства, в частности, говорилось: "... Чрез

церковное единение славянства идти к единению Вселенской Церкви и будущему VIII Вселенскому Собору". В 1921 г. назначен епископом Томским, но к месту служения не поехал. Арестован в феврале 1922 г. "за произнесение проповеди, в которой призывал крестьян организовываться в крестьянские союзы"; этапирован в Москву на Лубянку, где был выпущен на свободу для лечения (!). В том же году Московский ревтрибунал постановил прекратить дело Владыки "за недостатком улик". В 1922-1928 гг. явно и тайно поставил [32] ряд архиереев. В 1923 г. сослан в Среднюю Азию (Ташкент, Педжент, Ашхабад). 28.8.1925 г. в молитвенном доме ашхабадской старообрядческой общины во имя Святителя Николая епископ Андрей принял миропомазание от старообрядцев, перейдя таким образом в раскол, за что Патриаршим Местоблюстителем Петром (Полянским), митрополитом Крутицким, запрещен в священнослужении (13/26.4.1926). Осенью 1927 г. арестован в Москве и выслан в Казахстан, в Кзыл-Орду. Вновь арестован (4.10.1928) и препровожден в Ярославль, где в местном изоляторе отсидел в одиночной камере три года (до 7.10.1931). После освобождения уехал в Москву, где находился в молитвенном общении со старообрядцами. Новый арест и новая ссылка, на этот раз в Алма-Ату (с 1.4,1932). Характерно, что в письмах этого периода Владыка Андрей рекомендовал своим ученикам посещать собрания евангелистов, когда там читалось и толковалось Священное Писание. Это, по его мнению, должно было способствовать укреплению веры, а также помочь осознать непреходящее значение Библии. 19.9.1932 г. епископ Андрей получил Святые Дары и Миро от старообрядческого архиепископа Московского и всея Руси Мелетия. В письме, написанном 23.5.1933 г. предсовнаркому В. Молотову, он призывал главу правительства дать возможность собрать Собор, целью которого будет "нравственное оправдание социализма". Сведения о дальнейшей судьбе Владыки противоречивы. По одним данным, он после возвращения в Москву из среднеазиатской ссылки некоторое время жил там в старообрядческой архиепископии, а затем был выслан в Архангельскую область, где и завершил свой жизненный путь в 1944 г. По другим, более достоверным, данным, в 1934 г. он был приговорен к трем годам тюремного заключения, которое отбыл в Ярославской тюрьме. Там же вновь приговорен (27.3.1937) к лишению свободы, а 4.9.1937 расстрелян.

4. Равноапостольный Николай, архиепископ Японский — родился 13.8.1836 в бедной семье диакона ДимитрияКасаткина в с. Березовка Смоленской епархии. Блестяще окончив Санкт-Петербургскую духовную академию (1860), он принял монашеский постриг и отправился миссионером в Японию. Был настоятелем православной церкви при русском консульстве в Хакодате. В 1868 г. зародилась Японская Православная Церковь, а в 1870 г. отец Николай назначается начальником Российской духовной миссии в Японии. Возведен в сан епископа Японского (1880), заложил в японской столице собор во имя Воскресения Христова (1884). На пожертвование Николая II, сделанное им, когда он был еще наследником престола, основал в Токио духовную семинарию (1897). "Епископ Николай, — пишет списатель его жития, — сделал для японцев то же самое, что святые равноапостольные Кирилл и Мефодий для славян: он создал для них христианский язык и стремился поднять их до понимания евангельского и богослужебного языка".

Накануне русско-японской войны 1904-1905 гг. "встревоженные возможностью войны со своими единоверцами, православные японцы обратились к своему епископу. Он ответил им, что они по присяге обязаны исполнять свой воинский долг, но воевать — совсем не значит ненавидеть неприятеля, это значит — защищать свое Отечество. Патриотизм завещал нам Сам Спаситель, скорбевший об участи Иерусалима". Никто в России не понял японского святителя так хорошо, как император Николай II. По окончании войны царь писал ему: "Вы явили перед всеми, что Православная Церковь Христова, чуждая мирского владычества и всякой племенной вражды, одинаково объемлет любовью все племена и языки. В тяжкое время войны, когда оружие брани разрывает мирные отношения народов и правителей, Вы, по завету Христову, не оставили вверенного Вам стада, и благодать любви и веры дала Вам силу выдержать огненное

испытание и посреди вражды бранной удержать мир веры и любви в созданной вашими трудами Церкви..." ("Православная жизнь". Джорданвилль, 1982. № 2).

Возведен в сан архиепископа 24.3.1906. Скончался 3.2.1912. Прославлен Русской Православной Церковью 10.4.1970.

5. Евсевий (Никольский, 1861-1922), архиепископ (позже митрополит) Владивостокский и Камчатский — родился вТульской губернии в семье священника. В 1885 г. окончил Московскую духовную академию. Пострижен в монахи (1893), тогда же рукоположен во иеромонаха. Епископ Киренский, викарий Иркутской епархии (1896—1897).

Епископ (1899), а позже архиепископ (1906) Владивостокский и Камчатский (с 1916 г. — Владивостокский и Приморский). За годы своего епископства построил на Дальнем Востоке более 100 церквей, участник Собора Российской Православной Церкви 1917-1918 гг., после которого остался в Москве в связи с невозможностью вернуться назад из-за начавшейся гражданской войны. Митрополит Крутицкий. Временно управлявший Московской Патриаршей областью (1920-1922). Скончался в Москве в январе 1922 г.

6. Димитрий (Самбикин, 1839-1908), архиепископ Казанский и Свияжский. Образование получил в ВоронежскойДуховной семинарии и Санкт-Петербургской Духовной академии (1865). Преподавал библейскую и церковную историю в Воронежской духовной семинарии, рукоположен во иерея (1866). С 1872 г. — ректор Тамбовской духовной семинарии. Пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита (1877). Ректор Воронежской духовной семинарии (с 1881). Епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии (1866). Епископ Балтский, викарий Подольской епархии (1887). Епископ Подольский (1890). Епископ (с 1898 — архиепископ) Тверской и Кашинский (1896). Архиепископ Казанский и Свияжский (1905). В 1907 г. при Владыке Димитрии было учреждено третье викариатство для епархиального миссионера, которым стал епископ Андрей (Ухтомский). Будучи замечательным ученым в области церковной истории и археологии, оставил после себя множество научных трудов.

7. Иннокентий (Солодчин, 1842 — 23.10.1919), епископ Приамурский и Благовещенский — родился в семьесвященника Рязанской губернии. После окончания Томских духовных училища и семинарии, а также СанктПетербургской духовной академии (1863) поступил в Алтайскую духовную миссию, где состоял учителем

Улалинского миссионерского училища. Трудился в Забайкальской миссии (с 16.2.1874). Пострижен в монахи (30.11.1876). Возведен в сан игумена (1889) и архимандрита (1893). Миссионерское служение сочетал с преподавательской работой. Настоятель Томского Алексеевского монастыря (с 31.8.1898). Хиротонисан во епископа Приамурского и Благовещенского (9.2.1899). На покое (с 1900) проживал в одном из монастырей Таврической епархии. Принял схиму с именем Иоанн.

8. Владимир (Благоразумов, 3-4.1845-1914), епископ Приамурский и Благовещенский, — сын диакона Пензенскойепархии. После окончания Пензенской духовной семинарии рукоположен во иерея и назначен священником в уездный город Городище (1866). После смерти жены поступил (1878) в Казанскую духовную академию. Принял монашество (1888), назначен преподавателем в Волынскую духовную семинарию. Редактировал "Почаевский листок". Преподавал Священное Писание в Кишиневской духовной семинарии (1891). Возведен в сан архимандрита (1897), старший цензор Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета. Епископ Сарапульский, первый викарий Вятской епархии (1901 -1902). Епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии (1902-1906). Епископ Приамурский и Благовещенский (1906-1909). С 1909 г. — на покое. Магистр богословия, автор научных работ.

9. Святитель Иннокентий (Попов-Вениаминов), митрополит Московский, — родился 26.8.1797 г. в с. АнгинскомИркутской губернии в семье пономаря Евсевия Попова. Осиротев в раннем возрасте и сам научившись грамоте, он семи лет читал Апостола за литургией. Был принят на казенный счет в Иркутскую духовную семинарию,

ректор которой, обнаружив в нем душевное и внешнее сходство с Владыкой Вениамином (Багрянским), бывшим в 1789-1814 гг. епископом Иркутским и Нерчинским, дал ему новую фамилию — Вениаминов. В 1817 г. Иоанн Вениаминов (так звали Владыку в миру) женился, был рукоположен в сан диакона и определен учителем 1-го класса приходского училища. В 1823г. епископ Иркутский Михаил (Бурдуков) получил из Святейшего Синода указ послать священника в колонию Российско-Американской кампании на остров Уналашку. Им стал будущий святитель. Он проповедовал среди местных алеутов и креолов слово Божие, обучил их плотничьему, столярному, слесарному и кузнечному делу, построил с их помощью храм. Перевел на алеутско-лисьевский язык Катехизис и Евангелие от Матфея, составил букварь с полным переводом важнейших молитв. За труды его наградили наперсным крестом и в виде повышения перевели на остров Ситху (1834). После смерти жены (1839) пострижен на Троицком подворье святителем Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским (1840), а в конце того же года (15.12) был хиротонисан в Казанском соборе во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского (с 1850 — архиепископ).

Вскоре к его епархии была присоединена Якутская область (1852), куда он переселился на постоянное жительство. В 1862 г. архиепископ Иннокентий переселился в Благовещенск, откуда, продвигаясь по Амуру, совершал богослужения в селах. В 1868 г. был назначен Святейшим Синодом митрополитом Московским и Коломенским. Святитель учредил миссионерское общество и превратил Московский Покровский монастырь в миссионерский. 31 марта 1879 г. в Великую Пятницу Владыка Иннокентий отошел ко Господу. Прославлен Русской Православной Церковью 23.9.1977 г.

10. Макарий (Парвицкий, 1.10.1835 — 2.3.1926), митрополит Московский и Коломенский — старец-митрополит,выдающийся миссионер, просветитель алтайского народа; его называли "сибирским столпом Православия", "апостолом Алтая". Родился в с. Шапкине Ковровского уезда Владимирской губернии в семье пономаря. После окончания Тобольской духовной семинарии (1854), в которой получил прозвание "Невский", поступил в состав Алтайской духовной миссии. Приняв монашество и будучи рукоположен во иеромонаха (1861), трудился над устроением Чулышманского монастыря (1861-1864), работал в Казани над грамматикой алтайского языка, издал на нем ряд богослужебных и святоотеческих книг (1868-1869). Начальник Алтайской духовной миссии, архимандрит (1883), хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии (1884). Епископ Томский и Семипалатинский (26.5.1891), с 1905 — епископ Томский и Барнаульский (с 1906 — архиепископ), с 1908 — архиепископ Томский и Алтайский. Митрополит Московский и Коломенский, член Святейшего Синода (1912), почетный член СанктПетербургской духовной академии (1913). Уволен на покой (20.3.1917), местом пребывания определен НиколоУгрешский монастырь. Святителем Тихоном митрополиту Макарию дарован почетный пожизненный титул митрополита Алтайского (август 1920). Скончался в пос. Котельники Московской губернии. В 1956 г. останки святителя (по свидетельству очевидцев — нетленные) были перенесены в Сергиев Посад и упокоены под Успенским собором Троице-Сергиевой Лавры.

11. Мартиниан (Муратовский, 1820 — 5.7.1898), епископ Камчатский, Курильский и Благовещенский, — родился всемье причетника Казанской епархии. По окончании Казанской духовной семинарии (1842) определен учителем в Свияжское духовное училище. Пострижен в монашество (13.6,1845), рукоположен во иеродиакона (5.8.1945) и иеромонаха (3.3.1846). Смотритель Свияжского духовного училища (1853), настоятель Свияжской Макарьевской пустыни (с. 25.7.1856), настоятель Иркутского Вознесенского монастыря в сане архимандрита (с 19.7.1861).

Хиротонисан во епископа Селенгинского, викария Иркутской епархии (9.2.1869). Назначен епископом Камчатским, Курильским и Благовещенским (17.10.1877). В том же году заложил первый в епархии храм во имя святителя Иннокентия Иркутского при братской трапезе Корсунского монастыря. Епископ Таврический и Симферопольский

(11.5.1885; с 14.5.1896 — архиепископ). Уволен на покой (19.1.1897). Скончался в Симферополе.

12. Алексий (Дородницын, 22.11.1859 -1919), архиепископ Владимирский и Суздальский, — родился в с. УспенскоеСлавяносербского уезда, Екатерин ославской епархии, в семье дьячка. Окончил Екатеринославскую духовную семинарию и Московскую духовную академию (1885) со степенью кандидата богословия. Учитель Херсонского духовного училища (1886), боролся против распространения штундизма в Херсоне (с июня 1890), магистр богословия (1891, за сочинение "Церковно-законодательная деятельность Карла Великого"). Помощник строителя Бахмутского духовного училища (1892), епархиальный миссионер Екатеринославской епархии (1894), преподаватель обличительного богословия Черниговской духовной семинарии. Пострижен в монахи (1902), посвящен во иеромонаха. Инспектор Ставропольской духовной семинарии (1902), ректор Литовской духовной семинарии (1903). Хиротонисан во епископа Сумского, викария Харьковской епархии (30.5.1904). Епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии (1905) и одновременно ректор Казанской духовной академии, доктор церковной истории (март 1910). Епископ Саратовский и Царицынский (январь 1912), архиепископ Владимирский и Суздальский (июль 1914 — весна 1917). В 1918 уехал в Екатеринославскую епархию, где организовал группу, настроенную против митрополита Киевского Владимира, за что был запрещен в служении. Пытался захватить церковную власть на Украине и объявить автокефалию. Скончался примиренный с Матерью Церковью.

13. Никанор (Каменский, 1848-1910), архиепископ Казанский и Свияжский — окончил Казанскую духовную академию. Епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии (1891 -1896); епископ Смоленский и Дорогобужский (1896-1899); Орловский и Севский (1899-1902); Екатеринбургский и Ирбитский (1902-1903); Гродненский и Брестский (1903-1905); архиепископ Варшавский и Привислинский (1905-1908); Казанский и Свияжский (1908-1910). Автор трудов: "Изображение Мессии в Псалтири", "Экзегетико-критическое исследование мессианских псалмов с кратким очерком учения о Мессии до пророка Давида", "Объяснение послания Апостола Павла" и др.

14. Сергий (Тихомиров, 1863 или 1871-11.8.1945), митрополит Японский — уроженец Новгородской епархии. Училсяв Санкт-Петербургской Духовной академии (1892— 1896). Пострижен в монахи (1895), рукоположен во иеромонаха. Инспектор Санкт-Петербургской Духовной семинарии (1896), архимандрит (1899), ректор Санкт-Петербургской Духовной семинарии, ректор Петербургской Духовной академии (1905). Хиротонисан во епископа Ям-бургского, викария Санкт-Петербургской епархии (6.11.1905). Епископ Киотоский и помощник начальника Русской духовной миссии в Японии (21.3.1908). Епископ Японский и начальник Русской духовной миссии (19.5.1912). Архиепископ (1921), митрополит (1931). С 4.9.1940 на покое.

15. Павел (Ивановский, 1874-1919), епископ Никольск-Уссурийский — родился в Тульской епархии. ОкончилТульскую духовную семинарию (1895), пострижен в монахи (1896) и посвящен во иеромонаха. Назначен миссионером в Забайкальскую епархию, причислен ко Владивостокскому архиерейскому дому (1900), окончил Восточный институт во Владивостоке (1904). Возведен в сан архимандрита и назначен начальником Корейской миссии в Сеуле. Перевел на корейский язык богословские книги. Хиротонисан во епископа Никольск-Уссурийского, викария Владивостокской епархии (24.6.1916). Вместе с Нестором, епископом Камчатским и Петропавловским, в числе 39 архиереев Русской Православной Церкви подписал в Москве 5.4.1918 г. "Деяние Священного Собора Православной Российской Церкви о прославлении святителя Софрония (Кристалевского), епископа Иркутского". Епископ Вяземский, викарий Смоленской епархии (1918). Скончался от сыпного тифа по дороге в Новочеркасск, где и погребен. Составил акафист святым Апостолам Петру и Павлу.

16. Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский (память 4 сентября и 10 декабря), — уроженецПолтавской губернии, родился 8.9.1705 г. в знатной малороссийской семье. Воспитанник Киевской духовной академии, во время учения в которой принял монашеский постриг, а затем там же преподавал. Определен настоятелем Спасо-Преображенского Мгарского монастыря под Лубнами (1737), а позже (1744), будучи посвящен в архимандрита, переведен наместником Троице-Сергиевой Лавры. Хиротонисан во епископа Белгородского (2.6.1748). Вел истинно благочестивую и подвижническую жизнь. Скончался во время объезда епархии 10.12.1754 г. Совершавшиеся на его могиле чудеса послужили основанием к местному почитанию святителя, а затем и к общероссийскому прославлению его 4.9.1911 г., совершившемуся в присутствии Великой княгини Елисаветы Феодоровны и Великого князя Константина Константиновича. На докладе обер-прокурора Святейшего Синода император Николай II написал 10.12.1910 г.: "Благодатным предстательством святителя Иоасафа да укрепляется в державе Российской преданность праотеческому Православию ко благу всего народа Русского. Приемлю предложение Святейшего Синода с искренним умилением и полным сочувствием". Вскоре после прославления святителя Государь с Государыней приезжали поклониться его святым мощам.

17. Антоний (Банковский, 3.8.1846-2.11.1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, первенствующийчлен Святейшего Синода, — сын сельского священника Тамбовской губернии. После окончания Казанской духовной академии (1870) — профессор, магистр богословия, с 1874 г. — редактор "Православного собеседника". В 1883 г. пострижен в монахи, возведен в сан архимандрита, в 1885 г. — инспектор Санкт-Петербургской духовной академии, в 1887 г. — ректор, хиротонисан во епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии, в 1892 г. получил самостоятельную Финляндскую кафедру. В 1895 г. утвержден в степени доктора церковной истории, избран почетным членом Казанской, Московской и Санкт-Петербургской Духовных академий. В 1898 г. возведен в сан митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского. Автор множества духовных сочинений.

18. Сергей Михайлович Лукьянов (1855-?) — обер-прокурор Святейшего Синода (5/18.2.1909-2/15.5.1911), тайныйсоветник, сенатор. Родился в Москве. Окончил Военно-медицинскую академию. Работал при клинике профессора С. П. Боткина в лабораториях профессоров Гольтца и Гоппе-Зейлера (Страсбург), в Лейпциге и Геттингене. Доктор медицины (1883). Приват-доцент по кафедре общей патологии. Экстраординарный профессор Варшавского университета (1886). Директор Института экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге (1894).

Совещательный член Медицинского совета Министерства внутренних дел (1897). Преподаватель кафедры судебной медицины Училища правоведения (1898). Член Комиссии по вопросу о реформе средней общеобразовательной школы (1900). Товарищ министра народного просвещения (1902-1905). Член Государственного совета (с 1904).

19. А.Н. Харузин — в 1900-х гг. статский советник, директор Департамента духовных дел иностранныхисповеданий Министерства внутренних дел. В 1910-х гг. — гофмейстер, тайный советник, сенатор.

20. Александр Александрович Мосолов (1854 -1939) — генерал-лейтенант лейб-гвардии конного полка, в 1900—1917 гг. — начальник Канцелярии Министерства императорского двора и уделов. С января 1917 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Бухаресте. Будучи в числе тех, кто принадлежал к ближайшему окружению императора Николая II, участвовал в попытках спасти царскую семью в 1918 г., был одним из организаторов Общероссийского монархического съезда в баварском городе Рейхенгале в мае 1921 г. С 1933 г. жил в Болгарии, где написал свои записки "При дворе последнего императора" (СПб., 1992).

21. С. В. Рухлов (1853-1918) — начал службу в Министерстве внутренних дел, статс-секретарь Государственногосовета (1903-1905), товарищ главноуправляющего

торговым мореплаванием и портами, министр путей сообщения (1909-1915). Член Государственного совета (с 1905), тайный советник.

22. Никандр (Молчанов, 1.4.1852-5.6.1910), архиепископ Литовский и Виленский, — родился в семье диакона Московской епархии. После окончания Московской духовной академии (1878) преподавал греческий язык в Тамбовской духовной семинарии. Магистр богословия (1884). Пострижен в монахи (18.7.1885), рукоположен во иеродиакона (20.7.1885) и иеромонаха (21.7.1885). Назначен ректором Тамбовской духовной семинарии с возведением в сан архимандрита (30.8.1885). Хиротонисан во епископа Нарвского, викария Санкт-Петербургской епархии (10.2.1891). Ректор Санкт-Петербургской духовной академии (19.12.1893). Епископ Симбирский и Сызранский (23.8.1895), архиепископ Литовский и Виленский (23.4.1904). Назначен в Святейший Синод для присутствия (1909).

23. Г.Д. Шервашидзе (1.847-?) — князь, генерал-адъютант, Тифлисский губернатор (1888-1898), обер-гоф-мейстер, состоял при вдовствующей Императрице Марии Феодоровне (с 1898).

24. Владимир Карлович Саблер (Десятовский — с 1914 г. — взял фамилию жены; 1845 или 1847-1929) — сын штаб-лекаря и дворянки Тульской губернии. После окончания юридического факультета Московского университета был привлечен К. П. Победоносцевым к службе по духовному ведомству в качестве юрисконсульта. Оставил службу в Святейшем Синоде (6.5.1905) из-за разногласий с Победоносцевым — противником восстановления Патриаршества. Назначен членом Государственного совета. Действительный тайный советник, сенатор, обер-прокурор Святейшего Синода (2.5.1911-1913). Человек обновленческого духа, весьма пристрастный в характеристиках. Г. И. Шавельский, протопресвитер военно-морского духовенства, тем не менее говорил о нем: "В. К. Саблер был оригинальнейшим обер-прокурором. Он всегда был другом архиереев... Но он был другом и всего духовного и особенно монашеского чина. Его приемная всегда была переполнена монахами и монахинями, игуменами и игуменияими, архимандритами и протоиереями. Ревность к делу у В. К. не оставляла желать большего. Он был занят каждый день, очень часто принимал посетителей после 12 часов ночи, все время, казалось, дышал церковностью". В имении Саблеров, в 15 верстах от Каширы, была создана женская богословская семинария, рассчитанная на 500 девочек, с 6-летним курсом обучения; выпускницам предоставлялось право преподавания Закона Божия в общеобразовательных школах. После революции В. К. Саблер был репрессирован в апреле 1918 г., его под усиленным конвоем доставили в Москву из-под Новочеркасска, где он был арестован. Из ЧК его вскоре выпустили "за отсутствием состава преступления". Проживая в начале 1920-х гг. в Москве на Поварской, он влачил жалкое существование. Саблер прекрасно знал святителя Тихона, ценил его чрезвычайно высоко, но считал, что политика Церкви должна быть более гибкая, более лояльная в отношении "внешних" и в связи с этим большие надежды возлагал на митрополита Сергия (Страгородского). В конце жизни, будучи уже древним старцем, он был сослан в Тверь, где, обреченный на медленную муку, он голодал, ютясь в церковной сторожке.

25. Князь Иоанн Константинович (23.06.1886— 5.7.1918) — сын Великого князя Константина Константиновича (см.прим. 26) и Великой княгини Елисаветы Маврикиевны (1865-1927). Женат на княгине Елене Петровне (1884-1962), дочери Короля Сербии Петра I (см. прим. 27). Флигель-адъютант, штаб-ротмистр лейб-гвардии конного полка. Отличался редкостным духовно-религиозным настроем и сострадательностью к несчастным и обездоленным, чуткостью и простотой. Проводя очень много времени в молитве, он был особенно близок к Великой княгине Елисавете Феодоровне, с которой многие часы провел в религиозно-нравственных беседах. С ней же был и убит под Алапаевском.

26. Великий князь Константин Константинович (1858-1915) — генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии погвардейской пехоте и по Оренбургскому казачьему войску,

присутствующий правительствующего Сената, президент Императорской Российской Академии Наук (с 1889), поэт (стихи подписывал инициалами К.Р.). Командир лейб-гвардии Преображенского полка (1891-1900), главный начальник военно-учебных заведений (1900-1910), генерал-инспектор военно-учебных заведений (с 1910).

27. Петр I Карагеоргиевич — Король Сербии (1903— 1918), Король Югославии (1918-1921).

28. Николай I Петрович (1841-1921) — князь Черногорский Негош (1860-1910). Король Черногорский (1910— 1918).

29. Яков Николаевич Ростовцев — граф, действительный статский советник, гофмаршал, заведующий канцелярииейи личный секретарь Императрицы Александры Феодоровны, управляющий делами августейших детей. Член Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, член Комитета помощи русским военнопленным.

30. Архиепископ Арсений (Жадановский, 6.3.1874— 27.9.1937), — родился в Харьковской губернии в семьесвященника. Окончил харьковские духовные училище и семинарию (1894), надзиратель-репетитор в Харьковском духовном училище, преподаватель Осиновской церковно-приходской школы. Пострижен в мантию в Святогорской Успенской пустыни Харьковской епархии (1899), иеромонах (1902). Учился в Московской духовной академии (18991903). Казначей (1903), апотом наместник (1904) Чудова монастыря, архимандрит. Открыл при обители Московский отдел Камчатского миссионерского братства (1911), публикуя материалы о его деятельности в издававшемся им журнале "Голос Церкви" (1912-1917). Духовно окормлял сестер Серафимо-Знаменского скита (1910-1924), основанного его духовной дочерью схиигуменией Фамарью (Марджанишвили, 1.4.1869-10.4.1936). Хиротонисан во епископа Серпуховского, викария Московской епархии (8.6.1914). В 1918-1919 гг. проживал в Серафимо-Знаменском скиту вместе с архимандритом (впоследствии епископом) Серафимом (Звездинским, 7.4.1883-после 1937). Выехал в Серпухов (1920). С 1923 г. епархией не управлял, жил в московских обителях, а затем в СерафимоПонетаевском и Серафиме-Дивеевском монастырях, после закрытия которых (1927) поселился под Москвой. Митрополитом Сергием (Страгородским) возведен в сан архиепископа. Однако Владыка Арсений назначения не принял, в общественных богослужениях участия не принимал. В 1927 г. переехал в Арзамас. Арестован в 1931 г. Находился в концлагере "Медрога". Отпевал схиигумению Фамарь (1936). Арестован в 1937 г. Расстрелян в поселке Бутово под Москвой.

31. Иннокентий (Ястребов, 16.7.1867-22.5.1928), архиепископ Астраханский, — после окончания КазанскойДуховной академии (1892) преподавал в ней. Пострижен в монахи (7.6.1902), рукоположен в иеродиакона (8.6.1902) и иеромонаха (9.6.1902), возведен в сан архимандрита (1905). За сочинение "Миссионер Высокопреосвященнейший Владимир, архиепископ Казанский и Свияжский", исследование по истории развития миссионерства в России, получил степень магистра богословия. Хиротонисан во епископа Каневского, викария Киевского (26.6.1906). Ректор Киевской духовной академии. Епископ Полоцкий и Витебский (11.7.1914). Постоянно присутствующий в Святейшем Синоде (10.1.1915), председатель миссионерского совета при Святейшем Синоде (14.1.1915). Управлял на правах настоятеля Донским монастырем в Москве. Епископ Полоцкий и Витебский (сентябрь 1917-19.3.1918, сентябрь 19181922). С 1920 г. — архиепископ. Архиепископ Ставропольский (1926), архиепископ Астраханский (1927). Погребен на кладбище Свято-Данилова монастыря.

32. Игумения Руфина (Кокорева, 27.6.1872-15.8.1937) - родилась в Перми в семье крупного промышленника А.Т.Кокорева. Послушница Успенского женского монастыря в Перми (с июля 1880). После двух лет, проведенных в московских монастырях, она вновь возвращается на Урал — в Верхотурский Покровский монастырь, где работает в иконописной мастерской и управляет монастырским хором, а позже исполняет должность

благочинной. В 1911 г. инокиня Ольга была пострижена с именем Руфины, возведена в сан игумений и направлена в г. Чердынь Пермской губернии восстанавливать Иоанно-Богословский монастырь, упраздненный при Екатерине II. Постепенно обитель обустраивалась. С началом войны в ней был создан приют для сирот воинов, погибших на фронте. Высочайшей покровительницей его стала Великая княжна Татиана Николаевна. Летом 1917 г. матушка побывала в Москве в Марфо-Мариинской обители у Великой княгини Елисаветы Феодоровны. В годы революции и гражданской войны матушка Руфина как могла пыталась защитить сестер и обитель от поругания и разорения. Но вынуждена была оставить Чердынь вместе с отступавшими "белыми". Во Владивостоке она пыталась устроить обитель во имя Смоленской иконы Божией Матери "Одигитрия". В начале июня 1923 г. матушка прибыла в Харбин. Здесь ею был основан Владимирский монастырь после сотворенного Господом чуда (26.8.1925): моментально в руках игумений Руфины обновилась потемневшая Владимирская икона Божией Матери. 26.4.1926, там же чудесно обновился образ

Господа Бога Саваофа. От новоявленных чудотворных икон творились дивные чудеса и подавались исцеления. С 1927 г. обитель постепенно переводится в Шанхай, где сестры нашли себе духовную поддержку у святителя Иоанна (Максимовича). Скончалась матушка Руфина в день Успения Пресвятой Богородицы в 1937 г.

33. Епископ Филарет (Никольский, 6.3-1858— 1921) — сын дьячка Костромской епархии. После окончанияКостромской духовной семинарии (1880) определен надзирателем в Костромском духовном училище. Рукоположен во иерея (11.10.1881). Овдовев, поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию (1887-1891). Пострижен в монахи (25.9.1888). Инспектор Тифлисской духовной семинарии (1891), ректор Казанской духовной семинарии в сане архимандрита (1892). Ректор Тульской духовной семинарии (1895). Хиротонисан во епископа Глазовского, викария Вятской епархии (30.1.1904). Епископ Вятский и Слободской (27.11.1904), епископ Астраханский и Енотаевский (20.3.1914). 25.5.1916 г. уволен на покой. В 1918-1920 гг. временно управлял Костромской епархией. С 1920 г. епископ Самарский.

34. Даниил (Шерстенников, 1.2.1932), епископ Охотский, викарий Владивостокский (с 1928), — хиротонисан воепископа Читинского, викария Забайкальской епархии (1920), в 1927-1928 гг. управлял Киренским викариатством Иркутской епархии.

35. Правильно: архимандрит Иосафат (Хотунцевский) — впоследствии епископ Кексгольмский, викарийНовгородской епархии (1758-1759).

36. Святитель Иннокентий Иркутский (память 26 ноября и 9 февраля) — родился в Чернигове в дворянской семье Кульчицких в 1680 г. Окончил училище при Киевском Братском монастыре (1706), принял постриг в Киево-П-черской Лавре; впоследствии профессор славяно-греко-латинской Академии в Москве, обер-иеромонах Флота, наместник Александро-Невской Лавры. Хиротонисан во епископа Переяславского (1721) и поставлен во главе Китайской духовной миссии, однако правительство Китая отказалось ее принять. Поселившись до окончания дела в Селенгинске (Забайкалье), святитель терпел жестокую нужду, так как выплата жалования была ему прекращена. В поисках пропитания участники миссии открыли иконописную школу, занимались рыболовством и даже просили милостыню. Сам святитель, выучив за это время бурятский язык, создал монгольскую школу, и многие буряты приняли тогда христианство. В 1722 г. назначен епископом Иркутским, став, таким образом, первым архиереем новой епархии. Он умножил число церквей, создал русскую школу для будущего священства, просвещал светом Христовой Истины язычников — тунгусов, якутов, бурят. Жил святитель в Иркутском Вознесенском монастыре, проводя ночи в изучении святоотеческих творений и составлении проповедей. Скончался 26 ноября 1731 г. Чудеса на его могиле и по его молитвам привели к почитанию святителя Иннокентия в Сибири наравне со Святителем Николаем. Причислен к лику святых в 1804 г.

37. Святитель Софроний Иркутский — в миру Стефан Кристалевский (25.12.1703-30.3.1771), уроженец м. БерезаниПереяславского уезда Полтавской губернии. По окончании Переяславской духовной семинарии поступил послушником в Красногорский монастырь (Полтавской губернии). В течение 11 лет управлял Александре-Невской Лаврой, при которой устроил Троице-Сергиеву пустынь (позже в ней, как известно, подвизался святитель Игнатий (Брянчанинов). Назначен на Иркутскую епископскую кафедру (23.2.1753). Хиротонисан 20.3.1754 г. Ревностно благоустраивал епархию, учредил Сибирскую миссию, открыл духовную семинарию. Отличался святостью жизни. После смерти тело святителя находилось в соборе непогребенным шесть месяцев и 10 дней. Нетленность мощей впоследствии подтверждалась неоднократно. Память святителя Софрония как угодника Божия благоговейномолитвенно почиталась жителями Иркутска, причем сразу же после его смерти. "18 апреля 1917 года в Богоявленском соборе Иркутска от неизвестной причины произошел пожар, уничтоживший гробницу и нетленные мощи святителя Софрония. Обгоревшие кости святителя освидетельствованы особой, избранной пастыремирянским собранием комиссией. [...] Верующие чада церкви объединились в Союз православных христиан, имеющий целью ограждать неприкосновенность святынь Православия, и в частности останки святителя Софрония, от бесчестия и поругания со стороны врагов Церкви" ("Церковные ведомости". 1918. № 19-20). Священный Собор Православной Российской Церкви 5/18.4.1918 г. причислил святителя Софрония к лику святых угодников Божиих, определив совершать его память 30 марта — в день блаженной его кончины.

38. Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и Сибирский (память 10 июня), — родился в Нежине в дворянскойсемье Максимовичей. Образование получил в Киевской академии, по окончании которой остался в ней профессором.

Постриг принял в Киево-Печерской Лавре и назначен проповедником. Святитель Феодосии, архиепископ Черниговский, назначил его архимандритом Елецкого монастыря в Чернигове, которым до этого управлял сам (1695). После смерти блаженного Феодосия был хиротонисан в Москве (10.1.1697) во епископа Черниговского. Управлял кафедрой 15 лет, основав первую в России Духовную семинарию (Черниговский коллегиум). В марте 1712 г. по царскому указу архиепископ Иоанн был назначен на Сибирскую кафедру в Тобольск с возведением в сан митрополита. Он оказался единственным епископом на громадных просторах Сибири. Неустанная служба, пламенная проповедь слова Божия, дела милосердия — все это снискало ему горячую любовь паствы. 10 июня 1715г., совершив последнюю свою литургию, святитель пригласил к себе на трапезу местное духовенство, бедноту и сам им прислуживал. Затем, запершись в келлии, предался молитве и скончался на коленях перед образом Богородицы. Среди творений святителя Иоанна особо выделяются сочинения "Илиотропион, или как согласовать волю свою с волей Божией" и "Царский путь Креста". Причислен к лику святых 10 июня 1916 г. Святые мощи его до 1920 г. открыто почивали в Тобольском кафедральном соборе Софии, Премудрости Божией.

39. Павел (Конюшевич, 1705-1770), митрополит Сибирский и Тобольский, — родился в Галиции, учился в Киевскойдуховной академии, где впоследствии преподавал. Пострижен в монахи в 1735 г., проповедовал в Московской духовной академии (1741), был настоятелем Юрьева монастыря (с 1744). С 1758 г. — митрополит Сибирский и Тобольский. В 1768 г. уволен на покой с пребыванием в Киево-Печерской Лавре. Поводом к тому послужила подача им вместе с Владыкой Арсением (Мацеевичем) протеста против секуляризации монастырских имений.

40. Имеются в виду епископы Камчатские, Курильские и Благовещенские: 1873—1877 гг. — Владыка Павел(Попов); 1877-1885 гг. — Владыка Мартиниан (Муратовский, 1820-5.7.1898); 1885-1892 гг. — Владыка Гурий (Буртасовский, 1845-1907); 1892-1898 гг. — Владыка Макарий (Дарский, f7.9.1897).

41. Епископ Палладий (Добронравов, 18.11.1865 -1922) — родился в семье коллежского советника Могилевскойгубернии. Окончил Московские духовные семинарию (1887) и академию (1891). Пострижен в монахи (1888), рукоположен во иеромонаха (15.4.1890). Был смотрителем Коломенского и Звенигородского духовных училищ (2.10.1891). Преподавал в духовных семинариях: Вологодской (1892), Могилевской (1894), Тульской (1896). Возведен в сан архимандрита (1897). Назначен наблюдателем миссионерских курсов Казанской духовной академии, а потом ректором Литовской духовной семинарии (1899). Синодальный ризничий (1901). Хиротонисан во епископа Вольского (6.12.1903). Епископ Пермский и Соликамский (28.11.1908), Саратовский и Царицынский (30.7.1914), Сарапульский и Елабужский (1918). В 1919 г. уволен на покой. Жил в Москве, будучи настоятелем Новоспасского монастыря.

42. Ордена Святителя Николая в Российской Империи никогда не было. Известен Орден Святителя НиколаяЧудотворца, учрежденный генералом П.Н. Врангелем на Юге России, девизом которого стали слова: "Верой спасется Россия". Кроме того, примерно через 10 лет после окончания Первой мировой войны, уже в эмиграции, был учрежден орден под таким же названием. Вручался он от имени "Великого Государя Всероссийского" Кирилла (то есть Великого князя Кирилла Владимировича), в том числе и участникам мировой войны. Разумеется, Владыку Нестора не память подвела: признаться, что среди царских орденов он носит "белогвардейскую награду" (а он действительно носил ее открыто), даже в воспоминаниях, не предназначавшихся для печати, было тогда небезопасно.

43. Свято-Троицкий Николаевский мужской монастырь в Южно-Уссурийском крае располагался на левом берегуреки Уссури, в 19 верстах от станции Шемановка. Идею создания монастыря высказал еще святитель Иннокентий (Вениаминов). Однако учрежден он был лишь в 1894 г. Первым настоятелем и строителем обители был игумен Алексий (в миру артиллерийский офицер Осколков). В кратком описании монастыря сказано: "Все виды монастырского хозяйства поставлены образцово и по новейшим приемам, так что монастырь является культурным центром, из которого распространяются сельскохозяйственные знания среди местного крестьянства. При монастыре — школа для крестьянских детей, 2 странноприимницы и больница с аптекой. Кроме того, при монастыре учреждено Уссурийское братство Пресвятыя Богородицы для защиты в епархии веры, нравственности и установлении Православной Церкви".

44. Иркутский Вознесенско-Иннокентиевский мужской монастырь первого класса располагался на левом берегуАнгары верстах в 5-6 от Иркутска. Монастырь был основан в 1669-1672 гг. старцем Герасимом.

Примечания

1. Митрополит Антоний (Храповицкий; †1936).

2. Притч. 26, 17.

3. Посетивший Патриарха Тихона перед отъездом на юг России весной 1918 года генерал князь Г.И. Трубецкой вспоминал: "... Я не просил разрешения Патриарха передать благословение его войскам Добровольческой Армии, и святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Его Святейшества передать от его имени благословение лично одному из видных участников Белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счел и это для себя возможным, настолько он держался в стороне от всякой политики...".

4. Список с этого образа хранится и доныне в фондах Музея истории религии — в Казанском соборе Санкт-Петербурга. В качестве "контрреволюционной иконы" он приведен в невежественной и оскорбительной по тону книге сотрудника этого музея — атеиста Г. Прошина "Черное воинство" (2-е изд. М., 1988. С. 182).

5. Отсюда другое название этих несториан, утвердившихся в Индии, — фомиты. О пребывании епископа Нестора вИндии и на Цейлоне пишем, используя сведения, содержащиеся в труде митрополита Мануила (Лемешевского, l2.8.1968), в свою очередь пользовавшегося неопубликованными воспоминаниями Владыки "Путешествие в Индию и на Цейлон"

6. Позже архиепископ Венский и Австрийский Русской Православной Церкви за границей. Окончил Харбинскоереальное училище (1922), рабочий КВЖД (1922-1929), учился на вечерних богословских курсах (1928-1931). Принял монашеский постриг и рукоположен во иеромонаха (1929). Законоучитель в детском приюте при Доме милосердия в Харбине. Редактор "Православного голоса" (1934-1937). В качестве келейника Владыки Нестора жил среди христиан в Южной Индии (1935-1936). Возведен в сан архимандрита (1936). Начальник Православной миссии на Цейлоне (1937-1939).

7. В 1930 году в интервью иностранным корреспондентам в Москве Заместитель Патриаршего Местоблюстителямитрополит Сергий (Страгородский) среди прочего заявил, что епископ Нестор "в Китае" находится "в каноническом подчинении Патриархии"25.

8. Место упокоения Владыки Нестора под сенью подворья Лавры Преподобного Сергия глубоко символично. Дело втом, что, по личному свидетельству митрополита, в августе 1948 года (видимо, уже после ареста) он послал Патриарху Алексию "на рассмотрение и утверждение исправленный текст акафиста Преподобному Сергию Радонежскому"28.

9. Судьба дневника, о котором пишет Владыка Нестор, неизвестна.

10. Имеется в виду Патриарх Алексий I (Симанский Сергей Владимирович), Предстоятель Русской ПравославнойЦеркви с 1945 по 1970 год. Воспоминания Владыка Нестор начал писать, как следует из текста, в 1961 году.

11. По петровской Табели о рангах чин статского советника принадлежал к V классу и соответствовал воинскомучину бригадира, то есть между генерал-майором (IV класс) и полковником (VI класс).

12. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Канонизирован Русской Православной Церковью в 1990 году.

13. По воспоминаниям Владыки Нестора, записанным его духовными детьми, кронштадтский пастырь "передал о.Нестору неполную бутылочку хереса, сказав при этом, что о. Иоанн велел ему передать, что он сам выпил половину этого, а ему надлежит испить вторую половину. Впоследствии на Камчатке в тяжелые минуты болезни одна капля этого хереса являлась для о. Нестора лучшим лекарством" (Митрополит Нестор, камчатский миссионер// "Надежда". Христианское чтение. Вып.7. Франкфурт-на-Майне. 1982. С. 53-54). — С.Ф.

14. По данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона 237266 кв. верст (или 472300 кв. км).

15. Апапель — это открытое, по их понятию и верованиям, капище, холм, где пребывает злой дух, держащий втисках своего влияния язычников. На этом холме могут лежать жертвы в виде оленьих рогов, мяса, табака, убитых ездовых собак, умилостивляя злого духа.

16. Широкое распространение болезней среди животных.

17. Каюр — возница, который управляет собаками, везущими нарты. Способ управления прост. Каюр говоритсобакам: ках-ках, кгхыр-кгхыр, тай-тай, поть-поть. Это означает — направо, налево, быстрее, остановиться. Собаки понятливы и весьма послушны. (Прим. авт.)

18. Это облачение тунгусы мне вышили оленьими жилами, окрашенными в разные цвета; краску они сами изготавливают из разных трав. Так же художественно они украшают и свой наряд. А коряки вышили орлец, который был вложен в гробницу с

мощами святителя Иоасафа Белгородского [16], когда в 1911 г. в Белгороде я принимал участие в его прославлении. (Прим. авт.) [

19. Притча о богаче и Лазаре (Лк. 16, 19-31).

20. До 1917 года, в отсутствие в Русской Церкви Патриарха, митрополит С.-Петербургский имел в СвятейшемСиноде статус "первоприсутствующего", т.е. главы.

21. Шифр — вензель Государыни, который получали институтки на выпуске, знак фрейлинского звания.

22. Зимнее помещение.

23. Русский перевод: Пойди по дорогам и изгородям, и убеди прийти, чтобы наполнился дом Мой.

24. Ясак — подать.

25. Здесь: небольшие ладьи.

26. Пелоч (полач) — сеть.

27. Бат — долбленая лодка.

28. Имеются в виду алеуты, кадьяки, колоши и другие племена.

29. Оставляется (ц.-слав.) — прекращается.

30. Титул епископа, ошибочно присвоенный А.Е. Анисимовой.

31. Углубление в кости.

32. Рукоположил.